

Уильям Хендрикс
История бильярда от Уильяма Хендрикса

William Hendricks' History of Billiards (1974)

Перевод: Сергей Тихонов; декабрь 2015

Последние изменения внесены: 13 октября 2017

Краткая хронология истории бильярда

1164

При описании средневековых игр с шаром (шарами) уже используется слово *bille* (в переводе с французского языка – «шар»; прим. пер.)

1350

Вероятно, самое раннее документально подтвержденное упоминание о бильярде, в который играли на территории Франции.

Примерно к этому периоду времени относится рисунок на окне кафедрального собора в Глостере (*Gloucester; небольшой английский городок; прим. пер.*) с изображением удара искривленной палкой по шару, а также иллюстрации наземного бильярда [Джозефа Стратта](#) (*Joseph Strutt*).

1460

Приблизительный период времени, когда пастухи играли в бильярд на земле; такая игра изображена на французском гобелене.

1470

Первое упоминание о бильярдном столе, приобретенном французским королем Людовиком XI.

1480

Знатное семейство во Франции приобретает бильярдный стол и два набора аксессуаров для игры.

1514

В инвентаре имущества французской герцогини указан «большой стол для игры в бильярд, покрытый зеленой тканью».

1578

Бильярдные столы лицензируются в Голландии ломбардцами (*купцами и ростовщиками, развернувшими свою деятельность во многих странах западной Европы; прим. пер.*).

1586

Королева Шотландии Мария Стюарт лишена ее бильярдного стола в замке Фотерингей.

1588

Герцог из Норфолка и граф из Лестера обладают бильярдными столами в Англии.

1591

[Эдмунд Спенсер](#) (*Edmund Spenser*) охарактеризовал бильярд, как расточительную игру.

1605

[Король Англии Яков I](#) (*James I*) приказал изготовить бильярдный стол столяру Генри Уоллеру (*Henry Waller*) – вероятно, первому известному английскому производителю столов.

1609

В пьесе «Антоний и Клеопатра» [Шекспир](#) упоминает о бильярдной игре.

1610

Корпорация [Billardiers Paulmiers](#) наделена французской королевской властью правом монопольного управления общественными бильярдными.

1611

Бильярд упоминается в англо-французском словаре [Рэндла Котгрэйва](#) (*Randle Cotgrave*).

1616

[Бен Джонсон](#) (*Ben Johnson*) в своей пьесе «*The Devil is an Ass*» отмечает гладкость поверхности бильярдного шара.

1656

Кромвель приказывает судьям графства Хартфордшир карать тех владельцев пабов, которые будут позволять клиентам играть в бильярд в воскресные дни.

1665

В Париже опубликован альманах игр [La Maison des Jeux Academiques](#), считающийся первой из известных книг, содержащих руководство по бильярду.

1666

Пятьдесят семь заведений Парижа имеют лицензии на общедоступную игру в бильярд.

1674

Опубликована первая известная английская книга, содержащая инструкции по бильярду – [The Compleat Gamester](#); её автор – Чарльз Коттон (*Charles Cotton*).

Разрешено наносить удары тонким концом мастика в случаях, когда шар располагается рядом с бортом; это – первый шаг в эволюции кия.

1679

При игре в бильярд в лондонском поместье посла Португалии, удары наносились преимущественно тонким концом игрового инструмента.

1682

Парижские придворные, сидя на диванах из зеленого бархата с золотыми окаймлениями, наблюдают за тем, как король Людовик XIV играет в бильярд на одном из двух его столов, расположенным под двадцатью шестью хрустальными люстрами.

1684

В Англии опубликована книга [Роберта Хаулитта](#) (*Robert Howlett*) «Школа развлечения» (*School of Recreation*), ставшая вторым за десять лет изданием, содержащим наставления по бильярду.

1690

Согласно словарю [Антуана Фюретье](#) (*Antoine Furetière*), в бильярд всё ещё можно играть в саду на специально подготовленной земляной площадке.

1709

В колониальной Вирджинии [Уильям Бёрд II](#) (*William Byrd II*; *плантатор и политик; прим. пер.*) и миссис Бёрд играют в бильярд.

1717

В семилетнем возрасте король Франции Людовик XV играет в бильярд.

1723

Французские власти запретили ночную игру в бильярд в образованном за пять лет до этого Новом Орлеане.

1734

Первое упоминание в печати о бильярдном кие («*the stick*») в переработанном издании книги Ричарда Сеймура (*Richard Seymour*) [Compleat Gamester](#); в этой же работе к известным способам английской игры добавлена новая разновидность «французский бильярд».

1763

Молодой шотландец Джеймс Босуэлл (*James Boswell*; *писатель и мемуарист; прим. пер.*) играет в бильярд в Лондоне.

1765

Французы организовали бильярдный зал в [Сент-Луисе](#) (*St. Louis*; *штат Миссури*) – городе, возраст которого на тот момент составлял лишь один год «от роду».

1773

В двух выпусках журнала *Covent Garden* появляются важные трактаты по бильярду.

Впервые в английском исследовании по бильярду встречается слово «кий» (*cue*); первый раз описывается техника «волочения» («протаскивания») шара, определен соответствующий термин *trailing*; в английских книгах, содержащих описания правил игры, впервые упоминается карамбольная игра с использованием третьего шара – предшественник современного английского бильярда.

Преобладающим игровым инструментом в Англии является мазик, в то время как в некоторых других странах это – не так. От использования в игре арки и короля к этому времени уже полностью отказались.

1775

В книге [Hoyle's Games Improved](#) появился раздел, посвященный бильярду, написанный Джоном Дью (*John Dew; маркёр из Лондона; прим. пер.*).

1779

[Джон Дью](#) описывает, как при игре кием можно использовать мазик в качестве мостика (машинки, реста).

1789

[Е.Уайт](#) (*E.White*) был очевидцем выполнения трюковых бильярдных ударов в Гамбурге и Париже.

1790

Изобретение «Джеффри» – кия со скошенным концом, которым можно наносить удары в точки, располагающиеся ниже центра битка.

1792

Накануне лишения свободы, Людовик XVI и Мария Антуанетта играют в бильярд.

1797

Наиболее распространенной бильярдной игрой в Англии является *White Winning Game*, в которой используется два белых шара.

1799

[Джон Тёрстон](#) (*John Thurston*) начал заниматься бизнесом – производством бильярдных столов и мебели.

1800

В Англии кии и мазики продаются примерно в равных количествах.

1801

Томас Хёрст (*Thomas Hurst*) опубликовал в Лондоне книгу анонимного автора *The Game of Billiards* ([Полное название: New Instructions for playing, in all its Varieties, the Game of Billiards with Ease and Propriety. To which is prefixed an Historical Account of the Game; прим. пер.](#)), ставшую первой английской работой, полностью посвященной бильярду.

1803

Согласно утверждению [Томаса Шератона](#) (*Thomas Sheraton; проектировщик и дизайнер мебели; прим. пер.*), производство бильярдных столов стало отдельным направлением мебельной индустрии.

1805

В книге [Académie Universelle des Jeux](#) утверждается, что во Франции для игры в бильярд все еще применяются деревянные шары; там же упоминается об использовании за пределами Англии приема волочения (протаскивания) шара.

1807

Выпущена в свет книга Е.Уайта (*E. White*) [A Practical Treatise on the Game of Billiards](#) – наверно, самая исчерпывающая печатная работа по бильярдной игре, вышедшая в мире.

Уайт первым описал влияние вертикального вращения на движение шара (*имеется в виду продольное вращение – верхнее и нижнее; прим. пер.*). Он же был первым, кто использовал термины «прицельный шар» (*object ball*) и «биток» (*cue ball*).

1814

Мебельная компания Джона Тёрстона полностью сосредоточилась лишь на бильярдном производстве.

1818

Джон Тёрстон впервые объявил о продаже кия, оснащенного кожаной наклейкой.

1819

В английских книгах с описанием правил бильярда появилась игра, называемая Пул.

1820

Согласно словам [Майкла Фелана](#) (*Michael Phelan*), в начале девятнадцатого века американцы практически повсеместно используют мазики. В Англии же, безусловно, к этому времени кий вытеснил мазик.

1823

[Джон Карр](#) (*John Carr*) стал известен как «родоначальник удара с боковым вращением».

1825

Британский чемпион Джон Карр не «вышел» на матч против Эдвина Кентфилда (*Edwin Kentfield*), который, таким образом, и стал новым национальным чемпионом.

1826

Джон Тёрстон экспериментирует со своим новым открытием – сланцевыми плитами для столов.

1827

В Париже опубликована книга Франсуа Мангу (*Françoise Mingaud*) [Noble Jeu de Billiard](#).

1828

Оппоненты президента США Джона Куинси Адамса (*John Quincy Adams*) ставили ему в вину то, что он развлекался игрой на бильярдных столах в Белом Доме.

1830

Мангу демонстрирует в Лондоне чудеса удара с боковым вращением битка; Тёрстон опубликовал книгу Мангу в переводе на английский язык.

1833

Бильярдный стол был перевезен на муле в форт *Brent's Fort* по транспортному маршруту *Santa Fe Trail* в штате Колорадо.

1834

Тёрстон представил бильярдный стол *Imperial Petrosian Billiard Table* со сланцевыми плитами.

1835

Вместо старомодных бортов с наполнителями введено новое изобретение Тёрстона – каучуковые борта.

1838

В Виндзорском дворце для королевы Великобритании Виктории установлен новый бильярдный стол Тёрстона.

1845

Тёрстон получил [патент на изготовление усовершенствованных бильярдных бортов, сделанных из резины](#).

Иммигрант из Швейцарии Джон Брансуик (*John Brunswick*) занялся изготовлением бильярдных столов в Соединенных Штатах.

1849

Не согласившись участвовать в публичном матче, Эдвин Кентфилд уступил титул английского чемпиона по бильярду Джону Робертсу (*John Roberts*) из Ливерпуля.

1850

В Филадельфии опубликована английская работа [Bohn's New Handbook of Games](#), включающая в себя исследование по бильярду.

Компания [A.E.Schmidt Billiard Co.](#) выходит на рынок производителей бильярдного оборудования.

Опубликована первая американская книга о бильярде [Billiards Without a Master](#), написанная Майклом Феланом.

Наиболее популярной бильярдной игрой в Америке является карамболь с четырьмя шарами.

Техника удара кием по шару все еще включает в себя движение всей ударной руки.

В настоящее время мазик вряд ли используется для игры кем-либо, кроме дам (согласно книге издателя Генри Джорджа Бона; *Henry George Bohn*; прим. пер).

1850

Наполеон III послал в Россию богато украшенный девятифутовый бильярдный стол в качестве подарка по случаю коронации царя Александра II.

Образована компания Фелана и Коллендера; в течение многих лет она будет крупнейшим и наиболее значительным бильярдным производителем в стране.

1856

Фелан зарегистрировал свой первый [патент](#) на усовершенствованную конструкцию американского бильярдного стола.

Фелан основал выпуск небольшого ежемесячного журнала *The Billiard Cue*.

1859

Фелан победил в [первом матче за звание чемпиона Америки](#), в котором он встретился с Джоном Сирейтером (*John Seereiter*) из Детройта.

1860

В Вустере (штат Массачусетс) состоялся первый бильярдный матч между Гарвардским и Йельским университетами.

1863

Техника ударного движения кием, в основном включающая движение предплечья, приобретает практически современный вид.

Согласно Фелану, мазик «используется лишь дамами и детьми, пытающимися овладеть начальными навыками игры».

1864

В Коннектикуте проведен первый официальный чемпионат штата по бильярду.

Чарльз Диккенс (*Charles Dickens*) обладает столом, изготовленным компанией Тёрстона и доставленным ему во время Рождества Христова.

1868

Джон Уэсли Хайятт (*John Wesley Hyatt*) изобрел целлулоид – синтетический материал, способный заменить слоновую кость при изготовлении бильярдных шаров.

1868

На первом официальном чемпионате по Английскому бильярду Уильям Кук (*William Cook*) победил Джона Робертса.

1875

Британские офицеры, расквартированные в Индии, изобрели Снукер.

1876

Марк Твен (*Mark Twain*) и Брет Гарт (*Bret Harte*) написали новую пьесу, работая над ней в бильярдной комнате, располагающейся на третьем этаже дома Твена в Хартфорде, штат Коннектикут.

1878

Проведен первый официальный американский турнир по лузному бильярду.

1879

Путём объединения образована компания Брансуика-Болке-Коллендера (*The Brunswick-Balke-Collender Company*).

1891

К этому времени мазик практически не используется для игры.

1896

В спортивной серии *Badminton Library* опубликована объемная книга [Billiards](#) майора Уильяма Бродфута (*William Broadfoot*).

Общепризнанной становится современная игровая стойка с низким наклоном над столом, а также маятниковое ударное движение предплечья.

1909

Согласно рекламным объявлениям Брансуика-Болке-Коллендера, до сих пор повсеместно в США можно приобрести мазики.

Глава I

Введение: забытая история

Королева Шотландии Мария Стюарт удостоена чести называться одной из первых известных покровительниц древней игры в бильярд. В холодный ноябрьский день 1586 года английские тюремщики явились в промозглый замок Фотерингей, чтобы вывезти бильярдный стол Марии; при этом было заявлено, что у нее не будет «больше времени для упражнений и развлечений» [1]. Такие действия были скорее травлей, чем наказанием. Несколько месяцев спустя Мария была обезглавлена, и, как говорят, ее тело накрыли сукном, спешно сорванным с того самого стола.

Нет ничего необычного в желании шотландской королевы, находящейся в течение длительного времени под арестом, всегда иметь возможность воспользоваться полюбившейся забавой. В то время дворянство демонстрировало показную любовь к игре в бильярд по всей Европе и в частности – в Англии. Возможно, Мария познакомилась с игрой, будучи королевой Франции (1559-1560; прим. пер.). Бильярд был для нее (как и для другой королевы – шекспировской Клеопатры) символом, подобающим ее кабинету. Как и другие символы, он был отнят, когда для Елизаветы I стало политически важно подчеркнуть, что Мария раз и навсегда отказалась от притязаний на трон.

За сотню лет до этого игра велась, вероятно, не на изящном столе в дворцовой передней, а на земляных площадках под солнцем. Прошло еще сто лет, прежде чем бильярд был наречен благородной игрой – так как им развлекался весь королевский двор Франции. Но уже в 1586 году он был на пути к тому, чтобы стать любимой игрой в пабах и трактирах Лондона. В 1609 году публика, знакомившаяся с новой пьесой Уильяма Шекспира «Антоний и Клеопатра», не удивлялась предложению Клеопатры сыграть в бильярд. Времяпрепровождение за игрой в бильярд вполне приличествовало великой королеве Египта, но этим же развлечением можно было заняться, выйдя из театра и направившись в ближайшую гостиницу.

По велению времени, популярными становились Бильярд и множество других игр. Средневековые были уже в прошлом. Появлялся средний класс, который хотел и мог иметь то, что прежде принадлежало только богатым – определенное количество досуга. К тому же, возникновение игр было верой в удовольствия сегодняшнего дня в противоположность вознаграждениям в будущем. Таким образом, не случайно, что в то время как бильярд завоёвывал популярность у жителей Западной Европы, такие слова как развлечение, игрок, тренировка и шулер, обретали новый оборот. Незадолго до этого, обычные усилия, прилагаемые для выживания, занимали все время большинства людей. Постоянных игроков и игровых мошенников можно было отыскать только среди достаточно свободных и довольно богатых людей, которым была знакома великая роскошь скуки. Определение [доктора Сьюмьюла Джонсона](#) (*Dr. Samuel Johnson*) – «тренировка является работой, которая выполняется только тогда, когда доставляет удовольствие» – ничего не значило бы для большей части человечества. Но к пятнадцатому веку всё изменилось. В действительности, мир преобразался, и яркая история игры в бильярд – отражение некоторых изменений.

Как выразился один историк, исследования прошлого бильярда позволяют обнаружить больше, чем реликты игры. Скорее, они выявляют «побочные сведения о жизнях наших предков, которые приближают их к нам ближе, чем это могут сделать перечни сражений и имена реформаторов» [2]. Удивительно истинно то, что мимолетные проблески прошлого, которые приходят с такими исследованиями, более уникальны, более труднодостижимы, и так или иначе более сокровенны, чем те знания, которые мы получаем, изучая крупные исторические события. Выводы, которые мы в состоянии сделать, носят иной, возможно более человечный характер. Конечно, невозможно изучать такую тему в отрыве от всего прочего. Игры являются частью традиций и культуры тех обществ, которые их создают.

Немногие из тех, кто сегодня играет в бильярд, знают, что игра имеет одновременно как благородную, так и несколько непристойную родословную – красочное прошлое, созданное и изящными придворными и дерзкими негодьями. В своих ранних проявлениях игра имела двоякую репутацию. Вероятно, одним из самых знаменитых бильярдных «жуликов-катал» за все времена был французский епископ [Лангра](#) в конце 1600-х годов, но к тому времени по всей Европе бильярд уже стал достоянием людей среднего класса. Поэт Эдмунд Спенсер (*Edmund Spenser*) уже назвал его одной из «расточительных игр» беззаботных лондонских мотов [3]. С широким распространением бильярдных столов по постоянным дворам и тавернам всей Англии, к столам стекались зажиточные купцы, ремесленники из средних классов и сельские жители, что гарантировало прочную популярность игры.

Какой бы яркой ни была история бильярда, ее удивительно сложно воссоздать. Американский игрок девятнадцатого века Майкл Фелан, написавший несколько книг по бильярду, сказал: «Его старина, как и возраст многих взрослых женщин, окутана множеством неопределенностей» [4]. Литература по этой теме полезна, но ее мало, а к тому, что есть, зачастую трудно получить доступ. Исследователь ищет, выживая небольшие объемы информации из давно распроданных изданий, переводя тексты с вышедших из употребления языков и осторожно обращаясь с ветхими от старости рукописями. Он читает объемные книги по наставничеству и созданию мебели, или истории про кофейни семнадцатого века и таверны восемнадцатого века, или даже собирает невразумительные прошения о помиловании за давно забытые

средневековые преступления. То, что мы, в конце концов, обнаруживаем, это – не столько основная часть фактического материала (лексикографы затрудняются прийти к согласию даже об этимологии термина «бильярд»), сколько знания об очаровательно сложном развитии игры, заслужившей благосклонность множества людей в течение весьма долгого времени.

Высказанное одним из писателей мнение о том, что профессиональные историки препоручили проведение исследований в области бильярда некомпетентным любителям [5], представляется несколько грубоватым. Тем не менее, то, что многое из написанного по этой теме пронизано ошибками, шаткими гипотезами, неточностями и просто абсурдом – факт. Правда заключена и в том, что большая часть материала прежде никогда не собиралась и не оценивалась любым тщательным способом. Долгие годы, необходимые для проведения исследований, выполнения перевода, компилирования и толкования, являются препятствиями, для преодоления которых редко всерьёз прилагались усилия. Но в этой книге такие попытки сделаны – на основе некоторых знаний автора о самой игре (как турнирного игрока, как преподавателя бильярда в университете, как давнего поклонника игры) и некоторого опыта применения надлежащих методов исторического и литературного исследования.

Некоторые незначительные определения, необходимые для изложения, приводятся по его ходу. В целях этого исследования слово «бильярд» должно иметь довольно широкое применение. Оно относится не к одной конкретной игре из большого набора тесно связанных разновидностей бильярда, а ко всем вместе. Если из контекста не следует ясный частный смысл, то термин обозначает все существующие в мире варианты игр: американский лузный бильярд, английский бильярд, Снукер, французский бильярд и все их многие прародители. Такое универсальное использование слова заставляет прислушаться к его самым глубоким корням в этимологии западных языков – ко времени, когда у этого слова было, возможно, намного более широкое применение, чем сегодня.

В 1350 году, играя в одну из первых разновидностей бильярда на лужайке во Франции, Жак де Пон Абер и Пьер Симон (*Jacques de Pont Habert; Pierre Symon*) использовали игровые термины, поразительно схожие с очень старым словом «бильярд», дожившим до наших дней. Слово, использовавшееся как название их игры, означало что-то вроде «изогнутой палки», служившей инструментом для нанесения ударов по шару. Палка, применявшаяся в бильярдной игре, оставалась изогнутой приблизительно до 1800 года; слово же сохранилось до сих пор, но уже без связанных с ним старых ассоциаций.

Стремительный прогресс бильярда во второй половине семнадцатого века демонстрирует, как он вырос от игры на лужайке до взыскательной забавы людей средних классов и аристократов. В увлекательных дневниках Джона Ивлина и Сэмьюэла Пеписа (*John Evelyn; Samuel Pepys*) можно прочесть не только о Черной Смерти (чуме; прим. пер.) и великом лондонском пожаре (в 1666 году; прим. пер.), но также и об игре в бильярд. Любитель посплетничать Пепис был гениальным выходцем из среднего класса, он частенько в Лондоне играл с приятелями в бильярд. Его друг, аристократичный и благородный Ивлин, увидев при визитах в лучшие английские дома хороший бильярдный стол, никогда не обходился без его полного описания и рассудительной оценки достоинств.

Посвященное игре эссе, написанное Джоном Бойнтоном Пристли (*J.B.Priestley*) в начале двадцатого века, практически вплотную приблизилось к объяснению того, почему особая привлекательность бильярда надолго захватывает людей. Пристли сам иногда поигрывал в бильярд, и однажды ему посчастливилось побывать на матче за звание чемпиона в бильярдном зале Тёрстона (*Thurston's Billiard Hall*) в Лондоне. Литератор был буквально очарован гипнотическим воздействием игры. Сначала он говорит о двоих игроках, ранее обладавших титулами чемпиона по английскому бильярду:

«Оба они были полубогами. Я могу предположить, что в обычной жизни можно было бы пройти мимо них, как проходят мимо обычных парней – просто приятных, приличных, опрятных людей с произношением северян. Но в этом крошечном мире ярко-зеленого сукна, а также белых и темно-красных шаров, они были полубогами. После нескольких первых минут я начал относиться к ним с благоговением ...»

Пристли также пытается описать стихию игры, которая затрагивает что-то глубокое и человеческое в игроках.

«Игра в бильярд каждый день и вечер, из года в год, может показаться монотонной, но все же я думаю, что при таком существовании они должны получать удовлетворение. То, что они могут сделать, они делают без какой-либо возможной тени сомнения. Они попадают по красному шару, и он исчезает в лузе. Им не нужно уверять себя в способности попасть по шару и отправить его в лузу, как это мы все делаем. Что я могу сделать? Что Вы можете сделать? Мы думаем об этом, мы представляем, и мы никогда не уверены. А эти великие мастера кия уверены так, как это подвластно человеку. Я завидую им». [6]

Чтобы насладиться глубокими и особенными удовольствиями, свойственными бильярду, конечно же, не нужно быть мастером и не требуется играть из года в год. Правильный щелчок при соударении шаров, разделенных внушительным пространством зеленого цвета, дает даже неопытным игрокам указания о верном и тонком контроле над тем, что они помышляли сделать, находясь вдалеке от стола. Это было и остается главным в очаровании от долговечной игры.

При исследовании истории бильярда мы обладаем привилегией – возможностью всмотреться в интригующее прошлое, переходящее от средневековья к временам Шекспира и Бена Джонсона, далее к восемнадцатым и девятнадцатым векам, а затем и к современности. Часто люди, заинтересованные историей бильярдной игры, обладали кусочками информации о той истории, которую они были неспособны осмыслить или истолковать. Наши знания ширятся при «копании» в ярких и пусть даже несущественных работах, при прочтении старых трактатов (важна даже гипотетическая история). Таким образом, необходимо совершать экскурсии в различные места – в литературу прошедших дней, в древние книги с описанием игр, в коллекции старых печатных изданий, в непривычные истории и старинные словари – чтобы найти необходимые сведения о зарождении игры, ее становлении и изменении. Никогда еще не было проведено полного исследования о великолепии бильярдного мазика – этого позабытого предшественника кия. Никогда не предпринимались попытки проследить за развитием игр в течение веков. Никогда даже не было сделано заключительного четкого заявления о том, где зародилась современная европейская игра. Забытые игровые инструменты, запечатанные способы ведения игры, позабытые люди составляют яркий и увлекательный рассказ – основательно стертый из памяти и, возможно, никогда полностью не высказанный.

Ссылки на источники в главе 1

1. Prince Alexandre Labanoff, ed. – [*Lettres, Instructions et Mémoires de Marie Stuart, Reine d'Ecosse*](#) (London: Charles Dolman, 1844), VI, 470.
2. Sir John Squire – «*The History of Billiards*», в каталоге *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities* (London: Billiards Association and Control Council, 1940), p.13.
3. Ed[mund] Sp[enser] – [*Prosopopoia: Or Mother Hubberd's Tale*](#) (London: William Ponsonbie, 1591), n.p.
4. Michael Phelan – [*The Game of Billiards*](#), 5th ed. (New York: D. Appleton, 1863), p.19.
5. Ned Polsky – [*Hustlers, Beats, and Others*](#) (Chicago: Aldine Publishing Co., 1967), p.19. Фактически, была проведена лишь маленькая горстка исторических исследований, охватывающих небольшие участки обширной территории. Несколько наиболее важных: Joseph Strutt – [*Sports and Pastimes of the People of England*](#) (1801), Joseph Bennett – [*Billiards*](#) (1873), Henry Havard – [*Dictionary of Furniture and Decoration*](#) (1887), Henry René d'Allemagne – [*Sports and Games of Skill*](#) (1903), несколько брошюр Сидни Джиллетта (*Sidney Gillett*) о бильярдной индустрии, Jane Carson – *Colonial Virginians at Play*, Louise Belden – *Billiards in America before 1830* (1965).
6. J.B.Priestley – «[*At Thurston's*](#)» in *Self-Selected Essays* (London: William Heinemann Ltd., 1932), pp.63-64, 67.

Глава II

Слово и игра: поиск истоков

Истинная этимология слова *бильярд* была почти такой же серьезно запутанной темой, как и происхождение самой игры. Несомненно, начиная с позднего средневековья, появилось несчетное количество игр, в которых в том или ином виде используется шар, а названия многих из них происходили от названий применявшегося игрового инструмента – палки, биты, булавы, мачты, дубинки, жезла, посоха или шеста. Многие дожившие до сегодняшних дней игры, в которых используются шар и палка, являются кузенами, возникшими от родоначальных игр средневековья. Бильярд, хоккей, гольф, боулинг, шаффлборд, теннис, крокет и даже детская игра «марбл» («стеклянные шарики») – все происходят от группы игр, медленно проявлявших свои собственные отличительные черты. Из-за этого родства, совпадали многие термины, использовавшиеся в различных играх. И проявления такого перехлёста терминов усугублялись вследствие бессистемности правописания несколько веков назад. Кроме того, ранние франко-английские слова, обозначающие палку и шар, были довольно похожи. Все это затрудняет любой этимологический поиск.

Термин *бильярд* появился в *Оксфордском словаре английского языка* только в конце 1590-х годов [1]. После этого игра была достаточно известна, чтобы по воле случая на нее ссылались поэты Эдмунд Спенсер и Филип Сидни (*Edmund Spenser; Philip Sydney*), но мы можем документально подтвердить намного более ранние

упоминания. Может возникнуть предположение, что слово *бильярд* пришло к нам от средневекового латинского *billa*, образованного от латинского слова *pila*, означающего «шар». Анри Рени Д'Альман (*Henry René d'Allemagne*) отмечает преобразование французского *billes* («шарики») из *globilles* («небольшие шары») и ссылается на несколько использований французского слова *billes* для указания на бильярдные игры в 1400-х годах [2]. Однако, вероятно, старо-французское слово *bille*, означающее «кусочек дерева», является самым прямым прародителем различных слов, связанных с термином *бильярд* [3]. Словарь Поля Робера (*Paul Robert*) 1967-го года наводит на мысль, что слово *bille* использовалось в отношении игр с шаром уже в 1164 году [4]. Во французско-английском словаре Рэндла Котгрэйва (*Randle Cotgrave*), первое издание которого вышло в свет в 1611 году, представлено слово *billart* со следующим описанием: «Короткий и толстый жезл или дубинка; следовательно, это – дубинка для игры в ловушки, а *billard* или палка – то, с помощью чего мы прикасаемся к шару в игре *billyards*» [5]. Как сказал в 1887 году Анри Авар (*Henry Havard; французский литератор и искусствовед; прим. пер.*), это означает, что «происхождение нужно искать в слове *палка*» [6]. Алтэм и Свонтон (*H.S. Altham; E.W. Swanton*) в «*Истории Крикета*» указывают, что «названия большинства разновидностей игр с шарами и булавой ... происходят от названий орудия» [7]. Но Котгрэйв также приводит слово *bille*, означающее «маленький шар или бильярдный шар» (и попутно включает глагол *biller* – «играть на бильярде») [8]. *Bille* на французском языке до сих пор означает бильярдный шар.

Словарь 1699-го года *Royal Dictionary*, составленный Абелем Бойе (*Abel Boyer*), приводит два толкования слова *billard* – «бильярдная палка» и «бильярдный стол», а под словом *bille* снова понимается только лишь «бильярдный шар» [9]. В 1755 году в словаре Сэмюэла Джонсона (*Samuel Johnson*) было отмечено, что термин *бильярд* является «французским, но на этом языке у него нет этимологии; и поэтому, вероятно, сама игра и ее название перекочевали из Англии; название же является искажением от *balyards, yards* (по англо-саксонски – *geard*), что обозначает палки (трости), которыми шар перемещается по столу» [10]. Попытка Джонсона предположить, что термин *balyards* объединяет этимологию обоих слов – шар (*ball* или *bal*) и палка (*stick* или *yard*), явно некорректна – как и некоторые другие этимологии в его словаре, но не более неправильна, чем подобные догадки других авторитетов. Отличающиеся друг от друга написания – *balliards* и *billyards* – направили потенциальных этимологов в различные направления: одна многообещающая теория предположила, что «ball» и «yards» в комбинации раскрывают раннюю эволюцию бильярда на лужайке – игры с шарами в парке или на внутреннем дворе [11].

Менее похожей на правду, но гораздо более изобретательной выдумкой стала история Уильяма Кью (*William Keu*) – ростовщика, проживавшего в Лондоне в шестнадцатом веке. Кто-то предположил, что примерно в 1560 году этот джентльмен придумал новую игру; в ней Кью использовал символ своей профессии – три шара, которые толкал измерительной линейкой длиной в ярд (*yardstick*), заставляя перемещаться по столешнице или полу. Игра стала популярной не только среди коллег-ростовщиков, но и у священников соседнего собора Святого Павла, которые придумали особые церковные удары *canon* (называющиеся в современной терминологии *кэннон* и *карамболь* – *cannon; carom*). Термин «бильярд» (*billiard*) или «ярд Билла» (*Bill-yard*) произошел от имени автора игры (*Билл* – сокращение от *Уильям; прим. пер.*) и линейки, которую он использовал. В конечном счете, линейку

стали называть Кью (по фамилии Уильяма), а позже – *cue* или *sue*, то есть именно так, как сегодня в английском языке называется кий. Слово «маркёр» (*marker*), обозначающее судью-секретаря, произошло от обязанностей наблюдателя, которому следовало предупреждать одного из игроков о приходе его зловредной жены. Подавать сигнал он должен был возгласом «Пометьте ее!», что по-английски звучит как *Mark her!* Если хитроумность такой трактовки и не выводит фальсификацию на чистую воду, то это делает современность терминов. До восемнадцатого века слова «кэннон» (*cannon*), «кий» (*cue*), «маркёр» (*marker*) не употреблялись. И указания на шестнадцатый век, конечно же, слишком современны, так как мы можем удостовериться в существовании игры и некоторых терминов задолго до этого [12]. Конечно же, наиболее авторитетна этимология, предложенная Оксфордским словарем английского языка: «Французское слово *billard*, старо-французское слово *billart*, игра, название которой произошло от *bille* – 'кий', первоначально – 'палка с изогнутым концом, как у хоккейной клюшки', уменьшительное от *bille* – кусок дерева, брусок» [13]. Но так как слово *bille*, обозначающее игровые шары, встречается так же часто, как слова, относящиеся исключительно к палке (такие как *billart*, *billard*), то стремление исключить любое из них из этимологии представляется несколько ограничивающим. В свете близкого сходства двух корней слова было бы трудно утверждать, что современный смысл термина «бильярд» в чем-то не обязан каждому из них. Вероятно, правильно будет предположить, что наше слово *billiard* – потомок или родственник обоих слов: словообразовательного семейства *pila-billa-bille*, относящегося к шару, и подобного семейства *bille-billette-billart*, «говорящего» о палке. Учитывая же, насколько для этимологии важны термины, связанные с палкой, любопытно отметить, что современное английское слово, означающее кий (*cue*), уже не является родственным слову *bille*. Слово «кий» происходит от французского *queue* («хвост») и, таким образом, является лингвистической ссылкой на то, что в прошлом тонкий конец бильярдного мазика, называвшийся «хвостом», использовался для нанесения ударов по шару.

Тем не менее, эволюция этих терминов не указывает на место, а также на время происхождения игры. Даже некоторые французские источники (*Nouveau Dictionnaire* и *Academie des Jeux*) предполагают, что игра была изобретена в Англии [14]. Помимо этого, тот простой факт, что происхождение слова и игры трудно установить, свидетельствует о том, что люди получали удовольствие от этой забавы в течение очень долгого времени. Не удивительно, что словарь торговли мебелью Авара 1887 года процитировал два прошения о помиловании, датированные 1353 и 1358 годами, в которых речь касается бильярда (*billouer*). «Как было сказано, Жак хотел ударить по шару (*billam*) своей палкой (*billardo*) ...», – начинает автор первого письма, а второе описывает подробности бильярдной ссоры: «И таким образом, поскольку он протянул руку, чтобы ударить шар, упомянутая палка (*billueur*) освободилась от захвата и ударила упомянутого Пикара (*Picard*) по голове в область виска» [15].

Исследуя или пропуская эти лабиринты этимологии, бильярдные историки, особенно жившие в восемнадцатых и девятнадцатых веках, направили все усилия на отыскание популярности бильярда максимально далеко в прошлом, и не смущались предполагать, что игра была известна даже во времена до рождения Иисуса Христа. Как мы знаем, в то время греки, римляне и возможно представители иной цивилизации, даже умеренно изобретательной в проведении досуга, играли в игры с

шаром и палкой, и, конечно же, было бы трудно доказать любую прямую и непрерывную связь между старыми и подобными им современными играми. Но любая небольшая ссылка из любой эры на игры, в которых применяются шары и палки, используется в качестве доказательства того, что бильярд или какая-то родственная ему игра были популярны в старину.

От нескольких авторов до нас дошли сведения о том, что скифский философ [Анахарсис](#) (*Anacharsis*) в своих путешествиях около шестисотого года до нашей эры встречал игру, похожую на бильярд [16]. Кто-то еще также упоминает Сократа [17]. Известно предположение о том, что римский полководец Лукулл обнаружил бильярд в Персии и привёз его в Рим в 66 году до нашей эры, так что римляне уже играли в него во времена императора Калигулы около 40-го года н.э. [18] Американский архиепископ Хьюз (*Hughes*) восторженно утверждал, что нашел в *Исповеди* Блаженного Августина упоминание о том, что римско-католический богослов видел игру в бильярд во время африканской поездки в начале пятого века нашей эры [19].

Бенджамин Гарно (*Benjamin Garno*) проанализировал достоверность нескольких из этих утверждений и сделал вывод о том, что «все они, вероятно, ложные» [20]. Современные тщательные переводы первоисточников не доказали обоснованность таких утверждений, но некоторые из них интригуют. В *Истории Ирландии* от 1685 года (написанной на латыни) упоминается о завещании ирландского короля [Катайра Мора](#) (*Cathair Mór*), правившего в ирландской провинции [Лейнстер](#) (*Leinster County*) во втором веке нашей эры. Завещание, которое предположительно своими глазами видел историк, назначает наследство сыну Кримтанно (*Crimthanno*), и в частности гласит: «Для Кримтанно – пятьдесят игровых шаров из бронзы с таким же количеством бронзовых палок для приведения шаров в движение» [21]. Переводчик девятнадцатого века аббат Джеймс МакГехеган (*James MacGeoghegan*) в его *Истории Ирландии* (1844) был излишне современен, стремясь представить перевод этого же текста с латыни на не устаревший язык: «Он завещал Кримтанно пятьдесят латунных бильярдных шаров со столами и киями из такого же материала» [22]. И Гарно и Майкл Фелан (*Michael Phelan*) полагали, что бильярд был привезён в Западную Европу рыцарями ордена Тамплиеров, возвратившимися из Крестовых походов приблизительно в 1085 году нашей эры. Они говорят, что «Игра монастырей востока» [23] была сохранена монахами при дворе Комнинов (*Comneni*) в Константинополе, где в нее и научились играть крестоносцы [24]. (Согласно «*Истории Крикета*» Алтэма и Свонтона, достаточно достоверно утверждение о том, что поло (*командная игра в мяч верхом на лошадях; прим. пер.*) действительно пришло в Европу «с Востока из крестовых походов» [25].) Однако, по всей вероятности, любая очень сложная игра, прослеженная за тысячу или две тысячи лет, будет иметь только несущественные общие черты с современными играми. Более правильно – размышлять о характере игр в течение времени, когда Западная Европа выходила из средневековья.

Многие известные нам сегодня игры, в которых используются шар и палка, начинали медленно эволюционировать к современному виду во время 350-летнего периода между серединой 1300-х и концом 1600-х годов. Существуют различные догадки о том, что способствовало такому развитию:

«Хотя все игры с шаром когда-то были одинаковыми, представляется, что специализация началась с очень давних времен. Восточные народы привнесли

в игру использование знакомой – а значит привычной игроку – биты; и такое нововведение через Крестовые походы и игру поло перекочевало с востока в Европу. Северно-европейская ветвь скандинавских народов двигалась собственным путём и предпочитала то, что было их второй натурой – совершенствование ударов посохом или дубиной, прямой или искривлённой. Несомненно, это развлечение с дубинкой и шаром было общим предком большинства наших английских игр с шарами» [26].

Этот весьма гипотетический родоначальник «дубинка-шар» включает в себя все мыслимое: игру «пэлл мэлл» – *pall mall* или *paille maille* (от которой произошёл крокет), хоккей, шаффлборд (ранее называвшийся *shovel board* и *shovilla bourde*), гольф, игру «трэпбол» (*trap-ball*) и несколько позже – крикет. Непосредственное отношение к этому также имеют игры *boules*, игра в шары на лужайке (*lawn-bowles*) и игры кегельной группы, в которых круглый предмет нужно катить или бросать в мишень или в другой шар. Не самой далёкой от бильярда была и игра *bille* или *billes*, о которой Д'Альман сказал: «Её нужно, очевидно, причислять к типу бильярдных игр» [27]. В одном из первоисточников найдены десять прошений о помиловании, датированных между 1369 и 1380 годами; и все они имеют отношение к конфликтам, возникшим при игре в *billes*:

«Два партнёра за столом в таверне договорились: 'Давай сыграем в *billes* на кварту вина'. Но когда они стали конфликтовать, проявив могучее красноречие и вступив в драку, от ударов палками [*billart*; прим. автора] были разбиты головы. В те времена был известен только бильярд, в который играли на земле; он был подобен крокету» [28].

Хотя, различные историки и высказывали противоречащие друг другу предположения о происхождении бильярдной игры, подавляющая тенденция состояла в том, чтобы отталкиваться от боулинга или от игры в шары на лужайке как от игры-родоначальницы, на роль которой выдвигались также игра *maille* или «пэлл мэлл» (название которой произошло от словосочетания «шар-деревянный молоток» – *ball-mallet*). С меньшей убедительностью Уильям Джордж Клиффорд (*W.G.Clifford*) предложил на эту роль любимую игру Генриха VIII (*Henry VIII*) шаффлборд [29], а некоторые авторитетные историки упоминали итальянскую игру *trucos* [30].

Настойчивое выдвижение игры в кегли и «пэлл мэлл» в качестве предшественников бильярда основывается на существовании средневековой рукописи с рисунками, обнаруженными и перепечатанными Джозефом Страттом (*Joseph Strutt*) в его книге *The Sports and Pastimes of the People of England* («Спорт и забавы народа Англии»; 1801; см. рисунок между стр. 220 и 221; прим. пер.). Эта рукопись датируется, вероятно, четырнадцатым веком, начиная с 1344 года, но относительно точной даты Стратт сомневается. Изображенные игроки экипированы короткой изогнутой палкой, напоминающей деревянную лопатку и в точности похожей на французские бильярдные мазики с гравюр и ксилографий 1600-х годов и более поздних. На ближнем конце игрового поля установлена арка, а на противоположном конце – единственный стержень или кегля. (Как мы увидим далее, арка и колышек были атрибутом раннего настольного бильярда.) Удары наносятся одной рукой – так, как это впоследствии будет делаться бильярдным мазиком, который опирается на переднюю часть, чтобы игроку не нужно было ставить руку в качестве опоры. Эта «очень любопытная древняя забава» представлялась Стратту «имевшей некоторую аналогию с боулингом»:

«Вместо того чтобы быть брошенными рукой, шары здесь приводятся в движение дубинкой или мазиком сквозь арку в сторону мишени, расположенной на некотором расстоянии от арки; и, следовательно, у меня нет сомнений в том, что эта игра породила бильярд, в который прежде играли с подобной аркой и мишенью, называвшейся королем, но размещенными не на земле, а на столе» [31].

«Аналогия» Стратта была буквально подхвачена историками более поздних времен, которые ошибочно приводили его цитаты в качестве высказываний о происхождении древней игры от игры в кегли (*bowls*). Однако, когда Стратт использует слово *bowl*, он имеет в виду *ball*, то есть «шар».

Интригующим аналогом старых иллюстраций, обнаруженных Страттом, является картина в витраже, установленном приблизительно в 1350 году в кафедральном соборе Глостера (*Gloucester*). [Цветной витраж](#) в нише, расположенной в основании окна, прославляющего английскую победу над французами в Креси (*Crecy*), изображает «фигуру человека, ударяющего по шару изогнутой палкой» [32]. Хотя арка и король на рисунке отсутствуют, искривлённая палка и поза игрока поразительно подобны иллюстрациям, воспроизведенным у Стратта. Конечно, ни у одной из известных теперь игр с шаром и палкой нет большей претензии на то, чтобы быть в основе сюжета оконной картины, чем у бильярда – игры, в которую в четырнадцатом веке должны были играть на земле. И дата удивительно близка к очевидной дате иллюстраций Стратта.

Позднее специалисты несколько поправили трактовку Стратта, указывая, что изображенная игра была, вероятно, не кеглями, а «мэлл» или «пэлл мэлл» (французская игра, которая была настолько популярной в семнадцатом веке в Лондоне, что благодаря ей была названа улица Пэлл Мэлл). Но «пэлл мэлл» традиционно заключалась в нанесении ударов молотком по шару так, чтобы послать его через кольцо над стойкой в конце аллеи. Джозеф Беннетт (*Joseph Bennett*) в своей книге *Billiards* (1873) был более близок к верному направлению. Он говорил, что Стратт ошибался, потому что «Название игры, *nouveau maille comme un billard* [новый молоток, похожий на бильярдную палку; прим. автора] указывает на то, что игра 'мэлл' с аркой и королем произошла от бильярда, а не наоборот» [33]. (Стратт не упоминал никакого названия игры, но, возможно, Беннетт сам видел рукопись.)

Однако, по всей видимости, обсуждаемая игра является ни игрой в кегли, ни «пэлл мэлл», ни «игрой 'мэлл' с аркой и королем», а наземным бильярдом. Хотя Стратт знал, что в бильярд «раньше играли» с аркой и королем, «помещенными на столе», он не знал о наземной игре, в которой используются те же самые аксессуары, и, видимо, об этом не знал ни один из его критиков. Даже поверхностное знакомство с печатными изданиями по бильярду и гравюрами, датированными от 1500-го до 1800-го года, позволяет осознать распространенность арки (обычно называемой «портом» или «проходом») и короля на бильярдных столах во Франции и Англии. На известной гравюре Антуана Трюво (*Antoine Trouvain*), изображающей Людовика XIV, играющего в бильярд с Шамильярдом (*Chamillard*), видны арка и король, и независимо от этого Чарльз Коттон (*Charles Cotton*) в 1674 году сообщает своим читателям: «Игровые принадлежности из слоновой кости устанавливаются на столе: арку – на одном конце, а короля – на другом» [34]. Одно из самых понятных представлений игры в наземный бильярд – французская пасторальная гравюра на дереве, изображающая игру приблизительно в 1460 году. На ней можно увидеть трёх играющих пастухов с

гребнями для овец за поясами; игра проходит на небольшой площадке, ограниченной низким плетнём. Для игры используются, по крайней мере, три шара, арка и король; игроки держат булавы одной рукой. Возможно, художник хотел пояснить происхождение булавы, так как несколько соседних пастухов пасут своих овец с помощью изогнутых палок, удивительно похожих на булавы игроков [35]. Даже в описании французского бильярда уже в семнадцатом веке в словаре [Антуана Фюретье](#) (*Antoine Furetière*; 1690) упоминается покрытый тканью стол с лузами в углах и на сторонах, а затем следует добавление: «Можно также играть в бильярд и на специально подготовленной земляной площадке в саду» [36]. В саду в бильярд играли на утоптанном торфе, благодаря чему у игрового поля имелись границы. Вероятно, немало площадок, использовавшихся в семнадцатом веке для наземного бильярда, в восемнадцатом веке превратились в сады, выращенные на осевшем грунте.

Представляется, что вместо того чтобы быть ответвлением игры в кегли или «пэлл мэлл», у бильярда и наземного бильярда есть столько же (а возможно и больше) прав на то, чтобы самому находиться в самом центре совокупности родственных игр. Попытки охарактеризовать бильярд в качестве игры, произошедшей от гольфа, крикета, кеглей, «пэлл мэлл» не выдерживают критики, потому что прежде чем многие из этих игр появились, старинные формы бильярдной игры уже были вполне индивидуальны. Конечно, некоторые игры – например, кегли и поло – так же стары, как и наземный бильярд, но вероятно не старше его. В действительности, бильярд – довольно прямой потомок игры *bille* или *biller*, популярной в 1300-х годах (и эта родственная связь является более прямой, чем, например, связь крикета с игрой *club-ball*). Лучшие доказательства тому можно обнаружить в прошениях о помиловании, датированных 1300-ми и 1400-ми годами.

Историки ссылались на несколько таких обнаруженных писем. Как правило, в них содержатся обращения к какому-нибудь высшему светскому или церковному должностному лицу с просьбой о прощении за причинённые травмы или смертельные случаи, наступившие в конфликтах, возникших в играх. Обычно в письмах приводятся доводы в пользу обвиняемого: «Упомянутая палка выскользнула из руки» и «прискорбная рана была абсолютно непреднамеренна». Почти всегда инциденты описаны как невероятные и заслуживающие сожаления несчастные случаи. При моих собственных исследованиях в европейских архивах случайно обнаружили два таких документа. В одном из них, датированном 1389-м годом, высказывается прошение о прощении Феликса Паллиллата (*Felix Pallilat*), который с компанией мальчишек «собирался пойти поиграть в бильярд (*biller*) в поле» неподалёку от коммуны Экс-ан-От (*Aix-en-Othe*) во Франции. И однажды при этом упомянутый Феликс убил молодого человека по имени Рауле (*Raoulet*), ударив того его же булавой (*billona*). Другое письмо, написанное на латыни в мае 1350 года, детализирует подобный инцидент, в котором некий Пьер Симон (*Pierre Symon*) был убит Жаком де Пон Абером (*Jacques de Pont Habert*). (Это – самое старое подобное прошение, которое я видел или слышал о нём, и наиболее старый из известных документов, связанных с игрой в бильярд.) Упомянутые игры можно считать ранними формами бильярда лишь с оговорками. Но игры с шаром и палкой, в которые играли на природе в 1300-х годах, поразительно схожи с определенными видами наземного бильярда, игравшегося в 1400-х. И термины, использованные в связи с теми играми шестисотлетней давности, поразительно подобны и являются очевидными

родственниками слова «бильярд», используемого сегодня. Не у многих известных сегодня игр есть такие очевидные связи со средневековым прошлым.

В средневековье в Европе (конкретно – в двенадцатом и тринадцатом веках) несколько светских игр с шаром и палкой появилось из весенних церковных религиозных обрядов [37]. Одной из самых ранних игр, утративших свой религиозный смысл, была [la soule](#) – «предок наших игр с лаптой и шаром», – говорит Роберт Хендерсон (*Robert W. Henderson*). В ней принимали участие команды с большим количеством игроков, а играть можно было «рукой, ногой или кривой палкой». В это же время появилась и игра [jeu de paume](#) – ранняя форма тенниса, требующая использования руки, а не ракетки. Другой подобной игрой, родственной *la soule*, был предок «пэлл мэлл» [jeu de mail](#).

Если самая ранняя из игр-прародительниц (за исключением поло), вышедших не из церковной среды, *la soule* возникла в 1200-х годах, то примечательно появление наземного бильярда вскоре после этого – в 1300-х годах. Мы знаем, что в середине тринадцатого века во Франции уже играли в наземную игру с палкой и шаром; её именовали *bille*, *billes* или *biller*, а игровую палку называли *billona* или *billart*. Это, конечно, именно те же термины, которые используются сотню лет спустя в первых понятно описанных бильярдных играх на земле и на столе. Утверждать, что здесь существует прямая и неразрывная связь, означает – рассматривать проблему, погружаясь во все детали. Ясно, что бильярд является одной из очень ранних игр с шаром и палкой, определённо впитавшей в себя новые особенности.

Ссылки на источники в главе 2

1. James A.H. Murray, et. al. eds. – *The Oxford English Dictionary* (Oxford: Clarendon Press, 1933), I, 863.
2. Henry René d'Allemagne – [Sports et Jeux d'Adresse](#) (Paris: Librairie Hachette, 1903), p.232.
3. Это – этимология, окончательно установленная Оксфордским словарём английского языка.
4. Paul Robert – *Dictionnaire* (Paris: Societe du Nouveau Littre, 1967), p.166.
5. Randle Cotgrave – [A Dictionarie of the French and English Tongues](#) (London: Adam Islip, 1632), n.p., First edition, 1611.
6. Henry Havard – [Dictionnaire de l'Ameublement et de la Decoration](#) (Paris: Maison Quanten, 1887), tome I, p.315.
7. H.S.Altham and E.W.Swanton – [A History of Cricket](#), (London: Allen and Unwin, 1926), p.19.
8. [Cotgrave](#), 1632. Смотри термины *billart*, *bille* и *biller*.
9. Abel Boyer – [The Royal Dictionary in French and English, English and French](#) (London: R.Clavel, 1699), n.p.

10. Samuel Johnson – [A Dictionary of the English Language](#) (London, 1755), I, n.p.
11. Смотри, например, C.Dawson – [Practical Billiards](#) (Surrey, Eng.: C.Dawson, 1904).
12. Изобретательный миф, изложенный [Чарльзом Доусоном](#) (*Charles Dawson*) на стр.78.
13. OED, I, 863.
14. Приведено в книге Joseph Bennett – [Billiards](#) (London: Thomas Delarue & Co., 1873), p.2.
15. Цитата из [словаря Анри Авара](#) (Henry Havard), pp.315-316.
16. [Gleanings from the History of Billiards](#) (Chicago: Brunswick-Balke-Collender Co., 1896), p.3.
17. Benjamin Garno – [Modern Billiards](#), new ed. (New York: Brunswick-Balke-Collender Co., 1909), p.4.
18. Michael Phelan – [The Game of Billiards](#), 5th ed. (New York: D.Appleton, 1863), p.19.
19. Согласно [Garно](#).
20. [Garно](#), p.4.
21. Roderic O'Flaherty – [Ogygia: seu Rerum Libericarum Chronologia](#) (London: Ben. Tooke, 1685), p.311.
22. Abbe James MacGoeghegan – [The History of Ireland](#) (New York: Sadleir & Co., 1868?), p.90.
23. [Garно](#), p.4.
24. Michael Phelan – [Billiards Without a Master](#) (New York: D.D. Winant, 1850), p.5.
25. [Altham and Swanton, p.15](#).
26. [Там же](#).
27. [d'Allemagne](#), p.231.
28. Процитировано из [d'Allemagne](#), p.259.
29. W.G.Clifford – *Billiards Through the Centuries* (London: Printing Craft Ltd., ca. 1933), p.8.

30. *Trucks* или *Trucos* – игра итальянского происхождения, сходная с бильярдом, но не его предшественник. Смотри правила *Trucos* в книге Charles Cotton – [The Compleat Gamester](#) (London, 1674).

31. Joseph Strutt – [The Sports and Pastimes of the People of England](#) (1801), edited by Charles Fox (London: Menthuen, [new. ed., 1903](#)), p.219.

32. H.Haines – *A Guide to the Cathedral Church of Gloucester*, 2nd ed. (London: James Parker, 1867), n.p.

33. [Bennett](#), p.2.

34. Charles Cotton – *The Compleat Gamester* (London: R.Cutler, 1674). Перепечатано в книге [Games and Gamesters of the Restoration](#), Cyril Hartman, ed. (London: Routledge and Sons, 1930), p.13. Дальнейшие цитаты из работы Коттона приводятся по изданию Хартмана.

35. Гравюра на дереве, сделанная в 1600-х годах, является копией французского гобелена [The Loves of Gombaut and Macee](#), который описан у Жюля-Жозефа Гиффрэ (*Jules-Joseph Guiffrey*) в его книге по гобеленам и воспроизведен у [Д'Альмана](#) (см. страницу 259 и полностраничное изображение). Гиффрэ и Д'Альман соглашаются, что «сюжет значительно старше и датируется до конца 15-го века». Позднее специалисты указали дату – 1460 год.

36. Процитировано из [Д'Альмана](#), стр.262.

37. Robert W. Henderson – «*Ball, Bat and Bishop: The Origin of Ball Games*», *Encyclopedia Americana*, 1966, pp.94-95. Описание средневековых игр с мячом – возможно, наилучшее из имеющихся. См. главу VI.

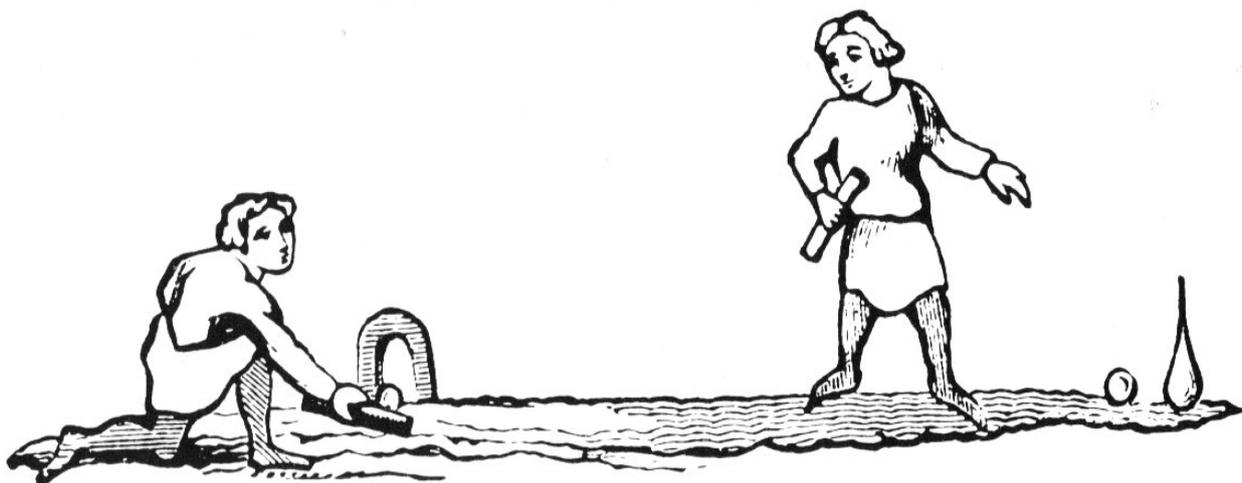

Иллюстрация 1. Репродукция с изображением средневековой игры, которую в своей книге представил, но не идентифицировал Стратт. Практически наверняка, это – наземный бильярд. Чтобы толкнуть шар через арку и затем попасть в столбик, игроки используют примитивные булавы. Сравните с настольным бильярдом с аркой и столбиком, изображенным на

Глава III

Бильярд в шестнадцатом и семнадцатом веках

Пока ещё не существует способа для точного определения момента времени, когда бильярд перестал быть наземным – игрой на открытых площадках, применявшихся для игры в кегли или «goff» (*так по-иному называли гольф; прим. пер.*), а позже для крокета. Попытки ухватиться за идею исторического «исследования» настольной игры бессмысленны. Конечно, бильярд – продукт эволюционного отбора из изобилия игр с шаром и палкой, и обнаружить изобретателя настольной игры так же маловероятно, как и определить тот момент времени, в который предприимчивый средневековый игрок «изобрёл» наземный бильярд. Некоторые наименее взыскательные исследователи бильярда, жившие в девятнадцатом веке, назвали таким изобретателем некоего Анри ДеВинье (*Henrique de Vigne*) – ремесленника при французском королевском дворе, по-разному приписав это событие к 1371-му и к 1671-му году (*представляется, что такого неимоверно большого отличия, да еще ровно в триста лет, просто быть не могло; скорее всего, датировка была единственной, но кто-то в какой-то момент перепутал цифры 3 и 6; прим. пер.*). Предположительно, ДеВинье спроектировал стол с отверстием в центре игрового поля. Другой исследователь [1] ассоциировал ДеВинье с Людовиком XI, который правил между 1461 и 1483 годами; эти годы весьма близки к искомому моменту времени, к тому же известно, что у Людовика XI был бильярдный стол. Но такая путаница мало чего дает для придания истории правдоподобности, а представительных первоисточников и документации для подтверждения предположений найдено не было. В своем фолианте, посвященном игре и написанном в начале 1800-х годов, французский игрок капитан Франсуа Мангу (*Françoise Mingaud*) сказал, что: «Первый бильярдный стол, известный во Франции, имел треугольную форму. Он находился в замке Блуа (*Chateau de Blois*) в те времена, когда там располагалась резиденция Генриха III» [2]. Если именно так и было, то это происходило после 1574 года. И, конечно же, это был не первый французский стол, да и трудно представить себе, какая практическая польза могла вытекать из его треугольной формы.

«[Словарь мебели и декорирования](#)» Анри Авара от 1887-го года намного достовернее. Чтобы представить сведения о раннем бильярдном оборудовании, Авар перерыл бухгалтерские книги и инвентарные описи замков пятнадцатого и шестнадцатого веков. В 1429 году в «Журнале жителя Парижа при Карле VII» было указано, что после осуждения воодушевляющего проповедника игр, булонская толпа сожгла игровые столы и «доски для шашек, карты, бильярдные шары и *billiards* [бильярдные палки; прим. автора]» [3], но нет никакого упоминания о бильярдных столах. Сорок лет спустя (1471) в «Инвентаре Анжерского замка» было перечислено содержимое королевского гардероба, включая «три *billiards*, сделанных из древесины ... и два бильярдных шара». Бильярдный стол в инвентаре не значится. Расписка, датированная 1481-м годом, свидетельствует, что французский король Людовик XI заплатил некоему драпировщику Роберу Готье (*Robert Gaultier*) «10 [турских су](#)» за «два комплекта бильярдных шаров, поставляемых с *billiards*, и

два набора кегель, которые были куплены, чтобы доставлять удовольствие упомянутому властителю». По-видимому, в это время бильярд, как и кегли, все еще оставался только наземным, но играли в него с палками, называвшимися *billiards*. Инвентарная опись Шарлотты Савойской (*Charlotte of Savoy*) от 1483-го года перечисляет «работу из слоновой кости, в которой всё – *billiards*, бильярдные шары и *spillikins* [чучела; прим. автора] – сделано из слоновой кости». И знаменательно, что в описи 1514-го года имущества Шарлотты д'Альбре, герцогини Валентинуа (*Charlotte d'Albret, Duchess of Valentinois*), указан «большой стол для игры в бильярд, покрытый зеленой тканью» [4]. «Следовательно», – заключает Авар, – «это – бильярдный стол приблизительно 1510-го года ... по своему внешнему виду действительно изготовленный как часть обстановки» [5]. Его предположение об этой «практически точной дате» выглядит весьма правильным. Когда Рени Д'Альман впоследствии провёл собственные изыскания, ему удалось сдвинуть дату назад к 1470 году всего лишь на несколько лет. Примечательно то, что в его самой первой записи инвентарной описи королевских счетов Людовика XI указано бильярдное устройство, приобретённое для короля:

«1470. В замке [Мен-сюр-Луар](#) (*Mehun-sur-Loire*), для покупки бильярдных шаров и бильярдного стола для удовольствия и развлечений упомянутого Сеньора, одно эю» [6].

Очевидно, что два комплекта шаров, приобретённых у Готье в 1481 году, не были предназначены для использования на земле. Тот факт, что Готье был драпировщиком, наводит на определённые размышления, так как к торгующему драпировщику часто обращались за приобретением тканей для бильярдного стола. И в счетах домашних расходов благородного семейства от 1480 года есть примечания к неуточнённой сумме, выложенной «за два комплекта *billiards*, вместе с бильярдным столом и двумя комплектами шаров» [7]. Это не свидетельствует о том, был ли перенос настольного бильярда в закрытое помещение французской инновацией или чьей-либо удачной выдумкой, и не означает «окончательного заката» наземного бильярда, в который играли в 1600-е годы. Но разумно предположить, что важный перевод игры с лужайки на стол произошёл примерно в конце пятнадцатого века – перед первым путешествием Колумба в Новый Свет. Возможно, в течение какого-то времени еще продолжали играть в бильярд на природе.

В 1500-х годах популярность новой настольной игры распространилась среди благородных семей не только во Франции, но также и в Англии (вероятно, в обеих странах все еще продолжали развлекаться и наземной игрой). Всего лишь за несколько месяцев до своей казни в начале 1587 года Королева Шотландии Мария Стюарт жаловалась в письме своему другу и духовнику архиепископу Глазго, что ее тюремщики запрещают пользоваться бильярдным столом. «... И затем он сказал, что у меня больше не будет времени для упражнений и развлечений (*exercice et passe-temps*), и поэтому забрал бильярдный стол (*une table de billard*)», – написала она [8]. Однако, если подлинно старое предание, записанное французским хронистом придворной жизни сеньором [де Брантомом](#) (*Brantôme*), то стол убрали не очень далеко. После смерти Марии Брантом пишет в его *Vies des Dames Illustres*:

«Тело перенесли в помещение, примыкающее к комнате ее набожных служанок, которые заперлись из страха, что к ним войдут; это обстоятельство усилило и усугубило их скорбь, поскольку сквозь замочную скважину они могли видеть её – наполовину покрытую куском сукна, сорванным с её бильярдного стола» [9].

Привязанность Марии Стюарт к игре, возможно, началась в те годы, когда она была супругой короля Франции. В 1588 году герцог из Норфолка (*Norfolk*) обладал «бильярдным *bord*, покрытым зелёным сукном с рамой *beache* с четырьмя поворачивающимися стойками ... тремя бильярдными палками и одиннадцатью шарами из слоновой кости». (Нужно сказать, что здесь автор предоставил для перевода несколько неудобоваримую цитату; тем не менее, основной смысл вполне понятен; прим. пер.). Также и граф из Лестера (*Leicester*) Роберт Дадли (*Robert Dudley*), среди собственности которого в Уонстеде (*Wanstead*) в том же самом году был «стол для бильярда, оснащенный *appurteyninge*, с покрывающей его старой запятнанной клеёнкой». Граф Пембрук (*Earl of Pembroke*) лорд Герберт (*Herbert*) тоже играл в то время. Его бильярдные палки (также использовавшиеся шурином графа – знаменитым поэтом и передовым джентльменом эпохи Филипом Сидни (*Philip Sydney*)) были сохранены в коллекции восемнадцатого века Хораса Уолпола (*Horace Walpole*) в его поместье Строберри-Хилл (*Strawberry Hill*) [10]. Вероятно, столы того времени были грубы. Так же как и самые ранние столы, они покрывались сукном и обычно устанавливались на козелках. «Рама с четырьмя поворачивающимися стойками», должно быть, была новым дизайном.

Очевидно, что к концу века столы уже в некоторой степени были распространены в общественных местах, по крайней мере – в Лондоне. В литературе того времени Эдмунд Спенсер, Джон Флорио, Джордж Чапман и Бен Джонсон (*Edmund Spenser, John Florio, George Chapman, Ben Jonson*) упоминают бильярд [11], хотя и не очень часто. Самая известная литературная ссылка на игру содержится в трагедии «Антоний и Клеопатра» Шекспира (написанной приблизительно в 1609 году), где египетская королева предлагает своей служанке Хармиан: «Пойдём к бильярду» ([акт II, сцена V](#)). Хармиан отказывается, сетуя на боль в руке; и эти слова приведены, чтобы подчеркнуть то, что игра была весьма привилегированной забавой египтян. (Да уж, автор обладает весьма живым воображением. Так можно и что-угодно притянуть за уши. Прим. пер.) Фанатичные проповедники старины бильярда ухватились за эти строчки, как за доказательство того, что древние египтяне в 30 году до нашей эры были знакомы со спортом. Хотя мы теперь знаем больше об исторической осведомлённости Шекспира и о выдающейся респектабельности анахронизма в драме елизаветинских времен, ссылка и до сих пор очень важна. Шекспир был знаком с игрой, так же как и его аудитория, расценившая её в качестве забавы, подобающей царствующей королеве. И в тот период истории Англии, когда пуритане яростно выступали против всех развлечений, включая бильярд и театр, было весьма злободневно то, что Шекспир представил бильярд игрой ветреного египетского двора.

Французский дворянин семнадцатого века сказал: «Тогда все были помешаны на бильярде» [12]. Страсть простиралась от любви обычных граждан к общедоступным играм до щедрой и пышной привязанности дворянства к собственным столам. В начале второй половины века (1665) в Париже была издана первая известная работа по игре в бильярд [La Maison des Jeux Academiques](#). Она представляла собой справочник с наставлениями для некоторых игр; в частности, были представлены два различных варианта бильярдной игры. А с 1610 года в Париже *billardiens paulmiers* («владельцы бильярдных и теннисных кортов») [13] обладали царственно выданной монополией на общественные игры в бильярд. Заведения (процветавшие вплоть до Французской революции 1789 года) стали местами, в которых люди получали удовольствие от совместного пребывания и общения. Гравюра из

«Энциклопедии» ([Encyclopédie](#)) Дени Дидро (*Denis Diderot*) показывает такую бильярдную игру в большой комнате, подобной спортзалу: с немалым количеством посетителей, некоторые из которых держат мазики; со специальной деревянной рамой для свечей, подвешенной над столом [14] (см. иллюстрацию 4; прим. пер.). В 1666 году не менее пятидесяти семи владельцев теннисных кортов предложили посетителям и бильярд; к 1691 году жители Парижа могли играть «в карты и бильярд почти при всех теннисных кортах», а в 1727 году было отмечено, что «число заведений, в которых играют в бильярд, не меньше количества кафе» [15].

Популярность бильярда быстро возростала и среди французского дворянства. «До свержения монархии [включая Французскую революцию 1789 года; прим. автора] бильярд оставался, прежде всего, благородной игрой», – говорит Авар [16]. Людовику XIV (который правил с 1643-го по 1715-й год) традиционно приписывают привлечение благородной игры в бильярд к французскому двору, но теперь мы знаем, что Людовик XI (правивший в 1461-1483 годах) был, по крайней мере, знаком с игрой, а Людовик XIII (1610-1643) сделал её предметом увлечения при дворе.

Начало тридцатитрёхлетнего правления Людовика XIII случайно совпало с введением монополии *billardiers paulmiers*; и те, кто захотел «ассоциировать себя с забавами короля» [17], сочли необходимым играть в бильярд. Кардинал Мазарини (*Giulio Raimondo Mazzarino*) тайно брал уроки у знаменитого игрока того времени, чтобы затем сыграть с Людовиком. Авар удивлялся: «Весьма странно то, что вкус к этой игре, требующей мастерства, также бушевал среди женщин этого романтического периода, и прежде всего – у подлинной племянницы Людовика XIII». У маленького сына короля также «был этот вкус, унаследованный в раннем возрасте от отца», и когда он стал Людовиком XIV, «бильярд был на первом плане среди королевских развлечений».

Когда дело касалось его любимой забавы, Людовик XIV не считался с затратами. Вот как журнал *Mercure Galant* от декабря 1682 года (который автор почему-то именуем *Paris Mercury*; прим. пер.) описывает королевскую игровую комнату:

Это место освещают двадцать шесть хрустальных люстр и шестнадцать серебряных подсвечников, поддерживаемых позолоченными подставками. Там каждый может видеть бильярдный стол, окружённый двадцатью четырьмя креслами, покрытыми зеленым бархатом с золотыми окантовками [18] (точно такой же текст приведён, естественно, и в первоисточнике – [Mercure Galant](#), стр. 6-7; прим. пер.).

На самом деле, было два стола – «большой бильярдный стол одиннадцати футов с восьмью дюймами длиной и шести футов шириной», а также стол поменьше – восьмифутовый, «на котором обычно играл король» [19]. Рени Д’Альман вспоминает парламентского адвоката Шамильяра (*Chamillard*), который использовал свое бильярдное мастерство и благовоспитанность для извлечения личной выгоды в кабинете министров, став затем мишенью в знаменитых виршах тех времён, написанных в виде эпитафии:

Здесь покоится знаменитый Шамильяр –
Партнер своего короля,
Который в биллиарде был героем,
А в министерстве – нулём. [20]

Согласно журналу [Le Nouveau Mercure](#) (см. стр. 159; прим. пер.) от февраля 1717 года, семилетний король Людовик XV успокоил себя игрой в бильярд при отъезде любимой гувернантки [21], а несчастный Людовик XVI играл в бильярд с Марией Антуанеттой накануне революции. В донесении Революционному Трибуналу, касающемуся бильярдной комнаты короля, была упомянута тетрадь для записи матчей, из которой явствовало, что королева выигрывала чаще, чем король; далее в донесении отмечено, что король «несколько раз лишал себя этого развлечения, произнося: 'Я, конечно же, выйду из себя'. Дав предыдущим вечером волю своей вспыльчивости, он отказался принимать участие в матче на следующий день» [22]. Возможно, игровое мастерство Марии Антуанетты не в малой степени зависело от её секретного бильярдного оружия – «стоящего целого состояния бильярдного кия, сделанного из цельного бивня слона, и орнаментированного золотом, обработанным с безграничным вкусом». Авар говорил, что королева очень ценила его и хранила под замком, а с ключом никогда не расставалась [23].

«[Словарь мебели и декорирования](#)» риторически спрашивает:

«После таких величественных примеров нужно задаться вопросом – стал ли в восемнадцатом веке бильярдный стол обязательным предметом обстановки? Удивительно ли, что авторы этого периода времени указывают на его присутствие в каждом замке, в каждом дворце и даже в домах обычных граждан?» [24]

За Ла-Маншем в Англии семнадцатые и восемнадцатые века засвидетельствовали подобный феноменальный рост популярности бильярда, и бильярдный стол там тоже становился незаменимым.

В ранние 1600-е годы история бильярда в Англии изложена в беспорядочных документах и отчётах. К концу века она описывается довольно полно в книгах игр для английских господ. Упоминания об игре в английских словарях появились уже в 1611 году. Король Яков I, сменивший на троне Елизавету I, заказал себе бильярдный стол; он был не единственным игроком среди дворянства. Предписание получателю платежей (*Receiver General of the Revenue*), датированное сентябрём 1643 года и подписанное графами Нортамберленда (*Northumberland*) и Солсбери (*Salisbury*), уполномочивает выплату «в силу постановления обеих палат Парламента» некоему Джону Пауэллу (*John Powell*) за «четыре бильярдные палки, два столбика, один порт [или арку; прим. автора] и шесть шаров» [25]. В 1653 году на далёких и первозданных Оркнейских островах (*Orkney Islands*) на севере Шотландии находился бильярдный стол, описанный как старый, «испорченный» и установленный на острове Бирсей в помещении (*Birsay House*) [26]. А письмо от 27 июля 1663 года, отправленное из Офиса Хозяина Пирушек (*Master of Revels* – придворное должностное лицо, надзиравшее за публичными развлечениями, включая театр), упоминает вопрос «лицензирования бильярдных столов» [27]. Известный хронист семнадцатого века Сэмюэл Пепис (*Samuel Pepys*) в период с июля по сентябрь 1665 года регулярно играл в бильярд в трактирах в компаниях с мужчинами и женщинами [28]. Джон Ивлин (*John Evelyn*) – известный нам, как и Пепис, в качестве историка, ведущего дневник – бросил опытный взгляд на бильярдный стол в загородном доме, который он посетил в 1677 году: «Галерея – приятный благородный зал с бильярдным столом посередине; но расписная обшивка стен из пихты понравилась мне меньше, чем обшивка из неокрашенного испанского дуба» [29].

В 1674 году была издана небольшая, но важная книга Чарльза Коттона *The Compleat Gamester* (это название можно перевести как «Умелый игрок»; прим. пер.), после чего, спустя десять лет, последовала несколько отредактированная версия материала Коттона, которую выпустил Роберт Хаулитт (*Robert Howlett*) в книге *The School of Recreation, or the Gentleman's Tutor* («Школа развлечений или наставник джентльмена»; прим. пер.). Эти две книги следует причислять к самым ранним работам, посвященным английскому спорту. Постепенное знакомство с приемлемыми играми, в которых проявляется мастерство и удача, было необходимо дворянам, а также самым культурным людям из средних классов, стремящимся стать господами. Поэт Чарльз Коттон, отец которого дружил с Беном Джонсоном и Шекспиром, сам был другом Исаака Уолтона (*Izaak Walton*). Известное произведение Уолтона *The Compleat Angler* (1653) представляло собой трактат о спортивной рыбалке в пресной воде, и труд Коттона *The Compleat Gamester* был в некоторой степени вдохновлен этим трактатом. (Пятый выпуск *The Compleat Angler* от 1676 года содержал написанный Коттоном раздел о том, как удить форель).

Собственная работа Коттона содержала «Инструкцию о том, как играть в бильярд, тракс (*trucks*), кегли и шахматы», а также во множество других игр. Коттон говорил: «Благородная, целомудренная и весьма остроумная игра на бильярде ... ввиду высокого исполнительского мастерства, присущего этому развлечению, получила одобрение и широкое распространение среди большинства народов Европы, особенно – в Англии, где для развлечения ума и тренировки тела нет общественных бильярдных столов не только в нескольких известных городах, но и у многих знатных и рядовых семейств в сельской местности» [30].

Книга описывает стол, сукно и игровые принадлежности, подчеркивая настоящую необходимость в наличии гладкой ткани и абсолютно ровного стола. Уже в самом разгаре всепоглощающая страсть бильярдного игрока к проявлению меткости. Коттон, не зная о кие, упоминает лишь мазик, схожий с миниатюрной хоккейной клюшкой (кий придумают позже). Удар мазиком выполнялся за счет того, что сначала плоская сторона его передней части опиралась на стол, а затем шар толкался вперед; при этом рукоятка (*шафт*; прим. пер.) мазика удерживалась на уровне плеча между большим и двумя соседними пальцами (*указательным и средним*; прим. пер.) игровой руки.

В описываемую Коттоном игру в те времена играли, вероятно, во всей Европе, и возможно она осталась весьма сходной с игрой наземного бильярда. Несомненно, всё ещё сохранялись арка и король из пред-настольной версии. Обычно, в игре принимали участие два игрока – каждый со своим единственным шаром. Игрок мог набирать очки по-разному: с помощью «прохождения» (*passing*; проведения своего шара сквозь арку раньше противника); прикоснувшись своим шаром к «стоящему весьма шатко» королю и не свалив его; отправляя шар соперника в лузу («*hazarding*»; естественно, при этом нужно было нанести удар по своему шару, а уже затем попасть им по шару оппонента и направить его в лузу; прим. пер.). Игровые стратегии включали «препятствование» («*hindering*») попыткам противника пройти сквозь арку – для этого можно было аккуратно развернуть её прикосновением своего шара; или Вы могли повелевать («*king*») сопернику, «то есть, когда его шар располагался так, что Вы ударяете по нему, и тот может свалить короля». Игрок мог ударить по шару противника в любой момент игры, но в особенности это было нужно, когда позволяло заработать очко («*win the end*») первым касанием главной фигуры (*kingpin*). И Коттон советует:

«Предоставлять время от времени Вашему противнику возможность выполнения дальнего атакующего удара, в результате чего он часто попадает в ловушку, необдуманно влезая в авантюру – оправданная стратегия. Решаясь на то, чтобы отправить Ваш шар в лузу, располагающуюся от него неподалёку, он, из-за большой удалённости, часто попадает в эту лузу своим собственным шаром».

Во времена Коттона внутри бортов уже находился наполнитель, обеспечивающий отражение шаров при бортовых ударах.[\[31\]](#).

School of Recreation Хаулитта «наставляла» джентльмена 1684-го года в таких благородных времяпрепровождениях как охота, гонки, соколиная охота, боулинг, теннис и бильярд. Глава по бильярду представляет собой слегка переработанную версию материала из книги Коттона, и многие фразы в обеих работах идентичны. В те времена такое заимствование было обычной практикой и могло быть даже лестным. Показательно, что в силу значимости бильярда в то время, читатели могли приобрести не только *Gamester* Коттона, но также и прочесть *The School of Recreation*. И они могли очень нуждаться в том, чтобы уделить особое внимание науке о бильярде, развивающейся с недавних пор. Хаулитт предупреждает своих читателей: «Я должен сказать, что в этой Игре требуется столько же хитрости и тонких ухищрений, сколько и в любом другом развлечении» [\[32\]](#).

К этому моменту развития бильярда наиболее значительным событием стал переход игры с земли на стол. Но в конце семнадцатого и в течение всего восемнадцатого века игра медленно продвигалась к тем важным изменениям в начале 1800-х, которые придали ей современный характер. Развитие стимулировало отказ от старых аксессуаров наземного бильярда – мазика, арки и короля, и привело к множеству новых игр с возрастающей сложностью, что потребовало еще большего мастерства и как никогда более тщательного изготовления оборудования.

На одно из основных событий намекает Коттон, а далее шире поясняет Джон Эвелин. Однажды в день, определивший судьбу мазика, Коттон заметил: «Если Вы находитесь близко [*то есть, если шар располагается слишком близко к борту, затрудняя эффективное выполнение удара; прим. автора*], то можете использовать тонкий конец своей биты» [\[33\]](#). Время от времени большим передним концом мазика было невозможно эффективно орудовать в позициях шара рядом с бортом – борта в те времена были выше сегодняшних; по крайней мере, по высоте они совпадали с шарами, и «хвост» (маленький конец мазика; по-английски – *tail*, а по-французски – *queue*) в таких случаях было использовать предпочтительнее. Пять лет спустя, случайное замечание в дневнике Джона Эвелина за 1679 год указывает, что бильярд, которым обладал игрок с европейского континента, претерпевал изменения. 4 декабря 1679 года Эвелин делает запись о торжестве, проводимом в лондонском поместье португальского посла маркиза де Арронш (*de Arronches*), и описывает бильярдный стол, явно представлявший собой модель, привезенную в Англию за отдельную плату. Эвелин говорит, что стол имеет «намного больше луз, чем у наших столов», и удивляется, что он «настолько ровен, а в бортах нет наполнителя». По игре, в которой не используются характерные для английского бильярда арка и король, есть дальнейшее важное примечание. Игроки пользуются своими мазиками по-новому, поменяв тяжелый и легкий конец местами: «Они по большей части используют острый маленький конец бильярдной палки, подкованный медью или серебром» [\[34\]](#).

Таким образом, уже в 1679 году иногда отказывались от арки и столбика, а тонкий конец мазика использовался не только, когда игрок «располагался близко», но и в «большей части» игры. Точную дату, когда игроки сначала отложили в сторону изогнутые палки, так долго прежде использовавшиеся для толкания шаров, трудно определить. Но когда они начали оказывать предпочтение меньшему концу мазика, забрезжил рассвет для кия, и было предопределено окончательное принятие длинной, утончающейся палки «конической формы», хотя полностью этот переход завершится только после 1800 года.

Постепенная замена мазика на кий, само собой разумеется, затронула всю палитру качеств бильярдной игры. Используемый в наземном бильярде мазик был игровым инструментом с большой и массивной передней частью, которой можно толкать шар, а не ударять по нему, что и породило приём «буксировки» или «загребания» («*trailing*»; «*raking*») [35], получивший развитие, поскольку всё более и более квалифицированные игроки посвящали себя настольной игре. Буксировка заключалась в сопровождении шара верхушкой мазика с применением загребавшего воздействия на траекторию шара сразу после начального импульса. Игроки, ставшие после упорных тренировок мастерами в буксировке, могли практически безошибочно направить шар любым желаемым способом, и поэтому результат игры зачастую определялся не исходом состязания, а был предрешен. С другой стороны, кий требовал возрастающего мастерства и изящности обращения. Это придавало игре дополнительную сложность, сделало её более техничной и перспективной, потому что, как позже укажет Е.Уайт (*E.White*), – «она допускает большее разнообразие в действиях» [36].

Арка и столбик также исчезали, а игра становилась более зависящей от новых уровней мастерства. Игроки из континентальной Европы, особенно французы, начали придавать особое значение разработке кэннона или карамбольной игры. Борты стола, ранее предназначавшиеся лишь для воспрепятствования вылету шаров, стали весьма существенной частью игровой стратегии. Коттон указывает, что борты должны быть заполнены льном или хлопком, а Хаулитт объясняет, что это нужно, так как борт «может пружинить, когда шар попадает в него, и ускорять его движение сильнее, чем пустые борты» [37]. Эти изменения акцента потребовали ещё большей аккуратности и изящества при использовании бильярдной палки, и кий лучше мазика подходил на эту роль. Английские игроки не хотели расставаться с мазиком дольше, чем их французские коллеги, но и им пришлось отказаться от него.

Авар отметил, – «Длинный прямой кий, такой, какие мы видим сегодня, появился не позднее 1789 года». Порт или проход, добавляет он позже, – «остался на месте до начала этого века [до 1800 года; прим. автора], и [мазик; прим. автора], вероятно, оставался изогнутым до того же самого периода» [38]. Однако, фактически перемены стали происходить намного раньше. Изумление Эвелина от бильярда континентального стиля, в который играл португальский посол, является доказательством того, что изменения начались уже в 1679 году.

В первом выпуске (1674-го года) *Compleat Gamester* Коттона кий не упоминается, а следующие пять выпусков только дословно воспроизводят оригинальный материал по бильярду. Но в обновленном выпуске 1734 года появились некоторые дополнения: «Французский бильярд» описан как игра, в которую играют «только с

мачтами (*masts*; похоже, что этим словом как раз и именуются кии; прим. пер.) и шарами, а порт и король теперь полностью отложены в сторону» [39]. И поскольку редактор выпуска начала двадцатого века работы Стратта *Sports and Pastimes* Джон Чарльз Кокс (*John Charles Cox*; в целом ряде источников его путают с Джоном Чарльзом Фоксом; прим. пер.) говорит относительно *Compleat Gamester* от 1734 года: «Правила показывают, что кии тогда были разрешены; но много лет спустя только известным хорошим игрокам разрешали использовать кий для игры на общественных столах; владельцы столов тревожились из-за риска повреждения ткани», сам Стратт в 1801 году мог бы высказать мнение хозяина столов по поводу того, что остроконечные кии могли сделать с его дорогой тканью [40]. Таким образом, в первые несколько десятилетий восемнадцатого века кий был только у лучших игроков, а в общественных бильярдных его разрешали использовать только проверенным мастеровитым игрокам.

Ссылки на источники в главе 3

1. Смотри, например, *The Encyclopaedic Dictionary* (London: Cassell & Co. Ltd., 1884), I, 533; Benjamin Garo – [Modern Billiards](#), new ed. (New York: Brunswick-Balke-Collender Co., 1909), p.5, связывает ДеВинье с французским королём Людовиком XI.
2. Capt. Mingaud – [The Noble Game of Billiards](#), перевод Джона Тёрстона (*John Thurston*) (London: Thurston, 1830), p.6.
3. Olivier de la Marche – «*Journal of a Citizen of Paris*» в мемуарах, относящихся к Жанне Д'Арк и Карлу VII [[vol. III of New Collections of Memoirs](#)] (Paris: Edouard Proux & Co., 1837), p.232.
4. Henry Havard – [Dictionnaire de l'Ameublement et de la Decoration](#) (Paris: Maison Quanten, 1887), p.316.
5. [Там же](#).
6. Henry René d'Allemagne – [Sports et Jeux d'Adresse](#) (Paris: Librairie Hachette, 1903), p.260.
7. Там же.
8. Prince Alexandre Labanoff – [Lettres, Instructions et Mémoires de Marie Stuart, Reine d'Ecosse](#) (London: Charles Dolman, 1844), VI, 420.
9. Le Seigneur de Brantôme – [Vies des Dames Illustres](#) (Paris: Gamier Freres, 1873), pp.109-110.
10. Percy MacQuoid and Ralph Edwards – *The Dictionary of English Furniture* (London: Country Life Ltd., 1954), III, 187.
11. Все в период между 1590 и 1637 годами. Смотри библиографию.
12. Цитируется из [Анри Авара](#), стр.321-322.

13. На *billardiens paulmiers* есть ссылки в большом количестве источников; см., например, у [Анри Авара](#), стр.322 и у [Д'Альмана](#), стр.270. Старое слово *paulmier* больше не встречается во французских словарях.
14. [d'Allemagne](#), pp.270-271.
15. [Havard](#), p.322.
16. [Там же](#).
17. [Там же](#), стр.319.
18. Процитировано из [Анри Авара](#), стр.319-320.
19. [Havard](#), p.320.
20. [d'Allemagne](#), p.264.
21. [Havard](#), p.321.
22. [d'Allemagne](#), p.271.
23. [Havard](#), p.322.
24. [Там же](#), стр.321.
25. «Warrant, to Thomas Fauconbridge, Receiver General of the Revenue» (September, 1643) in *Letters and Papers 1602-circa 1711*.
26. MacQuoid and Edwards, III, 187.
27. [*A Collection of Ancient Documents Respecting the Office of Master of Revels and Other Papers Relating to the Early English Theater*](#) (London: T, Richards, 1870), p.53-54.
28. Henry B. Wheatley, ed. – [*The Diary of Samuel Pepys*](#) (London: George Bell and Sons, 1895), pp.17, 33, 43. (*Здесь изменены неверно приведенные автором номера страниц; прим. пер.*).
29. E.S.DeBeer, ed. – [*The Diary of John Evelyn, 1673-1689*](#) (Oxford: Clarendon Press, 1955), IV, 160.
30. Charles Cotton – [*The Compleat Gamester*](#) (London: R.Cutler, 1674), p.12.
31. [Там же](#), стр.13.
32. R.Howlett – [*The School of Recreation*](#) (London: Henry Rodes, 1684), p.197.
33. [Cotton](#), p.14.
34. [*Diary of John Evelyn*](#), IV, 190.

35. Оба термина – загребание («*raking*») и буксировка («*trailing*») – означали одно и то же. Продвинутое формулировки смотри у [Хаулитта](#), стр.195 и [Беннетта](#), стр.7. Термин «буксировка» поменял свое более раннее значение примерно к 1773 году, когда «загребание» рассматривалось лишь как один из возможных приёмов «буксировки».
36. E.White – [A Practical Treatise on the Game of Billiards](#) (London: W, Miller, 1807), p.21.
37. [Howlett](#) p.186.
38. [Havard](#), pp.322-323.
39. Richard Seymour – [The Compleat Gamester, 5th ed.](#) (London: E.Curll, 1734), p.82.
40. Смотри замечание Кокса по работе Стратта: Joseph Strutt – [The Sports and Pastimes of the People of England](#), ed. Charles Fox (London: Methuen, 1903), p.241.

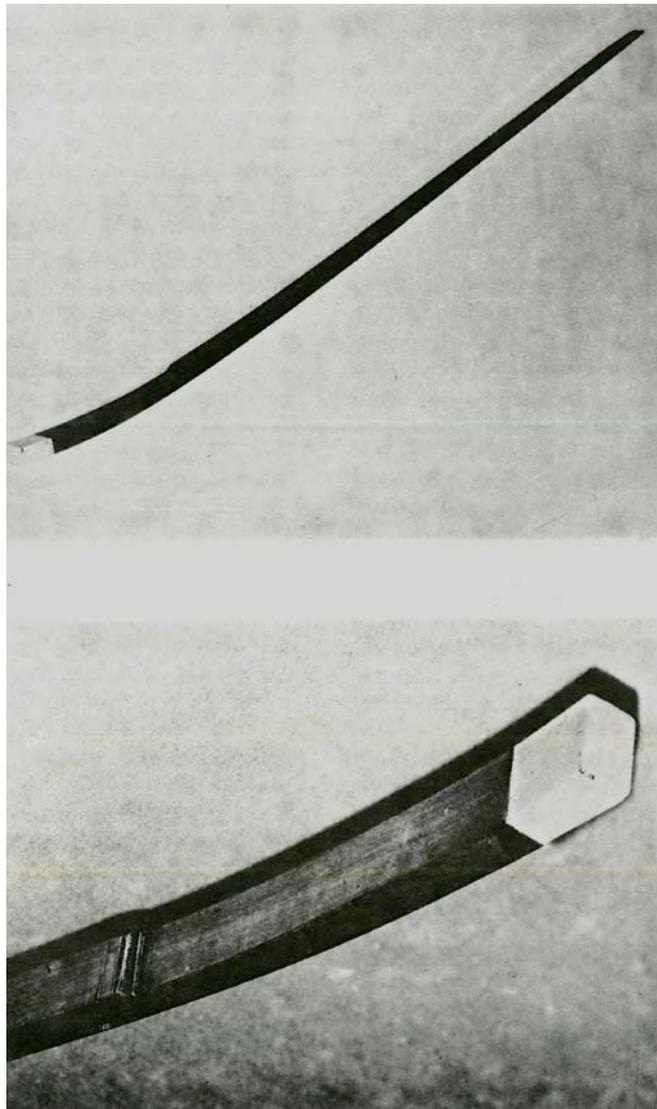

Иллюстрация 2. (А) Немного изогнутый английский бильярдный мазик 1600-х годов. (В) Вид головки мазика, облицованной слоновой костью для контакта с шаром. (Из коллекции музея Парка Ноул (*Knole*), Севеноукс (*Sevenoaks*), графство Кент, Англия. Репродукция сделана с любезного разрешения управляющего именем Хью Сэвилл-Уэста (*Hugh Sackville-West*),

Глава IV

Восемнадцатый век: бильярд для обыкновенного человека

С предшествующих Шекспиру времён до двадцатого века популярность бильярда в Англии падала и возрастала в соответствии с национальными социальными течениями. В конце шестнадцатого века в собственности английских дворянских семейств было совсем немного столов; а 350 лет спустя – в 1912 году – хозяева трактира уже могли мимоходом упомянуть о «бильярдном столе, без которого, несомненно, в наше время не заполняется никакая гостиница любого размера» [1]. Такие перемены в течение нескольких веков можно объяснить различными факторами – основными и второстепенными. Можно было бы сослаться на появление процветающего среднего класса – или просто на всенародное жизнерадостное моральное состояние людей при стремительном росте коммерции и производства. Но в некоторой степени большее отношение к делу имеют незначительные, но ощутимые факторы – новый для обоняния англичан запах чрезвычайно крепкого кофе (*здесь автор прозрачно напоминает то, что кофе появился в Европе относительно недавно – в семнадцатом веке; прим. пер.*) и тряска пассажирских вагонов на опасной брайтонской дороге при умопомрачительной скорости – восемь миль в час (*а здесь, по-видимому, речь идёт о передвижении по железной дороге в Брайтоне, построенной прямо на морском дне; при этом использовалось специальное транспортное средство «Длинноногий папочка» – Daddy Long Legs; видимо, скорость его передвижения и составляла 8 миль/час.*). Это – разновидности общественной безотлагательности, ставшей свидетелем продвижения благородного и целомудренного времяпрепровождения на бильярде к его грядущей окончательной зрелости. Бильярд спокойно вошёл в сферу жизнедеятельности обыкновенного человека, поскольку это происходило в восемнадцатом веке.

Гостиницы и таверны, кофейни и игорные дома Англии, начиная с семнадцатого века, были центрами литературных, общественных и развлекательных усилий (включая бильярд) энергично живущих людей. В годы правления Елизаветы, Якова I и Карла I англичане крепко выпивали и ожесточённо играли. В течение почти двух десятилетий Протектората (с 1642 года) мрачные пуританские лица серьёзно хмурились от такой ветрености. Пуританам удалось закрыть общественные театры, и они предприняли попытки упразднить не только их. Характерен запрет, наложенный при Кромвелле в 1656 году:

«Поскольку Его Высочество Лорд-протектор (*буквально – Верховный Покровитель; прим. пер.*) государства обратил особое внимание на зло и крупные беспорядки, ежедневно творящиеся в тавернах, гостиницах и пивных ... судьям этого графства Хартфордшир предписано принять экстренные меры для действенного наказания всех тех владельцев заведений, которые виновны или будут признаны таковыми в осквернении дня Господня (*воскресенья; прим. пер.*), если в их помещения будут допускаться любые посетители – сквернословящие, пребывающие во хмелю, страдающие пьянством, играющие

в настольные азартные игры, на бильярдном столе, в шовел-борд (Shovel-Board), карты, кости, кегли, голубиные гнёзда (*Pigeon Holes*), тракс, или за содержание кегельбана или лужайки для игры в шары, а также за всякие прочие игры» [2].

Отчасти из-за осуждения господствующей верхушки и частично потому, что англичане знали о своем излишнем пристрастии к выпивке, в середине столетия кофе был радушно принят в Англии. Кофейни возникали повсюду, заменяя в определённой мере гостиницы и таверны в качестве центров общественного сосредоточения. Когда лондонские игроки переместились в кофейни, появление общественных бильярдных столов не заставило себя долго ждать.

Эйтон Эллис (*Aytoun Ellis*) называет кофейни «пенсовыми университетами», куда за входную плату размером в один пенни (*иначе – пенс; прим. пер.*) лондонцы могли пойти, чтобы поучаствовать в интеллектуальном разговоре о литературе и политике, поиграть и отведать тот экзотический новый черный напиток *кофе* – «молоко шахматистов и мыслителей» [3]. Первая английская кофейня «Ангел» (*The Angel*) открыла свои двери в Оксфорде в 1650 году. В этом относительно небольшом городке уже работало примерно 350 пабов, и кофе стал желанным отрезвляющим напитком. Первая кофейня в Лондоне открылась два года спустя, и только в одной столице к концу 1600-х годов насчитывалось 2000 подобных заведений. Их репутация определялась частыми посетителями – любителями литературы, или толпами игроков, или разнообразными лавочниками. За исключением того, что наличие женщин не допускалось, собирающееся общество было вполне демократичным. Многие кофейни (и кондитерские) могли представлять собой «единственный зал на верхнем этаже с одним [бильярдным; прим. автора] столом» [4]. Они преобладали в течение ста лет, пока экономически поднаторевшие правительства восемнадцатого века не осознали, что для Великобритании, обслуживаемой её колониями, будет выгоднее импортировать чай, а не кофе. В результате, кофе и шоколад не исчезали, но экономические санкции превратили Англию в страну любителей чая.

Между тем, множество старых гостиниц страны продолжало исправно предоставлять еду, питьё, жильё и, всё в большей мере, развлечения для своих постоянных посетителей. Путешествуя по стране, многие поколения англичан ужинали и спали под истёртыми деревянными вывесками, такими как «Лебедь с двумя шеями», «Синий кабан», «Кошка и скрипка», «Моя вывеска – в винном погребе». Например, тюдоровская гостиница могла быть большим и красивым двух или трёхэтажным строением из дерева и камня, с открытыми галереями перед комнатами для гостей, окружающими внутренний двор, где расцеплялись упряжки и разгружался привозной провиант. Она практически наверняка могла похвастаться одним или несколькими просторными общими помещениями, возможно даже своего рода танцевальными залами. Старые гостиницы связали мелкие и крупные города Англии с Лондоном; из столицы путешественники привозили новости и манеры, а провинциальные гостиницы были местами сбора местных жителей для общения.

Невозможно подвергнуть сомнению то, что такой игровой досуг был тесно связан с трактирами Великобритании в течение многих веков. В книге «Причудливые вывески старых гостиниц» (*Quaint Signs of Olde*) мы находим, что вывеска гостиницы «Штырь и шар» (*Pin and Bowl*) в Уокингеме (*Wokingham*) «упоминает о двух старейших играх в английских тавернах» – кеглях и игре в шары [5]. А старая вывеска гостиницы «The

Crooked Billet» («*Изогнутая палка*»; прим. пер.) должна привлечь внимание бильярдного историка, если он помнит традиционное определение термина *billette* – «маленький шар; или палка; или даже иногда «бильярдная палка». Это – одна из наиболее обсужденных вывесок всех гостиниц, потому что в каждом из различных городов, где она появляется, указывает на иной объект. «Billet» –

«уменьшительное от франко-нормандского «bille» или «billus», означающего ствол дерева; такое название применялось для многих изделий различной формы, сделанных из древесины. «Billet» был оружием крепостных крестьян в средневековой Англии; это – название куска древесины округлой формы, использовавшегося для сжигания; это был хомут для волов и коромысло для людей, переносящих воду в кожаных оболочках (а позже – в вёдрах); это был пастуший посох ... и т.д». [6]

Так как мы знаем, что слово *billette*, как *хоккей* и *крокет*, происходит от одного из древних слов, обозначающих *изогнутую палку* [7], можно предположить, что термин на старых гостиничных вывесках мог намекать на бильярд в игровой комнате, а не на оружие или воловье ярмо.

Толстая книга Брайанта Лиллиуайта (*Bryant Lillywhite*) о лондонских кофейнях содержит полдюжины или больше попутных ссылок на бильярд в кофейнях с указаниями и ссылками назад в 1600-е годы; например, в 1693 году кто-то отметил, что «в кондитерской у итальянца Кольсона (*Colson*) было два хороших бильярдных стола» [8]. Согласно труду Джона Эштона (*John Ashton*) «*Social Life in the Reign of Queen Anne*», во время правления королевы Анны (1702–1714) можно было прочитать публичные объявления, подобные следующему, – «В кофейне *Grey-hound* (*борзая*; прим. пер.) рядом с Монмут-стрит в Сохо (*Monmouth Street in Soho*) продаются два новых бильярдных стола, а также все другие товары и приспособления, пригодные для кофейни». Или, – «Очень хороший французский бильярдный стол, мало изношенный, полноразмерный, со всем необходимым для французской или английской игры. Спрашивать в шотландской кофейне» [9]. Почти сорок лет спустя – в 1752 году – в кофейне Принца Уэльского в Лондоне около площади Сент Джеймс (*St. James Square*) имелся «превосходный бильярдный стол и светлый просторный зал» [10].

Если женщинам запрещалось появляться в кофейнях, то дамам дворянского происхождения были рады в игровых комнатах лучших гостиниц, даже провинциальных. В конце семнадцатого века [Силия Файнс](#) (*Celia Fiennes*) путешествовала практически по всей Англии и вела обширные дневники и журналы. Как-то при описании вечеринки, на которой присутствовали как мужчины, так и женщины, она рассказывает об удовольствии, полученном от «игровой комнаты» такого заведения, – «огромный зал с большими подъёмными окнами, открывающими вид на лужайку, с бильярдными бортами, отражающимися в стёклах, и с креслами вокруг» [11]. В более позднем периоде также типичной была гостиница «Русалка» (*Mermaid*) в городке Рай (*Rye*), описанная [Сесилом Олдином](#) в его книге «Старые гостиницы» (*Old Inns*). Позади гостиницы располагалась дорожка, выложенная из каменных плит – «по ней, вероятно, поднимались контрабандисты, часто посещавшие «Русалку» – потайная лестница и большая бильярдная комната «с ее пятнадцатифутовой балкой поперёк открытого камина» [12]. Другая гостиница – «Семь Звезд» в Манчестере – изображена на гравюре девятнадцатого века без вывески и вообще без каких-либо обозначений за исключением единственного

слова, написанного большими буквами – БИЛЬЯРД [13]. Это должно было быть достаточным уведомлением.

Тем не менее, повсеместная популярность даже в восемнадцатом веке не была никакой гарантией от королевского осуждения. Стратт говорит нам, что перед 1760 годом бильярд был на какое-то время запрещен Георгом II: «К концу последнего господства эта игра была вне закона, когда под страхом штрафа в десять фунтов (за каждое нарушение) запретили содержать бильярдные столы в трактирах» [14].

В свои молодые годы [Джеймс Босуэлл](#) (*James Boswell*) по тем или иным причинам провел много времени в гостиницах и кофейнях. Молодой шотландец, чья книга *Life of Samuel Johnson* стала самой большой биографией в мире, в 1763 году наслаждался [лондонским сезоном](#). Согласно его журналу, утром в понедельник 20 июня Босуэлл с приятелем пошли на выставку портретов Джошуа Рейнольдса (*Joshua Reynolds*), а затем играли в бильярд: «Мы пошли с Эрскином (*Erskine*) и сыграли несколько партий в бильярд – не на деньги, а просто потому, что это – прелестная игра. Чтобы не пристраститься к ней, я играю редко» [15]. Джентльмен и колониальный администратор (так же, как и Сэмюэл Пепис (*Samuel Pepys*), ведущий дневник) [Уильям Хикки](#) (*William Hickey*), будучи светским молодым человеком, в 1766 году имел несколько «рандеву» для бильярдной игры в лондонской гостинице «Ангел». «Я стал настолько любить игру», – рассказывает он, – «что утром, днём и вечером наблюдал за игроками, и наконец сам взялся за кий». Хикки утверждает, что по крайней мере по два часа ежедневно упражнялся с кием [16]. «Корреспондент», написавший в декабре 1773 года дополнение к трактату о бильярде в журнале *Covent Garden Magazine*, называет себя исключительно «Ваш постоянный читатель, A.S__n, Бедфорская кофейня [17]. В 1774 году даже путешественник в американские колонии мог сообщить, что сон в его гостинице оживлялся постельными клопами и шумными бильярдными игроками в соседней комнате [18]. Джон Дью (*John Dew*), автор трактата о бильярде, опубликованного в 1779 году в сборнике игр *Hoyle's Games Improved* (автор утверждает, что это произошло в 1775 году; действительно в сборнике от 1775 года был представлен материал по бильярду, однако трактат Джона Дью впервые был напечатан только в 1779-м; прим. пер.), представил о себе лишь незначительную информацию: «Автор продолжает обучать и исправлять ошибки господ во всех бильярдных играх, указанных здесь; справки можно навести в *Half Moon* («Половина Луны»; прим. пер.), Клипстон стрит (*Clipstone Street*), около Портленд Роуд (*Portland Road*)» [19]. В сборниках *Hoyle's Games Improved* 1775-го и 1779-го годов бильярдные правила были представлены в соответствии с новой полуофициальной санкцией: «Правила нескольких игр, как решено и согласовано в кондитерских Уайта и Стэплтона» [20].

В 1784 году, когда правительство начало заключать контракты с частными владельцами карет для перевозки почты, количество и значимость гостиниц и прочих публичных заведений существенно возросло. В Лондоне кареты появились почти за 150 лет до этого, но даже тогда часть населения выступала против шумных и новомодных перевозок. В 1636 году один из лондонцев жаловался:

«Из-за них я никогда не могу заниматься в тишине – ни днем, ни ночью; они судачат о гремучих змеях в Новой Англии (регион на северо-востоке США, в котором находились самые ранние поселения колонизаторов Северной Америки; прим. пер.). Уверен, что сами они – гремучие змеи Старой Англии, которые охраняют целый город от обычного отдыха. Я чистосердечно

изумляюсь – почему наше дворянство и знать не имеют привычки ходить пешком по улицам при ясной погоде: ведь я же лицезрел ... сэра [Фрэнсиса Дрейка](#) (*Francis Drake*), сэра [Филипа Сидни](#) (*Philip Sydney*) и многих других, когда кареты можно было увидеть почти так же редко, как и слона» [21].

Но кареты появились, чтобы укорениться, и их количество возросло. Полтора века спустя, когда их вынудили обслуживать почту, скорость и производительность поднялись до захватывающего дух уровня. Записи современников тех дней демонстрируют, что англичане были впечатлены возможностями более быстрой, улучшенной почтовой службы:

«Новая почтовая карета ... сделана очень легкой, перевозит четырех пассажиров и передвигается с помощью пары лошадей, которых меняют через каждые шесть или восемь миль езды. Охранник располагается с кучером на козлах, а почта хранится в багажнике» [22].

Количество лошадей увеличили уже в первый год, что привело к приводящей в трепет дискуссии о «быстроте упряжек из четырех лошадей», которые могли перевозить почту и пассажиров по пользующимся дурной славой английским дорогам со средней скоростью, составляющей семь или восемь миль в час [23]. Лондонец мог бы столкнуться примерно с такой рекламой:

«Талли Хо –

Новый и быстрый дилижанс, добирающийся до Бирмингема за одиннадцать часов.

Каждое утро (кроме воскресений) в восемь часов отправляется от гостиницы *Лебедь с двумя шеями*» [24].

Само собой разумеется, что торжественное сообщение одного из исследователей: «Установлено, что никакая лошадь не может без травм промчаться во весь опор больше семи или восьми миль» [25], призвало к образованию цепочки маленьких и не очень маленьких гостиниц, обеспечивающих каретные перевозки и расположенных на всех главных дорогах на расстоянии от шести до восьми миль друг от друга. Провинциальные территории были связаны с большими городами более тесно, чем когда-либо, и городские развлечения, столь популярные как бильярд, распространились даже в самых маленьких городках. (Пассажиры, ожидающие карету в гостиницах, могли бы быть задержаны разбойниками с большой дороги, несчастными случаями или плохими дорогами, и нуждались в чем-то, чтобы скоротать время.) Дороги были довольно быстро приведены в приличное состояние – главным образом из-за потребности в более быстрой, чем когда-либо, почтовой службе. В начале 1800-х годов инженер-дорожник [Джон МакАдам](#) (*John L. MacAdam*), популяризировал «макадамизацию» трактов, а хорошая сеть гостиниц на качественно построенных дорогах настойчиво привлекала к себе, когда группы английских любителей удовольствия собирались путешествовать. Например, гостиницы по пути в Брайтон, возможно, были такими же приманками, как и сам курорт. К 1836 году, «когда победа пара над лошадиной силой представлялась бесспорной» [26], бильярд уже стал любимым развлечением по всей Великобритании – в немалой мере благодаря «каретным» гостиницам.

Как и в Европе, бильярд в Америке был, прежде всего, развлечением богатых и известных людей. Анонимный историк девятнадцатого века хотел бы внушить нам, что игра была ввезена в Северную Америку испанской семьей в 1565 году в [Сент-Огастин](#) (*St. Augustine*; сейчас это – город в штате Флорида), а затем в 1607 году «переправлена» в Вирджинию английскими колонистами [27]. Конечно же, он взял на прицел самые ранние даты североамериканских поселений и не предоставляет

документов, но бильярд появился в Америке спустя некоторое время после того, как разрозненные поселения обосновались вдоль побережья. Вирджинец [Уильям Бёрд II](#) (*William Byrd II*) играл в бильярд и держал при этом пари на своей плантации в 1709 году; согласно книге Джейн Карсон (*Jane Carson*) *Colonial Virginians at Play*, он играл «с утра, днём и вечером со своей женой, сыном или гостями» [28]. Друг Бёрда вирджинец [Джордж Вашингтон](#) (*George Washington*) в молодые годы чередовал игру в бильярд и карты [29], а [Томас Джефферсон](#) (*Thomas Jefferson*) и [Александр Гамильтон](#) (*Alexander Hamilton*), как предполагается, играли с французом [Жильбером Лафайетом](#) (*Gilbert La Fayette*), проявляя французскую любовь к игре. Предание семейства Джефферсон говорит, что пока не был принят государственный закон, запрещающий бильярдную игру, центральная комната в прекрасной усадьбе Монтичелло была предназначена для бильярда [30]. Карсон отмечает, что в восемнадцатом веке бильярдные столы Вирджинии были настолько общепринятым предметом в домах плантаторов, что для них была предусмотрена отдельная колонка в отпечатанном налоговом бланке [31].

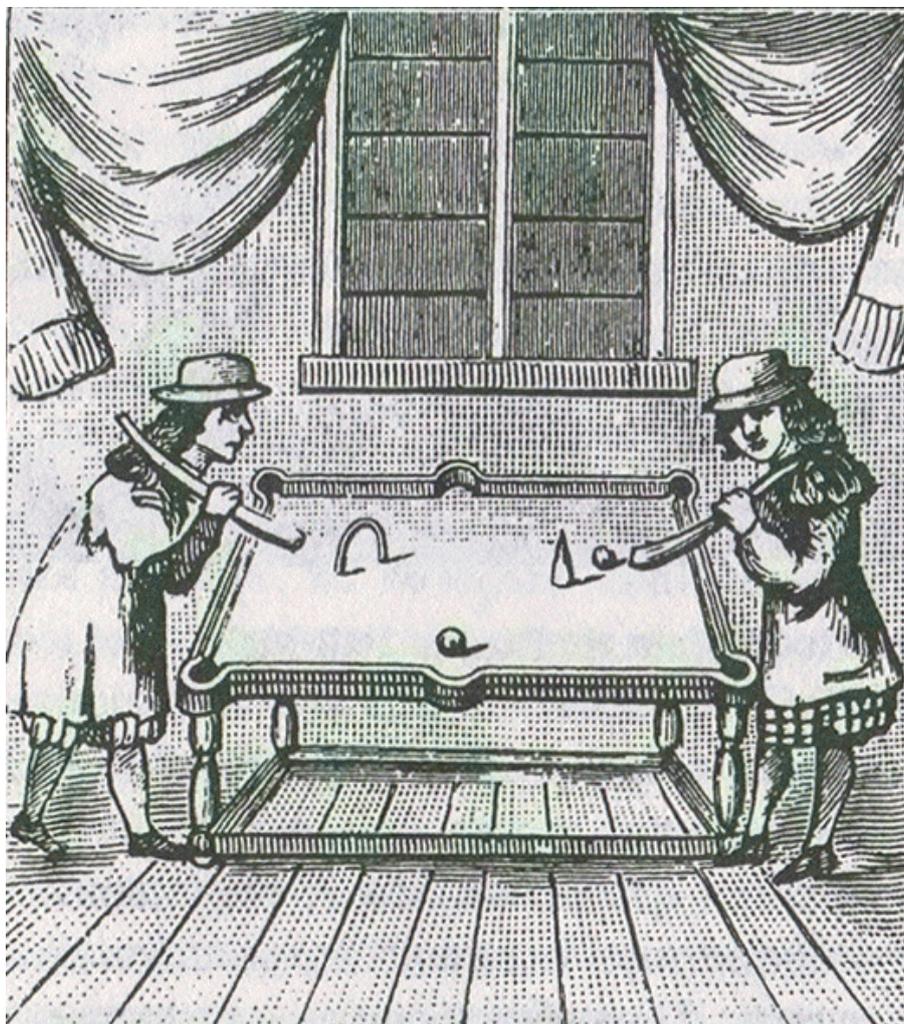

Иллюстрация 3. Бильярд в Англии в 1674 году. «На одном крае поверхности стола расположена сделанная из слоновой кости арка, а на другой – король, изготовленный из того же материала». На этом грубом рисунке стол выглядит квадратным. (Часть фронтисписа книги Чарльза Коттона *The Compleat Gamester*, 1674.)

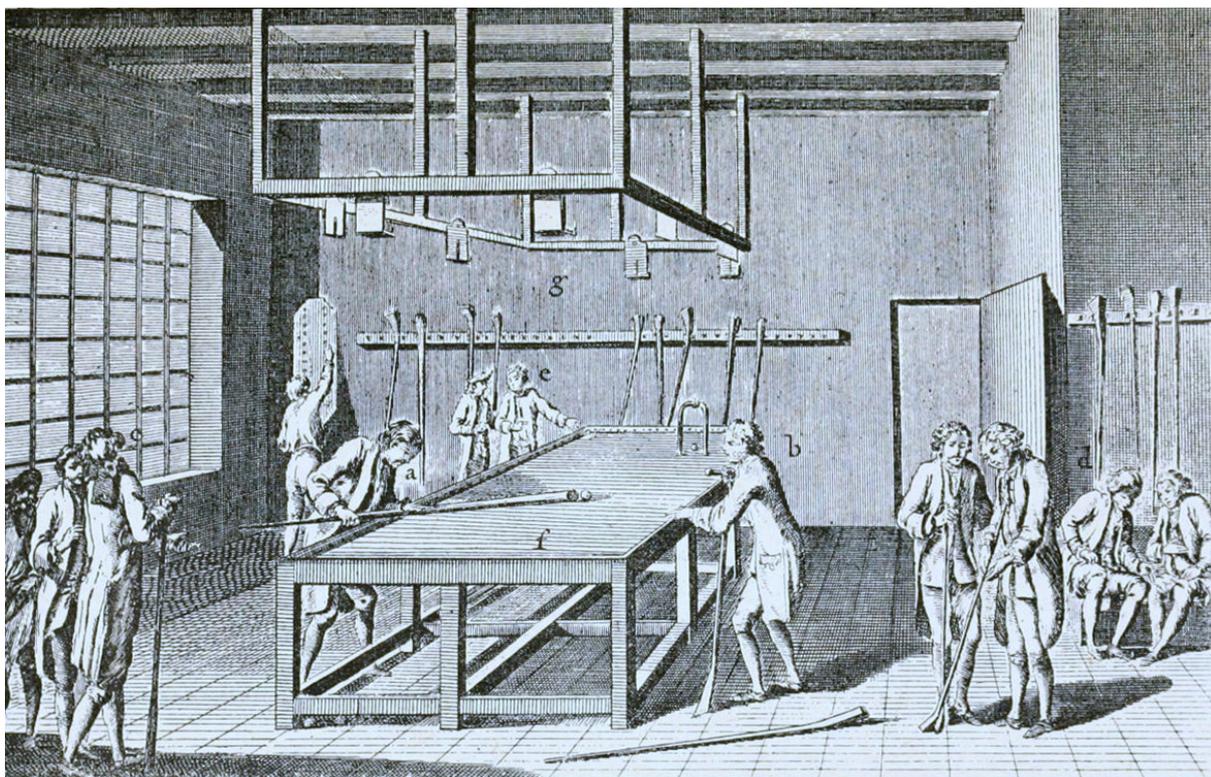

Иллюстрация 4. Бильярд в одном из заведений *billiardiers palmiers* в Париже в первой половине 1700-х годов. Ясно, что большинство палок являются мазиками, но представляется, что игрок за столом использует толстый длинного тяжелого кия. В игре все еще применяется Арка, а над столом предусмотрен каркас для свечей. (Из энциклопедии *La Grande Encyclopedie* Дидро, 1751-1752.)

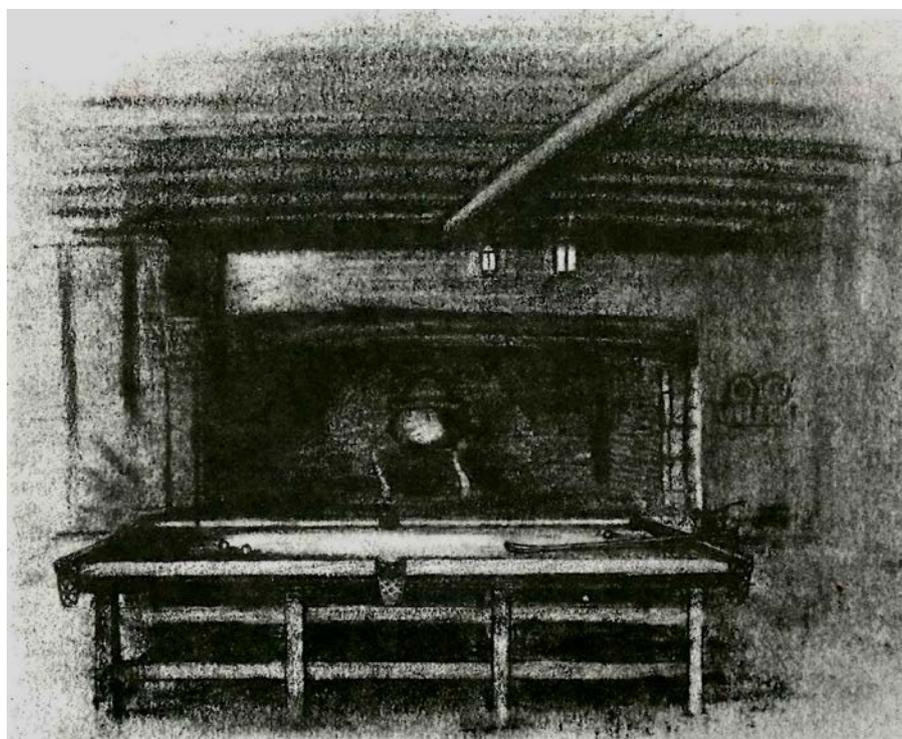

Иллюстрация 5. Бильярдная комната в английской гостинице 18-го века; стол с бильярдным мазиком и маркером, сидящим перед массивным камином.

Иллюстрация 6. Английские кареты: пережидая непогоду перед заснеженной гостиницей и опережая бурю; приблизительно 1800 год. Поскольку «каретные» гостиницы распространились по всей Англии, они сделали бильярд широко доступным. Погода, разбойники, несчастные случаи и плохие дороги могли вызывать долгие задержки, и пассажиры, пережидаящие в гостиницах, развлекались за бильярдным столом.

Но в Европе к этому времени бильярд был весьма популярен даже и среди простых людей. В 1674 году Коттон мог сказать про Англию, что в ней имелись «несколько городов ... в которых не было общественного бильярдного стола». Трактиры в американских колониях вскоре последовали примеру. Хороший бильярдный стол в помещении был сильным коммерческим аргументом в обычных рекламных объявлениях при продаже в колониях; а Луиза Белден (*Louise Belden*) отмечает, что в 1722 году, несмотря на неодобрение старших, молодые люди играли в трактире Чарльзтауна (*Charlestown*), штат Массачусетс. Общественные столы имелись также в Филадельфии, Салеме, Ричмонде и Аннаполисе (*Philadelphia, Salem, Richmond, Annapolis*) [32].

Понятие «общественные столы» не обязательно означало, что речь идёт о столах для фермеров и рабочих – скорее, бильярд был развлечением, предназначенным для зажиточных людей. Один игрок из Мэриленда в 1806 году сделал запись о том, что заплатил 12½ центов за игру днем, 22 цента ночью (дополнительная плата за свечи), и это были такие деньги, которые не мог себе позволить потратить каждый. Однако, акварель [Бенджамин Латроба](#) (*Benjamin Latrobe*), датированная 1797 годом, изображает четырех колониальных игроков с мазиками, один из которых – изящно одетый джентльмен, а другой – плохо одетый и босой [33]. Даже когда зажиточный господин, приходя поиграть в бильярд, не хотел общаться, менее богатые колонисты могли быть шумно демократичными. Шокированный британский чиновник описал конфликт 1780 года между джентльменом и «человеком низкого происхождения» за общественным столом в колониальной бильярдной:

«Я расскажу о том, как произошла травма, чтобы доказать свирепость низшего класса в этой стране; этот джентльмен играл в бильярдной комнате, где находилось много господ и некоторые из наших офицеров; человек низкого происхождения, притворившись аристократом, вступил в игру, и в ходе её прозвучали несколько слов, которыми он сначала умышленно оскорбил

[джентльмена; прим. автора], а после ... подлетел к нему и немедленно вывернул его глаз из глазницы, и пока тот висел на щеке, он варварски пытался вырвать его целиком, но ему воспрепятствовали» [34].

Американский бильярд продолжал процветать независимо от того, какие у него могли бы быть покровители. При исследованиях Луизы Белден обнаружился целый поток бильярдных рекламных объявлений в американских газетах, вышедших до 1830 года. *Pennsylvania Gazette* за апрель 1752 года описала меблированный дом, в котором имеются бильярдная комната и стол. В *Maryland Gazette* в 1784 году выходили рекламные объявления драпировщика, «обтягивающего бильярдные столы сукном». *Aurora*, печатавшаяся в Бристоле, штат Пенсильвания, в 1799 году рассказывала о «Бильярдных лузах ... изготавливаемых на заказ», а в 1804 году в *Philadelphia Gazette* рекламодатель предлагал бильярдное сукно разного качества – «высшего и второго сорта» [35].

Даже до начала девятнадцатого века игра расширяла свою территорию в сторону далекого запада. В 1764 году, когда маленькая группа французов из Нового Орлеана двинулась вверх по реке Миссисипи в дебри, называющиеся теперь Миссури, чтобы основать город Сент-Луис, одно из первых зданий, возведённых в небольшом новом селении, стало бильярдной. Это похожее на форт игорное заведение было расположено около прибрежной зоны на той части улицы *Rue de l'Eglise* (позднее – «Вторая улица» в парке *Walnut*), которая больше не существует, и очень близко к месту, занятому теперь южной опорой арки «Врата на запад» (*Gateway Arch*). Согласно книге Джона Томаса Шарфа (*J. Thomas Scharf*) *History of St. Louis*, здание было «французским строением из вертикальных брёвен, размером двадцать на сорок футов, одним из первых в селении». Оно было «построено в 1765 году столяром Жаком Дени (*Jacques Denis*) в качестве бильярдной, и занято как таковое во время всего периода власти испанцев (1770–1800)» [36]. Может быть, плотник Жак Дени даже сделал бильярдные столы, так как их было бы трудно транспортировать вверх по реке из Нового Орлеана. Возможно, несколько шаров из слоновой кости и шерстяную ткань привезли французы, переселившиеся из более старого города в устье реки. В 1803 году президент Джефферсон купил провинцию Луизиана (в которую и входила территория Миссури; прим. пер.) для Соединённых Штатов Америки. Пять лет спустя, когда [Мериуэзер Льюис](#) (*Merriwether Lewis*; из экспедиции Льюиса и Кларка) организовал одну из первых масонских лож к западу от Миссисипи, он приютил её в старой французской бильярдной [37]. Удивительно то, что бильярд настолько рано внедрился в Америке – возможно, более удивительно, чем истории о Сент-Огастине и Джеймстауне (*Jamestown*) – но верно.

В 1830-х годах дорога «[Тропа Санта-Фе](#)» (*Santa Fe Trail*) стала использоваться более интенсивно, и застава *Bent's Fort* была стимулом для преодоления наиболее длинного участка тропы, потому что в это время в Колорадо только там, вероятно, имелись бильярдные столы [38]. Когда в 1833 году [братья Бент](#) построили свой «огромный глиняный замок», он стал, согласно Дэвиду Лэвендеру (*David Lavender*), самановым полустанком для торговли мехом. В форт постоянно наведывались различные люди, подобные [Киту Карсону](#) (*Kit Carson*) и [Джону Фримонту](#) (*John Fremont*), как и бесчисленные индейцы – шайены, команчи и кайова. Чтобы развлечь важных гостей в форте «наверху западной стены было предусмотрено изящное большое помещение». Караван из мулов, пришедший в форт в 1836 году, доставил завезённый из Китая имбирь, патоку из Нового Орлеана, жестянки с крекерами и

«ещё один экзотический предмет – бильярдный стол» [39]. То, что в бильярд играли на наиболее лишённых комфорта форпостах американской границы, является еще одним доказательством того, что игра больше не была исключительной «собственностью» богатых и титулованных людей.

Даже уже в 1836 году американцы, желающие прочесть правила и инструкции по бильярду, могли бы обнаружить, что найти такой печатный материал непросто. В некоторые годы издатели Нью-Йорка и Филадельфии напечатали американские выпуски сборника игр *Hoyle's Games Improved* – например, Уильям Причард (*William Prichard*) сделал это в 1796 году. Но это произошло еще за несколько лет до того, как в 1850 году книга Майкла Фелана *Billiards Without a Master* была издана и прочитана по всей стране. Согласно словам издателя и производителя бильярдных столов Дэниэла Винанта (*Daniel D. Winant*), эта книга была «первой американской публикацией на эту тему».

Восемнадцатый век начался с весьма широкого осознания того, что бильярд был слишком модным и изящным времяпрепровождением для всех, кроме дворянства и знати. В книге Эдварда и Джона Чемберлена (*Edward and John Chamberlayne*) *Present State of England* от 1707 года прояснены различия, касающиеся развлечений. Авторы указали, что «король имеет ... дома Теннис, Пэлл Мэлл, Бильярд, Комедии, Оперу» и другие развлечения. «У дворянства и знати есть их ... игра в Кегли, Бильярдные столы, Шахматы, игра в Кости». Но у других категорий «граждан и крестьян есть Гандбол, Футбол, Крикет... [Шовел-боард](#), Гольф, [Тролль-мадам](#)» [40] и различные другие виды досуга, но нет бильярда. Однако, ко времени выхода книги из печати эти различия уже устарели. И к концу века на территории Миссури было столько общественных столов из Англии и Франции, что бильярд стал игрой, которой мог забавляться каждый человек.

Ссылки на источники в главе 4

1. Edward W. Gregory and Henry F. Maskell – [Old Country Inns of England](#), 2nd ed. (London; Isaac Pitman and Sons, 1912), p.245.
2. Процитировано из книги А.Е.Ричардсон – [The Old Inns of England](#) (London; V.T.Batsford Ltd., 1934), pp.12-13.
3. [Цитата из книги Эйтон Эллис](#).
4. Aytoun Ellis – [The Penny Universities: A History of the Coffee Houses](#) (London: Seeker and Warburg, 1956), p.52.
5. G.J.Monson-Fitzjohn – [Quaint Signs of Olde Inns](#) (London; Herbert Jenkins Ltd., 1926), p.114.
6. [Там же, стр.51](#).
7. H.S.Altham and E.W.Swanton – [A History of Cricket](#) (London: Allen and Unwin Ltd., 1926), p.19.
8. Bryant Lillywhite – *London Coffee Houses* (London: Allen and Unwin, 1963), p.

9. John Ashton – [Social Life in the Reign of Queen Anne, Taken from Original Sources](#) (London: Chatto and Windus, 1882), 1, 322.
10. J. Paul de Castro – *A Dictionary of the Principal London Taverns Since the Restoration* (неопубликованная рукопись, примерно 1925). Работа Кастро упоминается Лиллиуайтом и другими авторами.
11. Christopher Morris, ed. – [The Journeys of Celia Fiennes](#) (London: Cresset Press, 1949), p.350.
12. Cecil Aldin – [Old Inns](#) (London: William Heineman, 1921), pp.124-125.
13. See George T. Burrows – *Old English Inns* (London: T. Werner Laurie, circa 1890), p.48.
14. Joseph Strutt – [The Sports and Pastimes of the People of England](#) (London: J. White, 1841), p.300.
15. Frederick Pottle, ed. – *Boswell's London Journal 1762-1763* (New York: McGraw-Hill, 1950), p.281.
16. Alfred Spencer, ed. – [Memoirs of William Hickey](#) (London: Hurst and Blackett, 1913), pp.64-65.
17. [Covent-Garden Magazine Supplement](#) (December, 1773), 11, 471.
18. Смотри Jane Carson – [Colonial Virginians at Play](#) (Charlottes-ville, Va.: University Press of Virginia, 1964), p.35.
19. Charles Jones, rev. – [Hoyle's Games Improved](#) (London: J.Rivington and J.Wilkie, 1779), p. 295. Большинство последующих ссылок будет сделано на это издание; трактат Джона Дью впервые появился в издании 1775 года (*о том, что это не так, я отмечал в примечании к тексту; прим. пер.*).
20. [Там же.](#), стр.245.
21. [Coach and Sedan: Pleasantly Disputing for Place and Precedent](#) (London: Robert Raworth, 1636), n.p.
22. Violet A. Wilson – [The Coaching Era](#) (London: John Lane, 1922), p.35.
23. Quoted in E.D.Cuming – [Coaching Days and Ways](#) (London: Hodder and Stoughton, 1900), p.5.
24. Из старой афиши, перепечатанной в книге Captain Malet – [Annals of the Road](#) (London: Longmans, Green and Co., 1876), p.151.
25. Процитировано по «Nimrod» – [The Chase, the Turf, and the Road](#) (London: John Murray, 1853), p.102-103.

26. [Wilson](#), p.244.
27. Benjamin Garno – [Modern Billiards](#), new ed. (New York: Brunswick-Balke-Collender, 1909), p.8.
28. [Carson](#), p.84.
29. [Там же](#).
30. [Там же, стр.85](#).
31. [Там же, стр.82](#).
32. Louise Belden, «Billiards in America before 1830» – *Antiques* (Jan., 1965), n.p.
33. Рисунок воспроизведён в статье Белден.
34. Цитируется у [Карсон, стр.166](#).
35. Belden, n.p.
36. J. Thomas Scharf – [History of St. Louis City and County](#) (Philadelphia: Louis H. Everts, 1883), II, 1776.
37. «The Grand Lodge of Missouri Freemasonry» – *Globe-Democrat Sunday Magazine* (June, 1971), p.14.
38. «Trail», *Collier's Encyclopedia* (1971 ed.), XXII, 404.
39. David Lavender – [Bent's Fort](#) (Lincoln, Neb.: University of Nebraska Press, 1954), p.177.
40. Edward and John Chamberlayne – [Angliæ Notitia or the Present State of England with Diverse Remarks upon the Ancient State Thereof](#), 22nd ed. (London: S. Smith, 1707), p.313.

Глава V

Истоки индустриализации

Ко второй половине восемнадцатого века бильярд в Англии уже стал занимать важное место в растущей промышленности. Прежде оборудование для игры заказывали трактирщики и богатые игроки, а изготавливали отдельные мастера – производители мебели, столяры, плотники и токари, обрабатывающие дерево. Растущий спрос на бильярдные столы и аксессуары заставил мебельные фирмы обратить на эти изделия большее внимание. Бильярдные столы стали делать такие известные производители мебели, как *Sheraton* и *Seddon*. И должно было настать время, когда в общем объеме коммерции таких фирм, как [Gillow & Co](#) (*Gillows of*

Lancaster and London или просто *Gillows*) доля бильярдной торговли стала весьма весомой. Некоторые производители мебели, в частности – Джон Тёрстон, даже стали полностью зависимыми от продаж бильярдного оборудования. Журналы продаж и конторские отчеты из архивов таких фирм рассказывают подробную историю роста бильярда во время важного периода с 1760-х до середины 1800-х годов.

Например, примечания и письма в бухгалтерских книгах отработки ([wastebook](#)) компании *Gillows* свидетельствуют о процветающем рынке сбыта оборудования вскоре после 1750 года. Характерен ответ одному потенциальному клиенту в сентябре 1769 года: «Если Вы захотите получить какую-либо разновидность бильярдного стола, мы полагаем, что способны изготовить её по вашему желанию, поскольку мы используем Индивидуальные руки, которые действительно делают только бильярдные столы, которые мы отправляем господам по всей Англии и особенно в Лондон» [1].

Компания *Gillows* в это время испытывала гордость за свою «линейку» столов и предлагала их различные модификации – от маленьких «портативных» 6½ или 7½ футов длиной до «полноразмерных» столов длиной 12½ футов. Столы меньшего размера изготавливались со складной рамой, и в 1769 году фирма убеждала своих потребителей делать выбор в пользу более ранних «безногих» моделей, спроектированных для размещения покупателями на собственном обеденном столе. Одно из писем заверяет: «Портативные бильярдные столы самого большого размера доставили практически полное удовлетворение, поскольку они позволяют много упражняться и держатся на складной раме почти столь же устойчиво, как и стационарный стол». В ответе на письменный запрос по 7½-футовому столу объясняется: «Этот размер слишком велик для установки на обеденном столе» и рекомендует модель со складным каркасом как «полномасштабно устойчивую». Эти портативные модели назойливо расхваливались, как «почти столь же славные и приятные для игры, что и стол натуральной величины», и занимали меньше места. Верхние части столов и складные каркасы из «прочного красного дерева» могут храниться «в маленькой комнате, когда не используются». Возможно, это был один из тех меньших столов фирмы *Gillows*, которые так очаровали преподобного Стотхерда Абди (*Stottherd Abdy*) при визите к семье Хублон (*Houblon*) в 1770 году; как бы ни было непристойно для священника игнорировать любезную болтовню дам в гостиной, но призыв бильярда было слишком сильным, чтобы сопротивляться:

«Любопытство привело меня в холл, чтобы посмотреть миниатюрный бильярдный стол. В самом деле, я находился там так долго, что вызвал неудовольствие тех, кто был в гостиной. Но мне было не до этого – мистер Дж. Хублон заманил меня сыграть одну или две партии. Когда же пришли остальные господа, мы не возражали, чтобы они присоединились к вечеринке у луз, и это продлилось два часа» [2].

Удачный бизнес фирмы *Gillows* зависел от удовлетворенных покровителей и нерегулярных рекламных писем, подобных написанному в мае 1769 года и подсказывающему потенциальному клиенту: «Ваш друг строит комнату для бильярдного стола». К этому времени английские мастера настолько тщательно изготавливали бильярдное оборудование, что оно по популярности превзошло французские столы, к которым ранее проявлялось больше благосклонности. Удалённые клиенты, некоторые из которых находились так же далеко, как Вест-

Индия, запрашивали и получали свидетельства, удостоверяющие, что их столы были английского производства. В марте 1769 года бильярдный бизнес развивался настолько хорошо, что для исполнения заказов на столы большего размера фирме *Gillows* требовалось некоторое время, и нетерпеливым клиентам рекомендовались портативные столы. В одном из писем говорится: «У нас на руках столько обязательств, что мы не можем завершить изготовление полноразмерного стола ранее, чем через 4 или 5 месяцев с этого момента».

Накладная за октябрь того же самого года описывает стол, оборудование и аксессуары, купленные неким клиентом:

«Бильярдный стол длиной 7½ футов и пропорциональной шириной, с 6 шарами из слоновой кости; 6 мазиков, 4 кия, подсвечники, уровень для регулирования высоты поверхности с помощью вкручивающихся ножек, с крупной рамой из красного дерева, которая складывается и занимает немного места, когда не используется по назначению».

Примечания в другом месте дают нам частичный список используемых материалов и оценки времени, необходимого для изготовления полноразмерного 12½-футового стола с его восемью крепкими ножками. Перечислены три фунта клея, 400 белых гвоздиков с широкой шляпкой, «2½ тысячи черных гвоздиков» и девять ярдов фланели. На изготовление столешницы и рамы уходит двенадцать дней, ножек – три дня, а бортов – пять дней. Шесть дней необходимо, чтобы «всё собрать, выровнять & отполировать и заполнить борта». Заинтересованность игроков в превосходном качестве оборудования – аксессуаров и самого стола – нашла понимание у производителей мебели, и они мастерили бильярдные принадлежности, за которые можно испытывать чувство гордости. В октябре 1769 года в фирме *Gillows* было написано письмо клиенту, в котором говорится: «Мы производим бильярдные столы любых других размеров, стационарные или аккуратно разбирающиеся & на самых выгодных условиях».

В те времена столешницам уделялось особое внимание. Плоский лист сланца, который впоследствии должен был гарантировать ровную поверхность, пока еще не применялся при изготовлении стола. Используемый способ конструирования деревянной столешницы заключался в том, что отдельно изготавливали секции меньшего размера, а затем столяры тщательно соединяли их в своих мастерских по принципу «шип – паз». То, что получалось, скорее походило на настил паркета – гладко струганый, а затем отполированный, прежде чем быть покрытым прекраснейшим ярко-зеленым сукном. Резиновые борта также были ещё в будущем, и мастера восемнадцатого и начала девятнадцатого века испробовали различные способы конструирования бортов округлённой формы с предсказуемой степенью упругости. Во время этого периода фирма *Gillows* полагалась на «3 ярда фланели для заполнения бортов» даже маленького шестифутового стола. Чтобы придать борту форму «слегка закруглённую наружу за счёт наполнителя» так, чтобы при этом контакт с шаром был упругим, а не амортизирующим, в *Gillows* использовали «9, 10, или 11 полос фланели в каждом борту». Полоски укладывались слоями, и каждая следующая полоса была уже предыдущей, расположенной снизу. После того как собранный наполнитель покрывался туго натянутым полотном, а снаружи – высококачественным зеленым сукном, шары хорошо отражались.

Медленные «качели» в выборе предпочтения между мазиком и кием, имевшие место в конце 1700-х и в начале 1800-х годов, гарантировали, что фирма *Gillows* и фирма Тёрстона вели процветающий бизнес по обоим видам палок. Сначала фирма *Gillows* изготавливала свои мазики и кии из дуба или красного дерева. Пояснительное письмо в августе 1769 года объясняет клиенту: «По поводу кия, сделанного из дуба – для одного и того же стола мы часто посылаем кии обоих видов, потому что некоторым людям дубовые кии нравятся больше, чем кии из красного дерева». Но кии из гикори и особенно из ясеня стали более популярными. Кии могли быть украшены торцевыми пластинами из слоновой кости, а мазики – замысловатыми инкрустациями. Заказы в конце восемнадцатого века практически неизменно содержат вдвое больше мазиков, чем киев; или это соотношение составляет три к двум. 13 мая 1771 года в накладной перечисляются «12 мазиков, 6 киев, 6 мелких шаров из слоновой кости». 9 февраля 1797 года отмечены «12 мазиков и 6 киев». Но намного чаще, как 8 июля 1771 года, в книгах отработки делают запись «6 мазиков, 4 кия, отправлены в гостиницу *Castle (Замок)*». Или «6 мазиков, 4 кия, набор подсвечников и уровень отправлены в «Лебедь с двумя шеями». В начале 1800-х годов пропорция между количеством мазиков и киев уменьшалась. К 1807 году типичный список мог бы гласить: «18 обычных мазиков и киев» или «девять мазиков & девять киев». В 1820-х годах мазик был, несомненно, в немилости. Счет Тёрстона за 5 апреля 1821 года включает «12 киев, 2 мазика, набор шаров»; другой – за сентябрь 1829 года – содержит только «4 превосходящих ясеневых кия, оправленных в гостиницу *Bull (Бык)* в Уайтчепел (*Whitechapel; исторический район Лондона*)» [3]. Вместе с бильярдным столом, который Тёрстон сделал для королевы Каролины, в каталоге её имущества от 1822 года была указана стойка с «семнадцатью киями и тремя мазиками» [4].

Для игры использовались шары из слоновой кости; они тщательно и точно вытачивались из длинного изогнутого сегмента бивня слона, а затем окрашивались в красный цвет или оставлялись белыми. Заказываемое покупателями количество шаров было довольно постоянным: обычно – как заказано фирме *Gillows* 13 мая 1771 года – «6 блестящих шаров из слоновой кости», а изредка – как в июне того же года – «5 окрашенных шаров». Бивни импортировались из Африки или Индии, и в конце 1700-х годов они еще не были дорогими или в недостатке. Весьма поучительно примечание от 13 августа 1796 года:

«10 слоновых бивней, оплата & фрахт из Ливерпуля
Изготовьте: 25 шаров размером 1 $\frac{7}{8}$ "
21 то же самое 1 $\frac{3}{4}$ "
10 то же самое

С полостями и из оконечностей [*остатки; прим. автора*] 18 фунтов
половина стоимости от их первоначальной цены».

(Для указанных десяти шаров не определён диаметр. По всей видимости, имелось в виду, что эти шары будут изготовлены из оконечностей бивней, и поэтому наперёд невозможно регламентировать их размер. Прим. пер.)

Токарям приходилось вытачивать из бивня целиком каждый шар, так как плотность слоновой кости в районе сердцевины отличалась от плотности на поверхности бивня. Для изготовления «правильного» шара нужно было добиться того, чтобы центр бивня совпадал с центром шара. Указанный здесь диаметр в 1 $\frac{3}{4}$ дюйма несколько меньше обычного, а пятьдесят шесть маленьких шаров, вытачиваемых из десяти больших бивней, должно быть, было значительным количеством. Сэр Джон

Сквайр (*John Squire*) сообщает, что в среднем из единственного бивня можно было сделать пять шаров [5].

Аксессуары для игры были доступны в изобилии. От фирмы *Gillows* для стола можно было получить «Алый кожаный чехол с зелёной байкой и золотистой кожей по краям». По заказу от 13 декабря 1788 года фирма *Gillows* поставляла «6 шёлковых лузных сеток» для стола; компания Тёрстона при реконструкции общественного здания [Yorkshire Stingo](#) отправила 18 октября 1826 года «новый комплект сеток для луз из бечевки». Иногда, как при заказе в октябре 1822 года, производители могли даже поставлять «набор коробок для шаров». Горизонтальность игровой поверхности стола крайне важна для игры, и владелец мог бы хотеть проверять её почаще; поэтому, хороший спиртовой уровень был необходим практически любому новому покупателю. Он мог бы также заказать специальный «набор подсвечников» или позже – «6 запатентованных шаровых стеклянных ламп». Конечно же, освещение было основой, и подставки для подсвечников, а также стойки для освещения стола сверху были разработаны в большом количестве. Столы помещались в хорошо освещённых комнатах, таких как портретные галереи с множеством окон; стол мог быть даже заказан «с приоконным креслом, украшенным золотыми кистями», которое изготавливалось субподрядчиком. Причудливый стол мог иметь встроенные аксессуары. На эскизе стола, заказанного 23 октября 1822 года, в книге отработки компании *Gillows* изображен небольшой ящик для мела, вмонтированный ниже уровня столешницы. Маленький стол образца 1787 года построен «с ящиком, предназначенным для хранения мазиков и киев». Также эволюционировали и механические «маркёры» – панели для ведения счёта. Письмо *Gillows* от 1769 года отмечает в ответ на запрос от путешествующего родственника кого-то из фирмы: «У нас нет ни одного из тех маркёров для игры в бильярд, на которые Вы ссылались, но хотим, чтобы Вы купили один для нас и выслали его ... первой каретой». Эскиз, сопровождающий заказ 1793-го года, изображает один из ранних маркеров с двумя циферблатами, а на другом, датированном 15 июня 1821 года, изображена вещица со скользящими маркерами для обозначения счёта на горизонтальной шкале.

Последовавшее начало девятнадцатого века ознаменовалось быстрым ростом бильярдной индустрии. По-новому усовершенствованная и расширенная почтовая служба потребовала частого технического обслуживания карет и создания множества пабов и гостиниц, необходимых путешественникам по всей Англии. Помимо этого, почтовая служба и путешественники, использующие экипажи, притягивали сельские области Англии ближе к забавам и развлечениям Лондона. В лучших частных домах и в самых скромных гостиницах появились собственные бильярдные столы. В старой брошюре Тёрстона говорится: «В течение сорока лет квалифицированные сборщики *Thurston & Co* перемещались на этих почтовых каретах и в дилижансах во все уголки страны, оборудуя столы, натягивая сукно и выполняя необходимый ремонт» [6]. Фирма Тёрстона и другие компании занялись бизнесом в Лондоне, а также в гостиницах и поместьях вдалеке от столицы. При поездке в *Yorkshire Stingo* в октябре 1826 года работник фирмы Тёрстона выполнил следующие услуги:

«Демонтаж столешницы, планировка и выравнивание плит. Натяжка нового лучшего высококачественного сукна на игровой поверхности и бортах. Повторное покрытие угловых пластин лаком; и установка нового комплекта лузных сеток из бечёвок» [7].

Фирма *Thurston & Co*, как и *Gillows*, вела оживлённую коммерческую деятельность со многими старейшими и наиболее известными гостиницами, проводя для них техническое обслуживание; например, такие отношения сложились с гостиницами *George and Vulture* (*Джордж и Гриф*) и *Bull* (*Бык*), которые опекал персонаж Диккенса Сэмюэл Пиквик (*Samuel Pickwick*) в новелле [Pickwick Papers](#). По сделанному в 1818 году гостиницей *The Cock and Magpie* (*Петух и Сорока*) заказу, была отправлена «головка мазика», а в майском заказе следующего года запрашивался «дополнительный мазик» в гостиницу *Bull and Mouth* (*Бык и Рот*) [8]. Однако, компания Тёрстона была не первой фирмой, оказывавшей на выезде услуги по модернизации бильярдных принадлежностей в удалённых гостиницах и усадьбах. Запись компании *Gillows* от июля 1771 года ставит в вину заказчику потраченное монтером время: «На поездку, пребывание там и возвращение ушло 34 дня», а в сентябре этого года – затраты другого монтера: «Человеку, приезжающему в Барластон (*Barlaston*), выполняющему работы по установке стола и возвращающемуся домой – наём и расходы в пути в течение пяти дней». В апреле 1772 года компания *Gillows* отправила «отличный шестифутовый бильярдный стол из красного дерева с шестью мазиками и четырьмя киями для графини из Беркли (*Berkeley*)» в соответствии с примечанием, «посланным в *Лебедь* (*Swan*)». А клерк фирмы *Gillows* сделал запись в июле 1772 года о том, что «три пятифутовых стола» предназначались «для отправки фургоном Н.Смита, который останавливается в гостинице *Bull* на улице *Bishop Gate Street*».

Спрос на бильярдное оборудование и его обслуживание был очевиден, и такие фирмы, как *Gillows* и *Thurston & Co*, старались его полностью удовлетворять. В 1799 году фирма Тёрстона была учреждена в качестве производителя бильярдных столов и мебели, а к 1814 году стала «производителем столов для игр Бильярд и Багатель, а также исключительно бильярдной мебели» [9]. Джон Тёрстон был уже на пути к некоторым новаторским усовершенствованиям, которые перед его смертью, наступившей в 1850 году, должны были разительно изменить характер игры.

Ссылки на источники в главе 5

1. Gillows Archives, 1769–1895. Эта большая связка отчетов, книг отработки, торговых писем, ведомостей и заказов – найденный клад для исследователя, и в значительной мере неизведанный. Страницы не пронумерованы, и дальнейшие цитаты относятся к датам упомянутого материала.
2. Прочитовано из «The Welsford Wedding Journal of the Reverend Stotherd Abdy», в [The Houlton Family: Its Story and Times](#); автор – леди Элис Аркер Хублон (*Alice Archer Houlton*) (London: Archibald Constable, 1907), II, 138.
3. *The Noble Game of Billiards* [брошюра] (London: Thurston and Co., circa 1908), p.21.
4. Там же.
5. Sir John Squire – «The History of Billiards», in *A Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities* (London: Billiard Association and Control Council, 1940), p.12.
6. Sidney Gillett – *Links with the Past* (London: Thurston and Co. Ltd., 1942), p.3.

7. Там же, стр.47.

8. Там же, стр.43, 13.

9. Там же, стр.9.

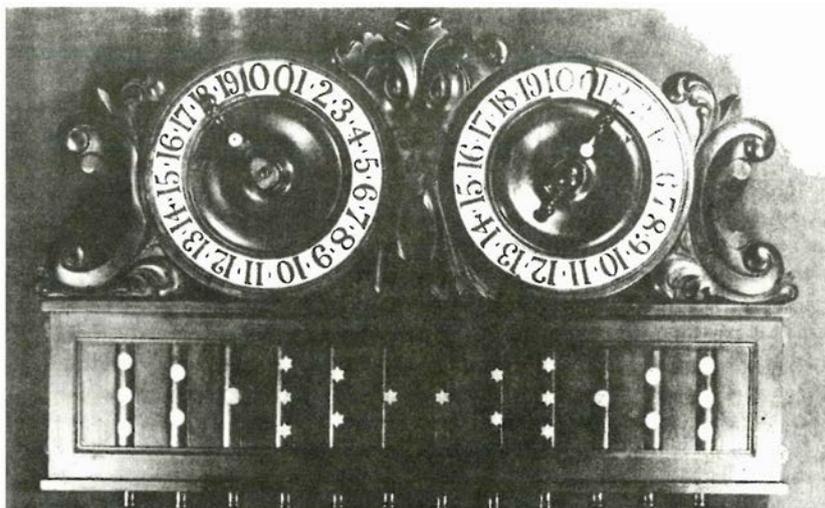

Иллюстрация 7. Изготовленный Джоном Тёрстоном старый бильярдный маркер с циферблатом, использовавшийся для ведения счета в бильярдных играх в Англии приблизительно в 1815 году; крупный план таблички с фамилией изготовителя.

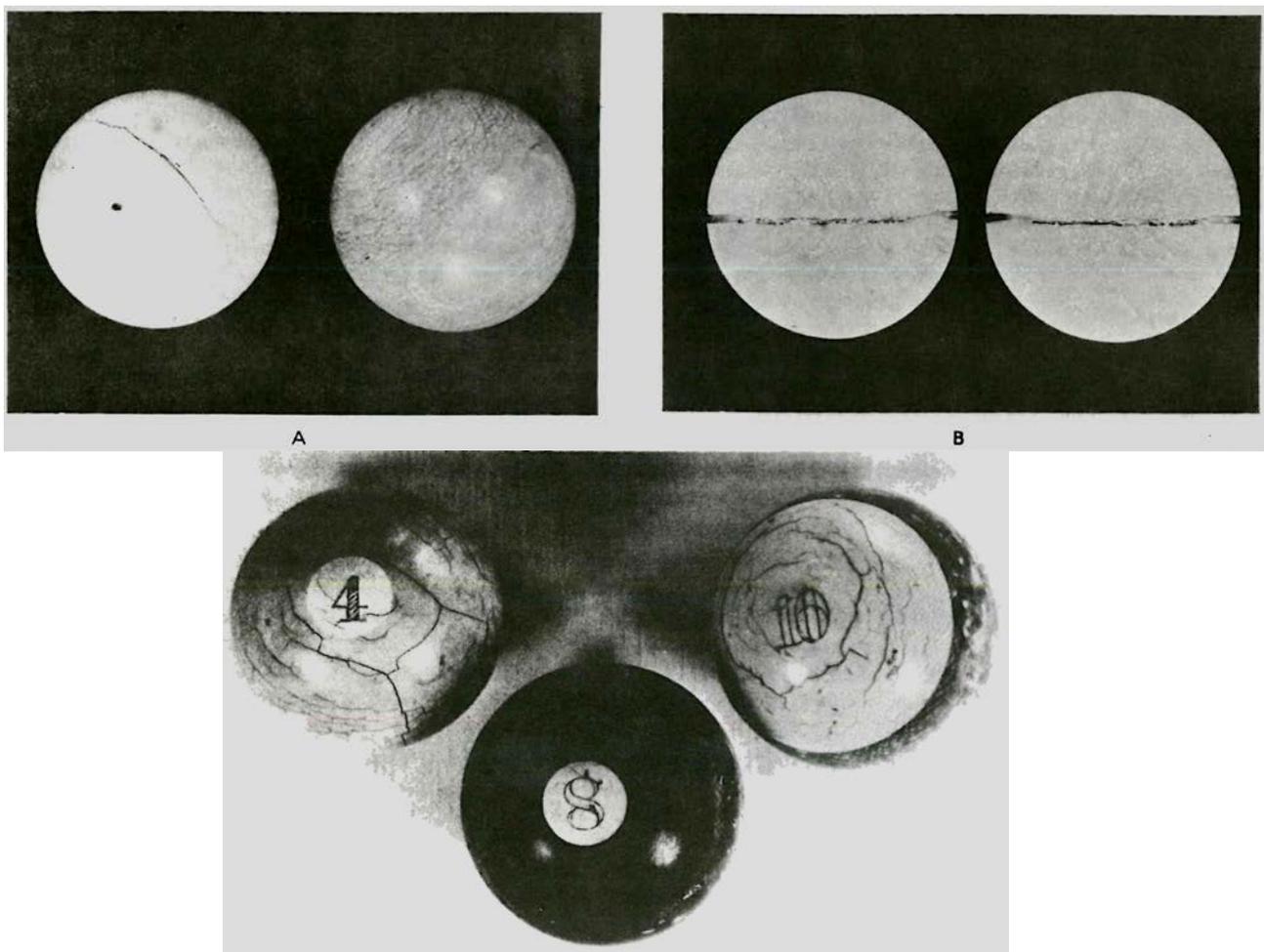

Иллюстрация 8. Бильярдные шары из слоновой кости. (А) Шар с заметной трещиной, вызванной, вероятно, температурными изменениями; и другой, более древний пожелтевший шар с трещинами-паутинками, возникшими со временем. (В) Поперечные сечения шара, сделанного из центральной части бивня слона, показывающие канал для нервного волокна. (С) Старые шары из слоновой кости, использовавшиеся приблизительно в 1870 году.

Глава VI

Стол и шары до 1800-го года

Те столы, которые делали компании *Gillows* и *Thurston & Co* в 1800 году, оказались удивительно хорошими. Но это – то высокое качество, которое было мучительно достигнуто за трёхсотлетний период. Без сомнения, самые ранние бильярдные столы были сырыми изделиями, если судить о них по стандартам девятнадцатого века. Стол, подобный тому, на котором играла королева Шотландии Мария Стюарт в конце 1500-х годов, был построен в иных целях или не с такой же кропотливой осторожностью, как делали *Gillows* и Тёрстон спустя более двухсот лет. Например, во Франции во время господства Людовика XIII в 1617 году инвентарная опись замка *Voyres* упоминала «Большой стол из древесины хвойных пород; девяти футов длиной и четырех с половиной шириной; в комплекте с козелками, используемыми для того, чтобы на столе можно было играть в бильярд; частично изношенный» [1]. Приблизительно в это же время король Англии Яков I заказал бильярдный стол, «двенадцати футов длиной и четырех футов шириной с каркасом из орешника» [2]. И

у обезглавленного в 1649 году Карла I в Хэмптон-Корт (*Hampton Court*) был «бильярдный стол, покрытый зеленым сукном» [3]. Видимо, эти столы были сконструированы согласно чудачествам производителя или потребителя. Столы того времени не имели одинаковых размеров; они были относительно легки, и их, видимо, изготавливали из длинных досок (которые могли деформироваться независимо от того, насколько прочными были поддерживающие их каркасы или настилы); и часто эти столы были сконструированы с иными целями, а затем переоборудовались для игры в бильярд. В 1674 году Чарльз Коттон также ссылаясь на стол или его поверхность с помощью слова «*the board*» (которое, к тому же, переводится и как «доска»; прим. пер.), а приведённые им «Предписания в стихах, которые я нашел прикрепленными к очень древнему бильярдному столу», используют то же самое слово. Конечно же, из-за большой длины, доски были более склонны к искривлению, чем поверхности столов, выстеленные паркетным способом 100 лет спустя; и Коттон жаловался по этому поводу:

«Игровое поле должно быть выровнено настолько точно, насколько это возможно, чтобы шар мог двигаться в любую часть стола, не смещаясь при этом вбок; однако, из-за того, что деревянные плиты плохо просушены и подвержены деформациям, или из-за неровности пола, на котором установлен стол, или из-за его оседания со временем под собственной тяжестью, и из-за неприязнательности игроков, существует очень мало бильярдных столов, которые можно признать правильными» [4].

Даже в старину бильярдные игроки были более требовательны к своему оборудованию, чем приверженцы других игр. Коттон приводит правила игры «Тракс» (*Trucks* или *Trucos*) – «итальянская игра... не очень отличается от бильярда, но более неистова, и по моему мнению менее благородна». «Правильный стол для Тракс», говорит он, «не должен быть во всех отношениях столь же точен, как бильярдный стол» [5]. Десять лет спустя Хаулитт вторил Коттону в книге *School of Recreation*: «Стол должен быть выровнен настолько точно, насколько это позволяют глаз и рука самого дотошного столяра ... Я должен признаться в том, что верю – есть несколько таких (столов; прим. пер.), какими им следует быть» [6].

Несмотря на старания производить прекрасные столы, бильярдные игроки были всё еще разочарованы их топорностью. Английские столы были покрыты зеленым сукном, по крайней мере, со времён Марии Стюарт (согласно Брантому), и Коттон беспокоился по поводу узелков в ткани. Чтобы придать бортам упругость, их довольно давно стали наполнять – во времена Коттона для этого использовали лён или хлопок. Пробовали и другие наполнители (шерсть или пробку), но результаты всегда получались переменчивыми и неудовлетворительными. Еще одна проблема заключалась в плохом освещении. Для установки стандартного бильярдного стола требовалась большая комната – нужно было учитывать двенадцать футов длины стола и игровое пространство вокруг; но, помимо этого, для хорошего освещения в комнате должны были быть большие окна. Одно из простых решений состояло в том, чтобы поместить стол в портретной галерее – самой большой и лучше всего освещенной комнате во многих домах и замках. В книге *Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary* при описании портретной галереи в Истон-холл (*Easton Hall*) в 1698 году Силия Файнс говорит: «Посередине предусмотрено место для бильярдного стола». (За двадцать лет до этого Джон Ивлин упоминал о нём же в своем дневнике. Он говорил: «В комнате висели картины великих мастеров» [7].) Помимо этого, она отмечает, что в «очень хорошем доме Графа Харфорд ... наверху была бильярдная» [8]. Но предпочтительнее было размещать стол на нижнем этаже,

где полы, вероятно, располагаются более горизонтально, и, как говорил Коттон, меньше прогибаются под весом стола. Не очень удивительно то, что многие люди ощутили потребность пристройки специальных бильярдных комнат к их зданиям или планирования помещения для бильярда перед строительством нового дома.

Задолго до девятнадцатого века бильярдное оборудование подвергалось усовершенствованиям. В 1708 году богато украшенный стол Людовика XIV имел мраморную столешницу [9]. Конечно же, мрамор был меньше подвержен деформациям, но его было труднее обрабатывать до требуемой идеальной гладкости. Даже уже далеко не в начале девятнадцатого века мрамор, наряду с древесиной, часто применялся при конструировании игровых поверхностей столов. Самое последнее решение проблемы освещения было обнародовано в журнале *Paris Mercury* от июня 1753 года, когда впервые было задумано освещение бильярдных столов с помощью ламп:

«Каждый вечер на улице *St. Jacques* вы можете увидеть ... бильярдный стол, освещенный двумя отдельными оптическими лампами, дающими замечательный свет без перерывов на то, чтобы игроки с удовольствием понюхали табак. Лампы, работающие с подсоединёнными к ним проводами, обеспечивают постоянный уровень освещенности без внимания со стороны слуг ...»

На эти приведённые слова сослался Анри Авар, сделав в 1887 году следующее замечание: «Сегодня, имея пламя от газа и обещания устроить электрическое освещение, мы склонны считать восхищение наших предков смехотворным ... В действительности же, самые простые бильярдные столы в самой скромной из наших [супрефектур](#) лучше освещены, чем во времена Людовика XIV» [10].

К 1800 году столы изготавливались намного тщательней, и в результате получались значительно лучшими, чем были когда-то. Для изготовления столешницы, вместо досок использовались «72 дубовых фрагмента с пазами, шипами и шпонками» [11]. Согласно Луизе Белден (*Louise Belden*), самый старый известный стол американского производства – один из столов такого вида; возможно, он был сделан краснодеревщиком из Балтимора уже в 1790 году. Его ложе изготовлено из белой сосны, а борта заполнены войлочными полосками, как это делалось в то время в Англии [12] (сейчас стол находится в музее города Винтертур (*Winterthur*)). Примерно такую же конструкцию имеют и два английских стола, датируемых от 1729 до 1738 года и представленных для обозрения на выставке колониальных реставрированных предметов в Уильямсбурге (*Williamsburg*), штат Вирджиния. Почти все столы, построенные между 1750 и 1826 годами, были сконструированы именно таким или подобными ему способами. Выпущенный в 1803 году Томасом Шератоном (*Thomas Sheraton*) словарь *Cabinet Dictionary*, при описании различных аспектов английской мебельной промышленности отмечает: «Обычно, изготовление бильярдного стола – самостоятельное направление деятельности; хотя иногда они производятся в обыкновенных мебельных мастерских». Подчеркивается, что «только самые искусные из мебельных мастеров» посвятили своё время изготовлению бильярдных столов, так как «если поверхность получается не идеально ровной, то столы становятся бесполезными» [13]. С созданием бильярдных столов «самостоятельными подразделениями» прояснился путь к важным улучшениям в игре и оборудовании в начале девятнадцатого века.

Краткое, но разумное резюме Роберта Хендерсона по происхождению игр с мячом наводит на мысль о том, что предшественник различных шаров, используемых в играх прошлого, сам не был шаром. В весеннюю пору религиозных обрядов (проводимых с мольбами о ниспослании богатого урожая зерновых культур и об увековечивании рода) древние египтяне устремляли своё внимание на округлый предмет, изображающий голову бога изобилия или солнце, как источник жизни, или вместе и то и другое. Ритуалы представляли собой пародийные соперничества, разыгрывающие конфликт между умирающей зимой и приближающимся летом. В таких соревнованиях и произошли «команды», а округлый предмет позже стал шаром [14]. Обычай распространился на Аравийский полуостров, в Персию и северную Африку, где приблизительно в 400 году нашей эры Блаженный Августин описал один из ритуалов, который, согласно Роберту Хендерсону, – «походил на отчаянные драки в хоккейных матчах» [15]. (Описание Блаженного Августина было ошибочно процитировано билльярдными историками девятнадцатого века в качестве игры типа билльярда.) Персидские всадники приспособили обряды с шаром к церемониям наездников, и первой нерелигиозной игрой, произошедшей от обычаев, согласно Хендерсону, стала «поло». Через Тибет поло перебралось в Китай и Индию; мусульманское вторжение в Испанию в восьмом веке нашей эры распространило обряды весенней поры там и в южной Франции, где растущая христианская религия столкнулась с ними приблизительно в то же самое время:

«Как и следовало ожидать, ритуалы изобилия весенней поры стали ассоциироваться в умах крестьян с праздниками христианской Пасхи, поскольку они совпали по времени и по смыслу – ведь тот и другой символизировали возрождение. Осознавая подобие, церковь сознательно использовала языческий обряд, заменив его ритуалом Пасхи с шаром в качестве символа Воскрешения ... Церемонии Пасхи с шаром глубоко укрепились в самых влиятельных церквях Франции» [16].

Наиболее поздние игры с шаром и палкой стали результатом светского отделения от таких церковных обрядов, но религиозные ассоциации тоже были сохранены. Представленное в соборе Глостера изображение человека в игре, подобной наземному билльярду, является только одним из примеров.

Понятно, что шары изготавливались и использовались во многих разнообразных играх задолго до того, как наземный билльярд стал отличаться от его родоначальников в период до 1300 года нашей эры. Возможно, ранние европейские шары могли быть чем-либо от камней до ядер. Но наиболее распространенным материалом, в смысле его доступности и простоты, с которой средневековые токари могли обрабатывать его на своих токарных станках, была древесина. Слоновая кость была также поддающимся обработке материалом, и хотя её нужно было импортировать из Африки или Азии, это был уже знакомый материал для резчиков и скульпторов, живших до времён Христа. В 148 году нашей эры в завещании ирландского короля упоминаются шары из меди (которые, возможно, были предназначены для бросков в одной из игр) [17].

Шары, особенно изготовленные для билльярда после 1500 года, почти всегда были деревянными или из слоновой кости. Якопо Джелли (*Jacopo Gelli*) в своей книге *Manuale del biliardo* (1895) упоминает игру до-Шекспировских времён, называвшуюся *Bell*, а в Германии – *Bilketafel*; в ней использовались деревянные или железные шары [18]. Когда-то Голландия была известна своими мраморными сферами или шарами, сделанными из кусков алебаstra, мрамора или камня, округленного в

своеобразной железной мельнице. Согласно Д'Альману, их отсылали во все города Европы [19]. Неоднократно пробовали применять и другие материалы, но наибольшее одобрение получили древесина и особенно слоновая кость. Например, название *поло* происходит от тибетского слова, обозначающего шары из корня ивы, используемые в *поло* [20]. Любимым материалом для изготовления деревянных бильярдных шаров был самшит. В [трактате](#) 1717 года по игре *Paille Maille*, написанном Жозефом Лёти (*Joseph Lauthier*), приводится типичный процесс производства шаров из самшита диаметром 2½ дюйма:

«Эти шары сделаны из корней самшита, найденных в щелях и небольших трещинах скал, где они образуют наросты. Они обрезаются и сушатся ... а затем заворачиваются в токарный станок и обрабатываются. В игре на почве, усыпанной гравием, по ним сначала киянкой наносят лишь слабые удары, а впоследствии – сильнее» [21].

Деревянные шары продолжали изготавливать и в девятнадцатом веке. Сборник игр *Academie Universelle des Jeux*, изданный во Франции в 1805 году, отмечает, что бильярдные шары сделаны из слоновой кости или древесины [22]. Но более предпочтительным материалом безоговорочно была слоновая кость. Вероятно, её стали использовать для изготовления бильярдных шаров, когда наземная игра была перенесена в закрытое помещение и размещена на столе. Настольный бильярд в это время был предназначен для богачей, у которых уже были другие предметы из слоновой кости, и которые могли позволить себе иметь такие бильярдные шары. Например, в имуществе Марии Стюарт, инвентаризированное после ее казни в 1587 году, входили «Двенадцать *billiards* с шарами из слоновой кости» [23]. *(Нетрудно заметить, что в оригинальном тексте использовано несколько странное слово «биллиары» – billiards, и понимать под ним «бильярды», то есть столы, было бы еще страннее. Действительно, кто бы осмелился предположить, что у Марии Стюарт было двенадцать столов?! Скорее всего, под «биллиарами» подразумевались игровые палки, которые в те годы представляли собой мазики. Прим. пер.)*. Бен Джонсон не единожды отмечал аккуратность бильярдного шара, как в своей пьесе 1616 года *The Devil is an Ass*: «Гладкий, круглый и хорошо вращающийся ..., как бильярдный шар» [24]. Даже в такие давние годы бильярдные шары были хорошо сделаны и считались округлыми и гладкими. Слова Джонсона «хорошо вращающийся» были комплиментом токарям семнадцатого века, которые делали шары.

В долгой истории игры шары были первым из элементов оборудования, который взыскательные игроки признали удовлетворительным. Шары тщательно изготавливались и старательно обрабатывались, и несмотря на то, что претензии к столу, бортам, сукну, мазикам и киям постоянно возникали в течение трех веков, хороший бильярдный шар всегда можно было найти, если постараться. Однако, обработка слоновой кости представляла определенные затруднения для токарей. Стало понятно, что слоновая кость сжимается подобно древесине – «не вдоль волокон, а поперёк» [25], и бивни слона необходимо тщательно сушить. Согласно сообщениям, в фирме Тёрстона отбраковывалось от 35 до 50 процентов из уже «специально отобранных» бивней: «Сушка или выдерживание слоновой кости – настолько медленный процесс, что от первоначальной обдирки до окончательной полировки шара могла пройти пара лет, и еще больше, прежде чем шар будет действительно подготовлен к игре» [26]. Период сушки необходимо было выдерживать полностью. Согласно другому источнику: «Если при обработке на токарном станке она (*слоновая кость*; прим. пер.) не будет совершенной сухой, или

иначе говоря – выдержанной, то остатки влаги выйдут наружу в нагретой обстановке бильярдной комнаты, и в результате в конструкции шара появится небольшой перекося или различимая трещина» [27]. Перекося шара может случиться не только из-за ненадлежащей просушки слоновой кости. Токарь должен очень тщательно вырезать каждую секцию бивня: «При изготовлении бильярдных шаров требуется особая точность, поскольку центр тяжести должен совпадать с геометрическим центром шара, и этого никогда не удастся достичь, если выточивать шар не из центральной части бивня (самой тяжелой части слоновой кости)» [28]. Иными словами, центр бивня слона должен быть центром шара.

Производители тщательно заворачивали каждый шар в несколько последовательных слоёв бумаги, а покупателю нужно было ежедневно удалять по одному слою. Помимо этого, силу наносимых по шарам ударов требовалось увеличивать постепенно [29]. Типичным предостережением было такое: «Пока шары не акклиматизируются, в течение первых двух месяцев их можно использовать только изредка». И еще один совет: «Будучи пористой и гелеобразной по своей природе, слоновая кость легко поглощает влагу. Поэтому игроку, ожидая очереди вступления в игру, никогда не следует держать свой шар в руке» [30].

Конечно же, частое использование шаров приводило к тому, что их поверхности становились шероховатыми, и появлялись сколы, а шары нужно было время от времени возвращать производителю для обточки и полировки. Таким образом, шары становились мельче, но до девятнадцатого века единообразие размеров ещё не было регламентировано, и в ходу были бильярдные шары меньших размеров, чем сегодня. Существовали различные убеждения по поводу того, какая слоновая кость предпочтительней для изготовления бильярдных шаров – африканская, индийская или ост-индская. Бильярдной промышленности в Англии требовались бивни слонов диаметром примерно 2½ дюйма [31]; лучшими были те, которые весят от семи до восьми фунтов, а из одного такого бивня можно было сделать не более пяти шаров (из них – только три высшего качества). Таким образом, согласно Норману Клэру (*Norman Clare*), – «потребовалось бы четыре слона, чтобы их бивней хватило для изготовления комплекта снукерных шаров». Ливерпуль и Лондон были крупнейшими в мире импортерами слоновой кости, и чтобы обеспечить Великобританию бильярдными шарами, в кульминационных годах было истреблено 12000 слонов [32]. Такое ужасающее истощение имеющихся ресурсов – стад слонов, мирно бродящих по Индии и Африке – не могло продолжаться вечно. Но это считалось нормальным во второй половине девятнадцатого века – прежде чем были приложены серьезные усилия, чтобы найти замену слоновой кости для изготовления бильярдных шаров.

Ссылки на источники в главе 6

1. Henry René d'Allemagne – [*Sports et Jeux d'Adresse*](#) (Paris: Librairie Hachette, 1903), p.261.
2. Старые документы о покупке, процитированные многими писателями. См., например, Sir John Squire – «A History of Billiards», in *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities* (London: B.A.C.C., 1940), p.9. Яков I приобрел стол в 1605 году.

3. Также часто цитируется. См. Percy MacQuoid and Ralph Edwards – *The Dictionary of English Furniture* (London: Country Life Ltd., 1954), III, 188.
4. Charles Cotton – [*The Compleat Gamester*](#) (London: R. Cutler, 1674), p.12.
5. [Там же](#), стр.19.
6. R. Howlett – [*The School of Recreation*](#) (London: Henry Rodes, 1684), p.186.
7. E.S.DeBeer, ed. – [*The Diary of John Evelyn 1673-1684*](#) (Oxford: Clarendon Press, 1955), IV, 116-117.
8. Celia Fiennes – [*Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary*](#) (London: Field and Tuer, 1888), p.123.
9. Jules Rostang – «Historical Preface» in *Manuel de Jeu de Billard* by Desire Lemaire (Paris: Delarue, 1865), p.4.
10. Henry Havard – [*Dictionnaire de l'Ameublement et de la Decoration*](#) (Paris: Maison Quanten, 1887), pp. 323-24.
11. Из описания старого стола в промышленном буклете: «Programme, 1836-1936 Centenary Celebration» (London: Burroughs and Watts Ltd., 1936), n.p.
12. Louise Belden – «Billiards in America before 1830», *Antiques* (Jan., 1965), n.p.
13. T.Sheraton – [*The Cabinet Dictionary*](#) (London: W. Smith, 1803), p.51.
14. Robert W. Henderson – «Ball Games, Origin of», *Encyclopedia Americana*, 1966, p.94.
15. Там же.
16. Там же.
17. Из средневековых источников, процитировано Roderic O'Flaherty – [*Ogygia: seu. Rerum Libernicarum Chronologia*](#) [Хроника ирландских вопросов] (London: Ben Tooke, 1685), p.311. Translation: Abbe J. MacGoeghegan – [*The History of Ireland*](#) (New York: Sadlier and Co., 1868?), p.90.
18. Jacopo Gelli – *Manuale del biliardo* (Milan: Hoepli, 1895), n.p.
19. [d'Allemagne](#), p.235.
20. W.H.Pyne – *The Past of Pastimes* (New York: Archon Books, 1969), p.129.
21. Процитировано в книге O.Paul Monckton – [*Pastimes in Times Past*](#) (Philadelphia: Lippincott, 1913), p.253.
22. [*Academie Universelle des Jeux*](#) (Lyons: B. Gorman & Blanc, 1805), VII, 258.

23. Prince Alexandre Labanoff – [Lettres, Instructions et Mémoires de Marie Stuart, Reine d'Ecosse](#) (London: Charles Dolman, 1844), VII, 258.
24. Ben Jonson – [The Devil Is an Ass](#) в книге Felix Schelling, ed. – *Jonson's Plays* (New York: Everyman, 1910), II, 294.
25. [The Rise and Progress of the Game of Billiards](#) (New York: Phelan and Collender, 1860), p.32.
26. *The Noble Game of Billiards* (London: Thurston and Company, circa 1908), p.15.
27. Michael Phelan – [The Game of Billiards](#), 9th ed. (New York: D.Appleton and Co., 1867), p.34.
28. Henry G. Bohn, ed. – [Bohn's New Handbook of Games](#) (Philadelphia: Henry F. Anners, 1850), p.245.
29. «The Advent of the Modern Billiard Ball», *Selling Sporting Goods* (Sept., 1971), p.53.
30. *The Noble Game of Billiards*, p.16.
31. «Advent of the Modern Billiard Ball», p.53.
32. Norman Clare – «The Design and Construction of Billiard Tables and Their Accessories» (Liverpool: неопубликованное наставление, 1970), pp.10-11.

Глава VII

«Буксировка» и исчезновение мазика

Несмотря на веления времени, некоторые из старых проявлений бильярдной игры упрямо не желали сдавать своих позиций. Так, усовершенствованный английскими игроками восемнадцатого века приём буксировки шара был кульминацией в длинной жизни бильярдного мазика. Но с другой стороны, буксировка, наверно, имела непосредственное отношение к забвению этого игрового инструмента.

Возможно, техника развивалась, чтобы предоставлять игрокам давних лет возможности для корректирования ошибок в движении шара, которые могли проявляться даже после весьма осторожного удара. Самое лучшее оборудование, созданное от двухсот до четырёхсот лет назад, могло быть удручающе грубым. Деревянные столешницы подвергались деформациям, а ведь они были достаточно жёсткими, чтобы поддерживать уровень, когда сам настил не всегда располагался горизонтально. Влажность и холод часто были присущи даже лучшим замкам, поместьям и гостиницам, столы в которых «страдали» от таких климатических условий. «Посредственности, зная несовершенства и особенности стола, много раз постыдно обыгрывали очень хороших игроков, которые на правильном столе дали бы такому сопернику три очка форы при игре до пяти», – говорил Коттон [1]. Лучшее для тех времён зеленое сукно – байка или шерсть – были, конечно, ручной работы, и

даже лучшие ткачи не могли избежать образования узелков. С научной точки зрения, такие узелки могли бы заставить шар вести себя непредсказуемым образом. Помимо этого, имелись проблемы и с самими шарами. Будучи чувствительными к холоду и влажности, деревянные шары, так же как и шары, сделанные из наиболее распространенного материала – слоновой кости, могли изнашиваться и стать непригодными. Кроме того, слоновая кость обладает неоднородной плотностью, и это создавало особые трудности для токарей, пытавшихся выточить идеально сферические шары. Когда самые аккуратные удары с разочаровывающим постоянством оказывались «кривыми», у игрока появлялось сильное искушение продолжать сопровождение шара мазиком уже после начального толчка. Понятно, что буксировка была лишь расширением правильного способа толкания шара. С очень давних времен правила игры обычно предусматривали наложение штрафа за то, что мазик бьёт по шару, а не толкает его. Также был общепринят штраф за двойное касание шара в одном ударе – каким бы долгим ни было толкание, оно должно было быть непрерывным.

Мазик, конечно же, был хорошо приспособлен для того, что «пасти» шар на ухабистом столе. Ранние мазики представляли собой цельную изогнутую палку, один из концов которой был широким и плоским; при этом оба конца могли быть облицованы слоновой костью. Для изготовления мазиков использовалось бразильское дерево, железное дерево или другая плотная древесина. Мазики, подобные представленным на гравюре Антуана Трюво с изображением Людовика XIV у бильярда, были распространены в течение долгого времени. Но в какой-то момент времени (ещё до 1800 года) их стали делать из двух частей, а узкий конец головки высверливался, чтобы вставить туда ручку. Обыкновенная конструкция представляла собой плоскую снизу головку размером с кулак, прикрепленную к прямой палке, как это описано Генри Боном (*Henry G. Bohn*):

«Мазик состоит из длинного тонкого стержня и изготовленного из красного дерева или другой древесины толстого куска, прикреплённого к концу стержня под таким углом, чтобы он мог лежать плоской частью на столе, когда стержень удерживается на уровне плеча при нанесении удара. Снизу этот кусок сделан плоским и гладким, чтобы его можно было перемещать по сукну; верхняя сторона – вогнутая, а конец, расположенный напротив шара – плоский и широкий ... До выполнения удара его широкая оконечность должна быть очень точно придвинута к центру шара; а палка, которую приподнимают до уровня правого плеча, равномерно выдвигается вперед без резкого приложения силы» [2].

Эта «широкая оконечность» была наклонена к игровому полю так, чтобы можно было захватить или отклонить движущийся шар, а вогнутость верхней части головки была удобна для обхвата шара, когда мазик переворачивали на эту сторону.

Никакие известные исторические источники в прямой форме не одобряют использование приёма буксировки, и большинство упоминаний в правилах или трактатах по игре – очевидные попытки ослабить или сдерживать его. Уже в *Compleat Gamester* Коттона ощущается серьёзная настроенность против такого способа ведения игры. В 1674 году Коттон предупреждает: «Будьте внимательны и при ударе не загребайте (не буксируйте) шар, поскольку такой приём считается едва ли простительным нарушением, хотя и не наказывается штрафом; однако, двойное касание шара правилами запрещено» [3]. В книге Хаулитта от 1684 года *School of Recreation* также обсуждается «эта ошибка ... называемая загребанием, т.е. при этом

не наносится аккуратный удар, а выполняется скольжение вперед вместе с движущимся шаром». (Хаулитт поддерживает запрет на повторное касание шара: это «действительно противоречит всем правилам и приемам».) Его замечания по упражнениям указывали, что серьезно осуждаемые загребание или буксировка были дозволены на усмотрение игроков: «Должен вам сказать, что одно из нарушений, которое не наказывается, хотя и заслуживает того, едва ли допускает оправдания, хотя, как я полагаю, регламентировано предварительной договорённостью игроков, и это нарушение называется загребанием ...» [4].

Слово буксировка (*trailing*) вошло в употребление примерно в середине восемнадцатого века. Вероятно, один из самых ранних случаев его применения встречается в книге Джеймса Лава (*James Love*) *Cricket, an Heroic Poem*, изданной в 1740 году: «Унылый шар волочится (*trail*) перед немощной булавой» [5]. Первое широкое использование слова в печати встречалось в важных статьях о бильярде в журнале *Covent-Garden Magazine* от 1773 года. Журнал *Covent-Garden Magazine* в течение того года объединил декабрьское дополнение по бильярду с пространственным трактатом в очередном январском выпуске, чтобы выпустить «по требованию нескольких корреспондентов ... единственный и наиболее полный трактат о бильярде, который можно было предложить вниманию тех, кто играет в эту изысканную и вежливую игру» [6]. В трактате предусмотрены штрафы определенным игрокам: «Тот, кто наносит удар по движущемуся шару» и «Тот, кто касается шара дважды и сдвигает его». Вероятно, оба эти правила были предназначены для ограничения применения буксировки, но в 1773 году в Англии она достигла верха своего распространения, так как побочное примечание после двух правил указывает: «Эти два правила соблюдаются редко или вообще никогда» [7]. Отношение журнала *Covent-Garden Magazine* к буксировке было, возможно, наиболее близким к благоприятному. По поводу мазика там указано, что по сравнению с кием «в смысле достоинств, это – превосходный инструмент», а приём буксировки это то, «что теперь обеспечивает специфическое преимущество мазика ...» Это специфическое преимущество кажется преимущественно английским: «В Англии мазик – преобладающий инструмент; за рубежом им пользуются лишь немногие» [8]. Мы знаем, что большинство континентальных игроков к этому времени поменяло мазик на кий, и представляется, что буксировка никогда не была так модна в Европе, как в Англии.

Эта тема о буксировке полезна, чтобы указать на то, в какой огромной мере люди, пишущие о бильярде, в течение трех веков полагались на труды своих предшественников. И интонации упоминаний о буксировке в эти годы были показателями постепенного роста её популярности, а затем – снижения. В 1684 году Хаулитт усердно копировал предложение за предложением (хотя словосочетания были немного изменены) важную книгу Коттона, вышедшую в 1674 году. *Complete Gamester* Ричарда Сеймура (*Richard Seymour*) от 1734 года воспроизводит материал Коттона, относящийся к бильярду, дословно. Статьи неизвестного автора в журнале *Covent-Garden Magazine* от 1773 года были настолько авторитетны, что «подвергались разграблению» по словам и фразам массой других писателей в течение пятидесяти лет. Например, по поводу буксировки в журнале говорится:

«То, что теперь обеспечивает специфическое преимущество мазика над кием, было искусно введено в практику игроками высокой квалификации и названо буксировкой, которая представляет собой сопровождение шара мазиком на такое подходящее расстояние до другого шара, чтобы тот с легкостью очутился

в лузе. Есть много степеней буксировки (*degrees; по всей видимости, речь идёт о разных длительностях контакта мазика с шаром; прим. пер.*), известных знатокам под различными названиями, а именно – толкание, подметание, продолжительный удар, волочение, мертвое волочение или подъём в гору; все они, в соответствии с их различными градациями, приносят пользу умелому игроку. Подобную буксировку игроки стали выполнять, хотя и не так давно, торцом толстого конца кия» [9].

Явно похожая редакция была напечатана в сборнике игр *Hoyle's Games Improved* от 1796 года (*точно такую же редакцию можно обнаружить и в более раннем сборнике от 1788 года; прим. пер.*):

«... Но мазик предпочтительней из-за его специфического преимущества, которое некоторые игроки высокой квалификации искусно ввели в практику и назвали буксировкой, представляющей собой сопровождение шара мазиком на такое подходящее расстояние до другого шара, чтобы тот с лёгкостью очутился в лузе. Степени буксировки бывают различными и по-разному называются знатоками игры, а именно – толкание, подметание, продолжительный удар, волочение, мертвое волочение или подъём в гору; все они, в соответствии с их различной градацией, приносят пользу умелому игроку; даже толстый торец кия стал весьма могущественным, когда его стали использовать в качестве надёжного буксировщика» [10].

Этот вариант воспроизведен без изменения во многих последовательных выпусках сборника *Hoyle's Games*, в Британской энциклопедии 1797 года (*Encyclopedia Britannica*), анонимном труде 1801 года под названием *Game of Billiards*, в английской энциклопедии 1802 года (*English Encyclopedia*) и самим Е.Уайтом (*E.White*).

Конечно же, этот много раз воспроизведённый пассаж повторно подчёркивает несколько подозрительные термины, использованные журналом *Covent-Garden Magazine* при упоминании «преимущества», которое «игроки высокой квалификации искусно ввели в практику». В выпусках *Hoyle's Games* буксировке противостоит правило, запрещающее игрокам, применяющим такой приём, перемещаться вслед за шаром [11]. *Hoyle's Games* и другие публикации вплоть до 1802 года обращались «сначала к способу удерживания мазика» [12], но отмечали, что карамбольная игра была «недавно привезена из Франции, и в неё обычно играют киями» [13]. Беннетт указывает, что в часто печатавшихся выпусках *Hoyle's Games* в районе 1800 года «начали сравниваться достоинства кия и мазика» [14].

Хотя ссылки на буксировку за пределами Англии редки, во французской работе 1805 года содержится целый ряд ограничений. В одном из правил говорится: «Если один из игроков использует приём буксировки, он обязан уведомить об этом соперника до начала матча; если же этого не произойдёт, то без согласия противника игрок будет обязан доиграть матч, не применяя буксировку». А другое правило гласит: «Тот, кто выполняет буксировку, должен тянуться непосредственно за шаром; при буксировке запрещено перемещаться». Тот же самый источник высказывается совершенно недвусмысленно в другом отношении. «Играть хвостовым концом бильярдного мазика будет всегда разрешено, при условии, что игрок всегда играет именно этим концом; запрещено играть боковыми сторонами любого инструмента». Помимо этого, после нанесения удара игроку запрещается прикасаться к шару – «останавливать или отклонять его своей палкой» [15].

В 1807 году от Е.Уайта последовала весьма резкая критика. «До последних лет в Англии использовался почти исключительно мазик», – отмечает Уайт, однако указывает, что «действие мазика намного проще», а затем восхищенно описывает «превосходное обращение» иностранцев с кием. Он заключает: «Единственным преимуществом, специфичным для мазика, является мастерство буксировки; внедрённый и натренированный мошенниками недобросовестный способ ведения игры необходимо отвергнуть в каждой уважаемой бильярдной». Вот только, Уайт был несколько опрометчив в высказывании о том, что в те времена кий был инструментом «безусловно, наиболее универсальным для использования» и «неизменно предпочтительным для всех хороших игроков» [16].

Книга Уайта была популярна и влиятельна, хотя, конечно же, недостаточно влиятельна, чтобы упразднить буксировку (и попутно мазик) в английском бильярде. Фактически, Уайт сам признал, что мазик не был инструментом, предназначенным исключительно для жуликов. Для брикола – разновидности удара, при котором шар игрока, прежде чем соприкоснуться с шаром противника, должен войти в контакт с бортом – Уайт использовал торец своего кия, который он сузил под углом в 45 градусов, чтобы добиться действия, подобного мазику:

«Если при умышленной игре в борт игрок стремится получить правильное отражение своего шара, то он сочтет целесообразным использовать торец задней части инструмента или другой батт (*о том, что это такое, см. ниже; прим. пер.*) ... Я сам привык использовать сплюснутую часть кия, изготовленную не так как обычно, и нахожу это намного более удобным и позволяющим получать нечто похожее на действие мазика» [17].

Но мы видели, что к 1800 году мазики существенно утрачивали популярность, а в компаниях, вроде *Gillows* и *Thurston & Co*, нередко заказывались кии. К 1820-м годам поток решительно повернулся в пользу кия; и медленная кончина мазика в девятнадцатом веке была ускорена усовершенствованиями оборудования для игры с акцентом на карамболь или кэннон, а также открытием удара с приданием шару бокового вращения и волшебства, которое позволял творить кий. К 1850 году Генри Бон мог отметить, что «Действительно, мазиком теперь едва кто-нибудь пользуется, кроме леди» [18]. Время от времени, мазик продолжал использоваться в качестве подпоры (*реста; машинки; прим. пер.*) для игроков, играющих кием (способом, который описал Джон Дью уже в 1779 году) [19]. Американский игрок Майкл Фелан в 1850 году цитировал знакомых ему пожилых людей: «Приблизительно тридцать лет минуло с тех пор, когда было столь же необычно видеть игру кием, как это сейчас происходит с мазиком». Сам Фелан помнил время, когда «ни в одной бильярдной нельзя было обнаружить более одного или двух киев». Он вспоминал «французского джентльмена, который в те годы играл в городе [*в Нью-Йорке; прим. автора*] исключительно кием», но это было весьма новомодно, и все знали, что француз находится в городе, когда видели больше одного кия на стойке. Согласно Фелану, даже в 1850 году «этот инструмент [*мазик; прим. автора*] используется только для бортовых ударов». (Возможно, такой удар, выполняемый мазиком, позволял нивелировать эффекты случайно приданного бокового вращения, на которое, как мы увидим, жаловался Уайт.) Все это сподвигло Фелана сделать предсказание относительно мазика: «Автор полагает, что недалёк тот день, когда от них откажутся во всех бильярдных» [20].

Как бы то ни было, мазик и различные виды мазико-подобных ударов в течение некоторого времени не должны были полностью исчезнуть. Один из печатных

источников от 1880 года определяет, что «игроки могут использовать батт (*butt*) или играть концом турняка кия» [21]. Баттом называлась длинная палка, применяемая, когда кий был слишком короток – чаще всего, вероятно, на больших стандартных английских столах размером 6 на 12 футов, и мы понимаем, что в качестве прообраза для этой палки выступил мазик. *(Получается, что в наше время в роли батта выступает длинный кий. Правда, по поводу истинной формы батта ничего сказать, к сожалению, мы не можем. А было бы любопытно узнать – был ли он похож на кий, и был ли оснащён чем-то вроде наклейки? Прим. пер.)* Источник 1891 года путает батт с мазиком, указывая, что в то время мазики были довольно редки: «Несколько лет назад основное использование батта (на что и намекает его название) заключалось в ударе рукояткой, или, вернее, толкании шара торцом. Так как появилось правило, регламентирующее нанесение всех ударов тонким концом кия, батт использовался редко» [22]. Ясно, что здесь писатель не осведомлён о различии между баттом и мазиком, и не ведаёт, что батт был приспособлен для ударов, ранее выполнявшихся мазиком. Ассоциацией и Советом Управления Бильярда (*Billiards Association and Control Council – B.A.C.C.*) Англии перед 1891 годом было постановлено, что удары должны наноситься исключительно наклейкой кия. Выдержка из набора правил B.A.C.C. начала двадцатого века содержит это и другие ограничения, которые эффективно уничтожили игру мазиком раз и навсегда: «Все удары должны выполняться наклейкой кия. Шар необходимо ударить, а не толкнуть. В одном ударе к шару нельзя прикасаться более одного раза – было ли это до или после контакта с другим шаром».

Затем, за вторую половину девятнадцатого века, мазик опустился с высот своей прежней популярности до несколько унижительной роли «кия для леди». Согласно Майклу Фелану (1863), он «всё ещё значительно используется леди и детьми, в их первых попытках изучать основы игры» [23]. Никто не знает, когда был сделан последний мазик, но некоторые американские каталоги в 1909 году всё ещё предлагали их для продажи. Каталог 1906 года лондонской компании *E.J.Riley Company*, производящей бильярдные столы, рекламировал выставляемые на продажу «мостики для мазика» [24]. Когда мазик был благополучно заменен, некоторые любители бильярда стали чересчур пренебрежительными в своих ссылках на него. Джон Марсден (*John Marsden*) при прочтении доклада перед Ливерпульским Политехническим Обществом в мае 1883 года ссылался на «неуклюжий и антинаучный способ нанесения удара булавой или мазиком» [25]. *(Автор не называет имени Марсдена, а приводит лишь первую букву имени – Т. Однако, обнаружить интересующего человека (носившего фамилию Марсден, имевшего непосредственное отношение к бильярду и Ливерпулю) мне не удалось. Тем не менее, без особого труда отыскался Джон Марсден – совладелец ливерпульской компании [Marsden & Saffley](#), производившей бильярдные столы. Он же в 1877 году получил патент на усовершенствования бильярдного стола, и [в тексте этого патента](#) чёрным по белому прописано, что звали его Джон и что жил он в Ливерпуле. Так что, видимо, именно он в 1883 году написал книжку, на которую приведена ссылка под номером 25. Именно поэтому в этом переводе я и называю его Джоном. Прим. пер.)* А в 1908 году публикация компании Тёрстона заявила: «Пока ударное орудие оставалось мазиком с плоской головкой или 'кием для леди', который наносит удар непосредственно в центр шара, ударами можно было достичь очень мало разнообразия» [26].

Опытный буксировщик, конечно, мог проявить потрясающее разнообразие в ударах (включая толчок, длинный шлейф, мертвое волочение, подъём в гору и подметание), и умело управляемый мазик в свою лучшую пору должен был иметь потенциал, который был вовсе не неуклюжим и не антинаучным. Наиболее уверенные знатоки мазика этой давно ушедшей эпохи настолько развили свои буксировочные способности, что могли соперничать с мастерами кия, так изящно представленными игроками недавней поры. Но знатоки продвинули выгоды от буксировки слишком далеко – к той точке, в которой игроки-джентльмены, написавшие книги и договорившиеся о правилах, начали ограничивать способ, который они считали неспортивным. В начале девятнадцатого века мазик был заслонён кием. Последний пережиток древней формы бильярда – весьма «изогнутая палка», от которой берет свое имя игра, исчезал. Перед началом двадцатого века единственное преимущество, специфичное для мазика, состояло в том, что присущая ему вертикальная игровая стойка позволяла скромным леди играть в бильярд, не демонстрируя их лодыжки, когда они склонялись над столом.

Ссылки на источники в главе 7

1. Charles Cotton – [The Compleat Gamester](#) (London: R.Cutler, 1674), p.12.
2. Henry G. Bohn, ed. – [Bohn's New Handbook of Games](#) (Philadelphia: Henry F. Anners, 1850), p.545.
3. [Cotton](#), p.15.
4. R. Howlett – [The School of Recreation](#) (London: Henry Rodes, 1684), p.195.
5. James Love – [Cricket: An Heroic Poem](#) (1744), н.р. Поэма цитируется в словаре *Oxford English Dictionary*, p.255.
6. [The Covent-Garden Magazine Supplement](#) (London: G.Allen, Dec., 1773), II, 471.
7. [The Covent-Garden Magazine](#) (London: G.Allen, Jan., 1773), II, 6.
8. [CGM](#) (Jan., 1773), II, 6-8.
9. [Там же](#), стр.8.
10. James Beaufort, ed. – [Hoyle's Games Improved](#) (New York: William Prichard, 1796), p.181.
11. Charles Jones, ed. – [Hoyle's Games Improved](#) (London: J.Rivington and J.Wilkie, 1779), p.247.
12. [Там же](#), стр.246.
13. См. *Encyclopedia Britannica*, 3rd ed. (Edinburgh: A.Bell, 1797), III, 230.
14. Joseph Bennett – [Billiards](#) (London: Thomas Delarue & Co., 1873), p.7.

15. [Academie Universelle des Jeux](#) (Lyons: B.Gormon & Blanc, 1805), I, 271, 276.
16. E.White – [A Practical Treatise on the Game of Billiards](#) (London: W.Miller, 1807), pp.5, 21.
17. [Там же](#), стр.49.
18. [Bohn](#), p.545.
19. [Hoyle's Games Improved](#), p.254.
20. Michael Phelan – [Billiards Without a Master](#) (New York: D.D.Winant, 1850), pp.18-19.
21. «Winning Hazard» – [Billiards Made Easy](#), 2nd. ed. (London: Houlston & Sons, circa 1880), p.5.
22. Hoffman, ed. – *Cyclopedia of Card and Table Games* (London: George Routledge & Sons Ltd., 1891), p.341.
23. Michael Phelan – [The Game of Billiards](#), 5th ed. (New York: D.Appleton, 1863), p.30.
24. E.J.Riley Catalogue (London: E.J.Riley Ltd., 1906), p.39.
25. J.Marsden – *Billiard Tables Past and Present* (Liverpool: Andrew Russell, 1883), p.95.
26. *The Noble Game of Billiards* (London: Thurston and Co., circa 1908), p.6.

Иллюстрация 9. Головка английского мазика начала 18-го века (с выделенной линией для прицеливания). По сравнению с более поздними мазиками, головка менее вогнута или «чашеобразна»; вероятно, это указывает на то, что прежде приём буксировки не был так развит. (Из коллекции музея Парка Ноул, Севеноукс, графство Кент, Англия. Воспроизведено с любезного разрешения управляющего именем Хью Сэвилл-Уэста)

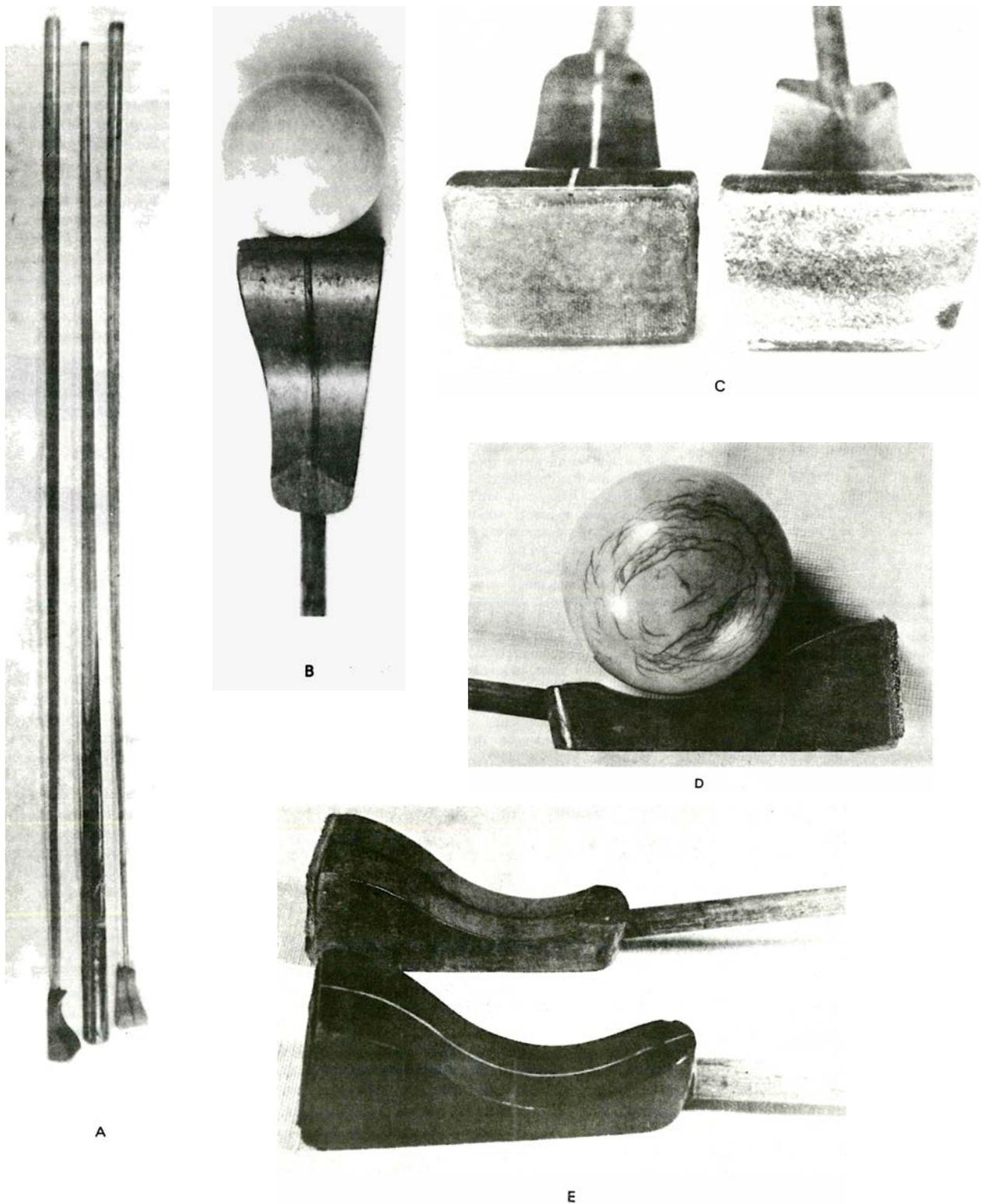

Иллюстрация 10. (А) Инкрустированный кий 19-го века (приблизительно 1829 год), сфотографированный вместе с двумя мазиками. Мазик слева относится к середине девятнадцатого века; а тот, который расположен справа – приблизительно к 1770 году. (В) Головка мазика, установленная для толкания шара из слоновой кости. Тёмная линия предназначена для прицеливания перед выполнением приёма. (С) Эти головки мазиков покрыты кожей или тканью для контакта с шаром; вращение несчётного количества шаров из слоновой кости оставило горизонтальный «ожог» на старом мазике справа. (D) Мазик, повернутый набок так, чтобы вогнутая верхняя часть была размещена для «подметания» (техника буксировки) шара. (Е) Вид сбоку головок мазиков показывает, что мазик 18-го века (наверху) с ручкой, закреплённой под углом к головке, является более «изогнутой палкой», чем мазик 19-го века, расположенный ниже.

Глава VIII

«Игры на бильярде» после 1734 года

Дальнейшее развитие бильярда было связано со многими изменениями в игре. Описанная в 1674 году Коттоном игра (в которой используются два белых шара, порт и король-столбик или верёвочка) сохранилась и в восемнадцатом веке. Французская [работа 1725 года](#) указывает, что мазики, арка и король были в то время все еще в моде, но описывает и множество других игр, включая одну из них, названную «со всеми шарами» («*a toutes Billes*»), в которой «не обсуждается ни арка и ни верёвочка». Даже еще до времён Коттона, в более ранней французской работе от 1665 года была представлена другая разновидность соперничества на бильярдном столе – «Военная игра» («*Jeu de guerre*») [1]. Первоисточник 1725 года также описывает военную игру в качестве развлечения, в котором принимают участие не более восьми или девяти игроков, для каждого из которых предусмотрен свой шар [2]. Однако, в Англии до 1734 года не было подобных свидетельств о растущем числе игр, в которые там, по-видимому, тоже играли. Выпуски *Compleat Gamester* Ричарда Сеймура, датированные началом восемнадцатого века при господстве королевы Анны, переиздали материал Коттона дословно, и как сказал Джон Эштон: «Тот факт, что она [*работа Коттона; прим автора*] являлась руководством в годы господства Анны, показывает, что игра не менялась» [3]. Тем не менее, появилась одна важная разновидность игры. В выпуск Сеймура от 1734 года были добавлены правила игры, названной «Французский бильярд», в которую играли «только лишь палками (*masts*) и шарами, а от арки и короля теперь полностью отказались». Помимо этого, в употребление входили кии, хотя их в то время так ещё и не называли. В одном из правил говорилось: «Если кто-либо сломает палку (*stick*) или мазик, то должен заплатить шесть пенсов за палку и два шиллинга за мазик» [4]. Та «палка», конечно же, была ранее использовавшимся на континенте кием. Не ясно – опирали ли кий на руку при игре в 1734 году? В правилах старой игры Сеймур сохраняет запрет Коттона, требующий того, чтобы руки не касались стола. Но в новой французской игре (где «палка» упомянута наряду с мазиком) это правило отсутствует. Без использования руки в качестве моста, играть маленьким концом палки было бы трудно.

Почти сорок лет спустя – в выпуске журнала *Covent-Garden Magazine* за январь 1773 года – появляется новый английский материал по бильярду, который к тому времени значительно развился. Статья в *Covent-Garden* вместе с дополнением от конца года упоминала почти все игры, позже перечисленные в сборнике *Hoyle's Games*, у «Любителя» (книга которого появилась в 1801 году) и у Е.Уайта. В 1773 году «от прохода или железки на столе ... теперь отказались», а кий стал распространённым инструментом, которым к этому времени «играли через левую руку, опираясь на большой палец».

В 1773 году основной игрой в Англии была «Обычная игра» (*Common Game*) или «Игра приобретений» (*Winning Game*), позже названная «Белой игрой приобретений» (*White Winning Game*). Эта игра, в которой использовались два белых шара, длилась до двенадцати очков; сыгравание шара противника в лузу стоило два очка, а начинал игру тот игрок, который при розыгрыше смог отправить свой шар ближе к противоположному борту. Очки можно было растерять разными способами: промах по шару соперника наказывался одним очком; отправление собственного

шара в лузу после контакта с шаром противника стоило два очка; а отправление собственного шара в лузу после промаха по шару противника означало потерю трёх очков. Цель игры была практически такой же, как и во времена Коттона, за исключением того, что отсутствовали порт и король. *(Известно, что в те годы лузу называли словом Hazard, переводящимся как «опасность», «риск», «угроза». И называли её так потому, что на заре настольного бильярда перемещение своего шара рядом с лузой было опасно для игрока, таило в себе угрозу – ведь попадание этого шара в лузу наказывалось штрафом, и было для игрока ничем иным, как потерей (Losing). По всей видимости, именно поэтому такое попадание, именуемое в наши дни «свояком», и называли Losing Hazard. В противовес этому, попадание в лузу шара оппонента считалось успешным атакующим действием, а иначе – приобретением для игрока, то есть – Winning. Соответственно, такое попадание, именуемое в наши дни «забиванием чужого», по-английски называли Winning Hazard. Так как в «Обычной игре» игроки стремились отправлять в лузы шары противника, иначе говоря – старались делать Winning Hazard, название самой игры трансформировалось в Winning Game – «Игра приобретений». Чуть позже появилась «Игра наоборот», в которой положительно оценивались «свояки» (Losing Hazard), а «чужие» (Winning Hazard) штрафовались. Именно поэтому и была она названа Losing Game – «Игра потерь», и такое название подчёркивало не то, что игрок теряет, то есть проигрывает, а то, что выигрыш достигается за счёт сыгравания «свояков» – Losing Hazard. Прим. пер.)*

Другие популярные игры представляли собой разновидности основной игры. В «Игре потерь» (Losing Game), которая была «Обычной игрой почти наоборот», игрок терял очки за сыгравание шара противника, а получал – за отправление в лузу «свояка». В «Игре приобретений и потерь» (Winning and Losing Game) оба вида игры были объединены. При этом, за любой отправленный в лузу шар начислялось два очка, а если одним ударом забивались оба шара, то комбинация оценивалась в четыре очка *(Несколько странно – зачем это автор подчёркивает? Было бы вполне понятно, если бы за такое сложное исполнение полагался бонус – хотя бы в пять очков, а так ... Прим. пер.)* Название игры «Бриколь» (Bricole) раскрывало её суть – «прежде чем Вы коснетесь шара своего противника, необходимо чтобы свой шар соприкоснулся с бортом и отразился». Таким образом, с появлением Bricole бортовая игра приобрела чрезвычайную значимость.

Две оставшиеся игры несут в себе событийную важность. Одна из них – «Лузная игра» (Game of Hazards) – «названа так потому, что [она полагается; прим. автора] полностью на атаку луз безотносительно к тому, какая идёт партия, или к счёту», – говорится в трактате.

«Играть могут сколько угодно людей, если у каждого из них есть в наличии шар; в игре используются пронумерованные шары меньшего размера, чем у обычных шаров. Чтобы избежать неразберихи, количество игроков редко превышает шесть. По договоренности, каждой лузе ставят в соответствие определённую денежную сумму, которую игрок, чей шар оказывается в лузе, платит игроку, забившему шар; если же игрок промахнулся, то он платит половину лузной цены тому, кто является хозяином шара, который пытались отправить в лузу. Единственное общее правило состоит в том, что нельзя отправлять в лузу шар игрока, которому по очереди предстоит наносить следующий удар».

Число шаров и игроков напоминает старую французскую «Военную игру», и не исключено, что «Лузная игра» – разновидность игры, описанной в наиболее ранних известных работах по бильярду. В некоторых аспектах она также напоминает ту игру, которая станет известна под названием Пул – игру с пронумерованными шарами и особенной значимостью принимаемых решений. Со временем Пул станет печально известен в качестве азартной игры, и фактически его название относится к ставкам в «общем котле», в который «скидываются» перед игрой.

Наконец, журнальное эссе по бильярду описало игру «Карамболь» (*Carambole*). На первых порах это была «недавно ввезённая из Франции» игра тремя шарами. К двум белым шарам был добавлен шар красного цвета, названный карамболом (в честь маленького плода испанского дерева Карамбола). Игра велась до шестнадцати очков, и они могли быть набраны как обычно – сыгрыванием шаров в лузы. Но был добавлен и новый важный элемент:

«Главная задача этой игры состоит в том, чтобы ударить Вашим собственным шаром по двум другим шарам; за такое последовательное соударение, названное карамболом [*в наши дни используются и другие названия – carom; cannon; billiard; прим. автора*], игрок получает два очка. Отправление красного шара в лузу оценивается тремя очками, а шара противника – двумя; таким образом, одним ударом можно заработать семь очков – сделав карамболь и отправив два шара в лузы».

Добавление третьего шара и карамболов в бильярдную игру было важным шагом. Оно подчеркнуло важность использования бортов и потребовало более искусного управления движением шара игрока (*название «биток» в то время ещё не было введено; прим. пер.*). Согласно эссе, по этим причинам «в эту игру ... обычно играют кием». Помимо того, что кий стал популярнее, игра «Карамболь» добавила ему важности и способствовала изъятию мазика из обращения. Несомненно, эта игра – истинный предшественник современного Английского бильярда, в котором используется три шара и начисляются очки за успешные атаки луз и за выполненный карамболь. Большинство историков считают, что третий (красный) шар был введён в игру в 1790-х годах во Франции [5], но документы компании *Gillows* указывают на то, что «окрашенные шары» продавались в Англии уже в 1771 году [6]. Карамбольные игры старше, чем считалось ранее.

Еще одним маленьким, но важным событием, отмеченным в эссе *Covent Garden*, было появлением маркёра. Коттон и Хаулитт считали, что споры должны разрешаться зрителями по обращению игроков; Коттон говорил: «Все споры должны быть решены зрителями, выносящими суждение по запросу». Выпуск Сеймура от 1734 года стоял на том, что споры могли быть улажены судьёй-секретарем, а эссе журнала *Covent-Garden Magazine* от 1773 года постановляло: «Если по поводу неверной игры возникает какое-либо разногласие, то разрешает его тот, кто следит за игрой, или большинство присутствующих». Два года спустя в выпуске *Hoyle's Games* от 1775 года впервые появился материал о бильярде, подписанный «Джон Дью, маркёр». Таким образом, перед серединой восемнадцатого века бильярдный маркёр становится в Лондоне уже привычным персонажем.

В сборнике *Hoyle's Games* 1779 года перечислены двенадцать различных вариантов бильярдных игр, но *Common Game* или *White Winning Game* оставалась наиболее популярной с тех пор, как впервые стала известна. Новой и несколько бесплодной игрой, задуманной для того, чтобы снискать популярность по крайней мере до 1820-х

годов, была «Фортификационная игра» (*Fortification Game*) [7]. В неё играли шестью шарами, распределёнными между двумя игроками. На столе были расставлены, примерно как воротца корта для крокета, одиннадцать небольших деревянных фортов. В *Hoyle's Games* и более поздних работах нарисовано расположение этих фортов, над каждым из которых развеивается крошечный вымпел. Согласно книге 1801 года *Game of Billiards*, внутри каждого форта был подвешен колокольчик, и форт считался взятым, когда о прохождении сквозь него шара возвещало звяканье. Противостоящие форты были обозначены как английский и французский, а «красные [или английская сторона фортов; прим. автора] должны были проявлять враждебность и начинать военные действия» [8]. Несмотря на всю представленную пышность, игра во многих отношениях была отражением реального положения дел между этими двумя странами в то время. Многие термины, использованные в различных бильярдных играх за более, чем четыре века, имели милитаристские оттенки, происходящие, вероятно, как от энтузиазма игроков, так и от их социального сознания.

Согласно энциклопедии *Encyclopedia Britannica*, в 1797 году игра *White Winning Game* является все еще преобладающей, а игра «Карамболь» до сих пор остаётся «недавно ввезенной из Франции» и «обычно играется с кием» [9]. В книге 1801 года изменений не отмечено, но Е.Уайт, как и можно было ожидать, если вспомнить о его пристрастии к кию, в книге от 1807 года зафиксировал произошедшие перемены. «До самого недавнего времени наиболее распространённой игрой была *White Winning Game*», – говорил он. «Сейчас же 'Карамболь с атаками луз' (*Уайт назвал его 'Winning and Losing Carambole'*; прим. пер.) настолько популярен, что в настоящее время может быть назван основной игрой на бильярде». Очевидно, что произошло существенное изменение в предпочтениях людей, и игра кием (практически ставшая необходимостью в карамбольных играх) в дальнейшем будет выступать в качестве правила, а не исключения. «Карамбольные игры требуют существенного уровня мастерства и умения принимать решения», – говорил Генри Бон в 1850 году, – «в них обычно играют кием». Он отметил, что «Сейчас единственной игрой, обычно играемой в Англии и общепризнанной в качестве 'Бильярда', является «Карамбольная игра приобретений и потерь (*Winning and Losing Carambole Game*)» [10]. В 1819 году карамбольная игра все еще оставалась «недавно ввезённой из Франции», но приблизительно в это время кто-то отметил, что в играх «иногда выполнялись исключительно карамболи», и переставали сыгрываться шары в лузы [11]. Такая практика особенно преобладала во Франции, где через некоторое время были сконструированы бильярдные столы без луз. Джозеф Беннетт – писатель и игрок, добившийся чемпионского звания – в 1873 году заметил по поводу перемен: «Как это ни странно, в последние годы французы полностью отказались от луз и выполняют исключительно кэнноны; и то, что раньше было Французской игрой, теперь называют Английской игрой» [12]. В наше время во Франции и Америке, но не в Англии, в бильярд играют на столах без луз. Согласно Джону Силвертону [13], современная английская игра Снукер, в которой используется двадцать два маленьких шара, была изобретена британскими офицерами в Индии в 1875 году.

Игра Пул начала появляться в английских сводах правил приблизительно в 1819 году. Один из источников добавляет в список игр как «Пожизненный Пул» (*Life Pool*), так и «Русский Пул» (*Russian Pool*) или «Слош» (*Slosh*). Сборник *Hoyle's Games Improved* за 1825 год помещает Пул среди пяти «теперь преимущественно

играющихся игр» [14], но описанная игра не совсем соответствует современной американской игре в лузный бильярд. Не была она и игрой, в которую играли в Соединенных Штатах в те годы. Там любимой была «Четырёхшаровая Игра» (*Four-ball Game*), названная сборником *Hoyle's Games* от 1825 года «революционной игрой» [15]. В 1850 году Майкл Фелан отмечает, что Четырёхшаровая Игра «теперь – наиболее признанная и играемая в этой стране» [16]. Но помимо этого, он охарактеризовал Пул как игру, в которую играют «маленькими шарами, число которых равно числу игроков», и безошибочно установил подобие Пула игре *Game of Hazards*, описанной в 1773 году. Согласно Генри Бону, в 1850 году в Англии «вместо теперь совершенно устаревшего Фортификационного бильярда играют в Пул» [17]. Игра, которую в 1859 году Фелан описал как «Пятнадцат шаровый Пул» (*15-ball Pool*) с шарами, расставленными в виде треугольной пирамиды, станет «Американским лузным бильярдом». (В 1878 году был проведен первый официальный бильярдный турнир по «Американскому лузному бильярду»; карамбольная «Четырёхшаровая Игра» оставалась популярной только до 1880-х годов [18].) Интересно отметить, что одна из самых популярных бильярдных игр двадцатого века – лузный бильярд (Пул) – очевидно, является потомком древней игры «*Jeu de guerre*», описанной в 1665 году.

Ссылки на источники в главе 8

1. [La Maison des Jeux Academiques](#) (Paris: Etienne Loyson, 1665), p.171.
2. [Academie Universelle des Jeux](#) (Paris: Theodore Legras, 1725), pp.328, 319.
3. John Ashton – [Social Life in the Reign of Queen Anne](#) (London: Chatto & Windus, 1882), I, 322, n.
4. Richard Seymour – [The Compleat Gamester](#), 5th ed. (London: E.Curil, 1734), pp.82, 84. Различие мастика и палки восходит, по крайней мере, к бильярдным правилам, изданным в 1730 году.
5. См. C.Dawson – [Practical Billiards](#) (Surrey, England: C.Dawson, 1904), p.79, где указана дата – 1795 год.
6. См. документы фирмы Gillows от 11 июня 1771 года.
7. Charles Jones, ed. – [Hoyle's Games Improved](#) (London: J.Rivington and J.Wilkie, 1779), p.272.
8. «An Amateur» – *Game of Billiards* (London: T.Hurst, 1801), p.43.
9. *Encyclopaedia Britannica*, 3rd. ed. (Edinburgh: A.Beil, 1797), III, 230.
10. E.White – [A Practical Treatise on the Game of Billiards](#) (London: W.Miller, 1807), p.53; и Henry G. Bohn, ed. – [Bohn's New Handbook of Games](#) (Philadelphia, Henry F. Anner, 1850), p.575.
11. Sidney Gillett – *The Early History of Billiard Tables & Accessories, As Seen from the Sales Journals of John Thurston 1818-1843* (London: Thurston and Co. Ltd., 1940), p.23.

12. Joseph Bennett – [Billiards](#) (London: Thomas Delarue and Co., 1873), p.7.
13. John Silverton – «How Snooker Started», World Snooker (April, 1971), p.11.
14. [Hoyle's Games Improved](#) (for 1825), p.265.
15. [Там же](#).
16. Michael Phelan – [Billiards Without a Master](#) (New York, D.D.Winant, 1850), pp.39, 40, 47.
17. [Bohn](#), p.553.
18. См. «The Billiard Record», приложенный к [Benjamin Garno] – [Modern Billiards](#), new ed. (New York: Brunswick-Balke-Collender, 1909).

Глава IX

Начало девятнадцатого века: рождение современной игры

Замена мазика на кий (и ряд сделанных находок, имеющих прямое отношение к загадочной власти, свойственной кию) была, возможно, главным развитием бильярда в начале девятнадцатого века, что привело к неизбежности последовавших за этим событий. Согласно Джозефу Беннетту, «внедрение игры кием и усовершенствование кожаных наклеек, мела, и удара, придающего боковое вращение, вызвало едва ли не революцию в науке о бильярде» [1]. Это было развитие, начавшееся даже до 1800 года, и личности первооткрывателей являются предметом споров, продолжающихся и по сей день.

Мы помним, что еще до внедрения кия появилось представление о самом раннем способе игры таким инструментом, когда игрок наносил удары по шару маленьким концом мазика. В настоящее время невозможно точно сказать – когда или где появился первый кий. Ранние французские работы по бильярду, опубликованные в 1665, 1696 и 1725 годах, упоминают только лишь о мазике. Очевидно, что ни Коттон и ни Хаулитт не слышали о кие. Первое упоминание о кие можно найти у Сеймура в его *Compleat Gamester* 1734 года, где в дополнение к мазику говорится о палке (*stick*). Вероятно, в Европе кий использовался несколько ранее. (Согласно Ивлину, игра маленьким концом палки была материковым новшеством.) Одна из французских картин, вероятно написанная в 1725 году, изображает бильярдную сцену, озаглавленную *Le billard public* («Общественный Бильярд»), на которой несколько игроков используют кии. (*Речь идёт о картине Жана Батиста Симеона Шардена «Un billard public à Paris»*; прим. пер.) Вероятно, первые настоящие кии появились между 1679 и 1734 годами.

Как сказал Майкл Фелан, сначала кий был немного больше, чем мазик без головки [2]. Те, кому в числе первых удалось воспользоваться кием, одобрили его, потому что его маленьким кончиком можно было орудовать на близком расстоянии – около борта или около других шаров – чего нельзя было делать большой головкой мазика.

К нему отнеслись благосклонно также и потому, что обращение с кием позволяло лучше прицеливаться, чем с булавой. И поскольку карамбольные игры стали более популярными, ударное воздействие кия оказалось более универсальным, чем толкающий способ действия мазика.

Несомненно, многие английские игроки перешли на игру кием задолго до 1800 года. Приблизительно в 1770 году Уильям Хикки ежедневно тренировался не менее двух часов, пока не достиг «сносной техники выполнения ударов кием» [3]. Иногда, как 7 ноября 1772 года, фирма *Gillows* должна была отправить партию из «тридцати доброкачественных киев». И происходило это задолго до тех времён, когда кии, по общему мнению, стали популярными. Но наибольшие усилия игроков, использующих в те годы кии, были направлены на то, чтобы научиться при ударе попадать в видимый центр шара – точно так же, как получалось при применении мазика. И те удары, в которых точно попасть не удавалось, считались неудачными – ведь никто не мог даже вообразить те магические эффекты от вращений, придаваемых шару за счет ударов выше или ниже центра, а также сбоку от него. Даже уже в 1807 году Е.Уайт, описывая последствия бокового вращения шара (*English – именно так в большинстве стран принято называть боковое вращение; у нас же прижилось название «француз»; прим. пер.*), советовал, как его избежать. Обращаясь к «молодому игроку, которому редко удаётся добиться правильного перемещения шара после контакта с бортом», Уайт объясняет, что это досадное движение шара «возникает не из-за дефектов сукна, борта или неабсолютной сферичности шара; это – следствие особого способа воздействия кончика ударного инструмента на шар, и чтобы избежать его, требуется определённая деликатность». Он советует наносить удар точно по центру шара, избегая тем самым любого влияния на угол отражения [4].

В какой-то мере Уайт был прав, так как придание шару вращения не имело практической значимости до тех пор, пока этим нельзя было как-то управлять; и с теми ударными концами кия, которые были в ходу до 1790 года, рассчитывать на это не приходилось. Но примерно в это время кто-то, чье имя не вошло в анналы истории, сделал открытие.

«Пока кончик кия был плоским и жестким, отклонение от центра шара при нанесении удара приводило к киксу. Первым шагом в направлении предоставления игрокам возможности выполнять удары иначе ... было изобретение Джеффри (*Jeffrey*) приблизительно в 1790 году. Так называли кий с косо обрезанным кончиком; и такие скошенные кии время от времени использовались для нанесения ударов ниже центра шара» [5].

Или, как в 1830-х годах объяснил один из первых бильярдных чемпионов девятнадцатого века Эдвин Кентфилд (*Edwin Kentfield*): «Приблизительно пятьдесят лет назад было обнаружено, что если конец кия косо срезать ... так чтобы с шаром контактировала более обширная поверхность, то можно будет наносить удары в точки шара, расположенные ниже его центра» [6]. Удар в низко расположенную точку придавал шару обратное вращение (*которое по-иному называется нижним; прим. пер.*) и вызывал предсказуемые последствия, которые игрок мог использовать. В действительности, удар был возможен по двум причинам: одна из них заключалась в том, что точка контакта располагалась именно ниже центра шара; а другая состояла в том, что при обрезке конец кия становился чуть более шероховатым и поэтому лучше приспособленным для придания шару вращения за счет сцепления с гладкой поверхностью слоновой кости. Это происходило незадолго до того, как стали

использовать мел, чтобы кончик кия был менее скользким; некоторые из ранних игроков были даже склонны к тому, чтобы вращать их кии, прислонив вплотную к побелке и задерживая тем самым мелоподобные остатки на кончике. Даже киям, которые не были видоизменены под Джеффри, можно было придать шероховатость наконечника, чтобы улучшить их способности к захвату. Согласно Уайту: «Чтобы более уверенно исполнить [*низкий; прим. автора*] удар, необходимо намелить конец кия или с помощью напильника сделать его шероховатым» [7]. Игроки продолжали экспериментировать с кием и искать новые способы его использования. Дополнительной мерой было «незначительное закругление кончика кия ... для уменьшения возможности кикса, когда удар наносился не точно в центр шара» [8].

К 1807 году бильярдные игроки основательно продвинулись по пути раскрытия полного потенциала кия. В дополнение к центральному удару, Уайт описал уже упомянутый низкий удар (*low stroke*) и два типа ударов, наносимых выше центра шара (*high strokes – высоких ударов; прим. пер.*). Знаменательно то, что в своих искусных описаниях Уайт стал первым автором, использовавшим термины «биток» (*cue ball*) и «прицельный шар» (*object ball*). Он также использует термин «мост» (*bridge*), который, может быть, придумал кто-то другой. Хотя он и не имеет представления о правом и левом боковом вращении, но тщательно объясняет использование высоких и низких ударов. «Когда удар нанесён ниже центра шара», – объясняет Уайт, – «он с замедленным вращением откатывается от того шара, с которым столкнулся; это – обстоятельство, которое предоставляет специфическое преимущество игроку, использующему кий, и которое часто позволяет ему выиграть при самых неблагоприятных обстоятельствах ...» Мы начинаем осознавать бесспорные основания, которые были у Уайта для решительной популяризации преимуществ кия над мазиком. При высоком ударе кий контактирует с шаром «выше центра и параллельно поверхности стола»:

«Шар, по которому был нанесён удар выше его центра, передает только часть своей скорости шару, с которым он сталкивается, и продолжает свое движение вперед в более или менее прямом направлении ... Если по нему ударить ниже центра, то он откатится; но если он получит импульс от удара кием выше центра, то продолжит катиться вперед».

Уайт отмечает, что наклонный удар выше центра заставляет шар оторваться от игровой поверхности:

«Вместо того чтобы провести кий как обычно – параллельно столу, в этом ударе его располагают существенно наклонно, а в некоторых случаях почти перпендикулярно ... и шар, взамен безотрывному движению по столу, отрывается от его поверхности и подскакивает; подобным образом, игрок может выполнять перескок через смежный шар» [9].

Всё это происходило до 1807 года.

На право именоваться первооткрывателем разнообразных применений вертикального вращения («оттяжки» – *draw* или «наката» – *follow*) или горизонтального вращения («бокового вращения» – *English; side; twist*) есть несколько претендентов, и этот спор, вероятно, невозможно разрешить. Первым претендентом был капитан французской пехоты по имени Франсуа Мангу (*Françoise Mingaud*), которого, предположительно, заключили в парижскую тюрьму на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков. Согласно тому, что в 1891 году написал француз Деснар (*De Desnar*), в тюрьме был бильярдный стол, и Мангу «с

неистовством занялся обучению бильярдной игре». Очевидно, Мангу пришёл к умозаключению, что кожаная наклейка на кие придаст ему дополнительные возможности для сцепления, необходимые для получения такого вращения, которое потребуется. Под конец срока заключения ему потребовалось дополнительное время, чтобы усовершенствовать сделанные открытия, и он ходатайствовал о продлении пребывания в тюрьме. Когда Мангу, наконец, покинул тюрьму, его способности управлять шарами достигли уровня чародея, и при каждом удобном случае он демонстрировал их изумлённым провинциалам по всей Франции. Майкл Фелан говорил: «Когда они наблюдали за его безупречным мастерством владения собственным шаром, иногда заставляющим его описать кривую траекторию вокруг шляпы, лежащей посреди игрового поля ... Мангу мог считать за счастье отмену закона, карающего колдовство» [10]. А согласно Деснару, – «Невероятно, но к изумлению зрителей шар Мангу катился в обратном направлении» [11]. Датой, чаще всего приписываемой изобретению Мангу кожаной наклейки, является 1807 год, и эта наклейка практически наверняка была нужна для демонстрации его мастерства. Из изданной в 1807 году книги *A Practical Treatise on the Game of Billiards* понятно, что Уайт, очевидно, не был осведомлен о боковом вращении, необходимом, чтобы заставить шар перемещаться по криволинейной траектории; не был пересмотрен этот вопрос и в издании 1818 года. Но другой англичанин, Джон Тёрстон, настолько восхитился открытиями Мангу, что в 1831 году перевёл и издал его книгу, в которой описывалось игровое мастерство автора. (В 1830 году Мангу продемонстрировал свои навыки в лондонском Тёрстон Холле.)

Другими претендентами на авторство открытия левого и правого бокового вращения являются владелец бильярдной в английском городке Бат (*Bath*) Джон Бартли (*John Bartley*) и Джон Карр (*John Carr*) – маркёр, работавший у Бартли. Со временем, Карр станет известен по всей Англии, как «маркёр из Бата». Как предполагается, между 1818 и 1823 годами Бартли или Карр сделали большое открытие. Согласно одной истории, «работодатель Карра хозяин заведения Бартли был изобретателем бокового удара и оттяжки, [*и; прим. автора*] в своё время он показал их маркёру, а тот лишь смог извлечь из этого выгоду, продав, как волшебное средство немного порошкообразного мела в коробочках для пилюль» [12]. Знаменитый спортивный журналист и современник Карра [Пирс Иган](#) (*Pierce Egan*) в его лондонском периодическом издании «*The Annals of Sporting*» именовал маркёра из Бата «родоначальником бокового удара» [13]. Очевидно, достоверна история о том, что Карр объяснял свое мастерство, приписывая его изобретённому им специальному «закручивающему мелу», и продавал этот мел по необычайно высокой цене. Позже Карр, сыграв матчи против Кентфилда и других великих игроков того времени, стал бильярдным чемпионом.

Авторство изобретения наклейки с именем Карра не связывается. В 1865 году Жюль Росто (*Jules Rostang*) писал, что «по всем достоверным признакам, изобретение наклейки для кия приписывается знаменитому Мангу» [14]. Возможно, Мангу и был изобретателем, и вероятно это произошло в 1807 году. Хотя концерт Тёрстона начал предпринимательскую деятельность в 1799 году, первые записи об их продажах относятся лишь к 1818 году, и одна из пометок в январе того года относится к наклейкам, что указывает на использование наклеек и до 1818 года. Так как в книге Уайта 1807 года наклейка не упоминается, разумно будет предположить, что она вошла в употребление между 1807 и 1818 годами. Согласно Бенджамину Гарно, ещё до 1823 года кожаные наклейки для кия делались в Нью-Йорке

башмачником по имени Камиль Аву (*Camille Avout*), а также импортировались в Соединенные Штаты из Франции в упомянутом году [15]. К тому времени кожаная наклейка становилась общепринятой, и множество людей обучалось мастерству выполнения новых ударов. В Англии Эдвин Кентфилд смог дать мудрый совет о том, что «мягкая кожа для обуви или седла – превосходный материал для наклеек, но для единичных наклеек нет ничего лучше, чем старая сбруя или ремень» [16].

По поводу того, кто был истинным первооткрывателем боковых ударов – Мангу, Бартли или Карр, во мнениях расходятся даже большинство современных крупных специалистов. Например, в 1940 году Сидни Джиллетт написал, – «Примерно в 1807 году, сделанные из кожи наклейки впервые были внедрены и начали использоваться Мангу – французским игроком с мировой известностью. Помимо этого, он разработал удар, придающий шару боковое вращение, или так называемый боковой удар, и ввёл в практику некоторые замечательные удары, большинство из которых описаны и проиллюстрированы в его книге, изданной в этой стране Тёрстоном» [17]. Однако, в публикации Тёрстона от 1908 года говорится иначе: «Открытие того, что шар можно заставить вести себя вопреки всем утвердившимся законам движения, придав ему боковое вращение, обычно приписывается некоему Джону Бартли, владевшему бильярдной в Бате в начале девятнадцатого века» [18].

Разумное предположение заключается в том, что некоторое отношение к обсуждаемым важным открытиям имел и Мангу, а также и игроки из Бата. Может быть, первые открытия Мангу были ограничены ударами массе и оттяжкой, а возможно и наклатом. (При ударе массе – который вызывает криволинейное движение шара – кий располагается почти вертикально, а удар наносится сверху вниз в верхнюю часть шара. Это напоминает игровое расположение мастика в былые дни, отсюда и произошло название. Один из переводов слова *masse* с французского означает «булава» или «мастик». Этот термин – один из последних остающихся следов мастика в современной игре.) Бартли и Карр могли в то время, независимо от Мангу, выявить возможность придания шару горизонтального вращения. Использование термина «English» для боковых ударов, казалось бы, изобличало неправомочность авторских притязаний Мангу, и указывало на то, что в то время, как прямые, так и обратные вращения от высоких и низких ударов, возможно, были изобретены во Франции или ещё где-то, а совершенствование горизонтального вращения имело английские корни. Приписываемые Мангу, Бартли и Карру открытия – высокие и низкие удары, шероховатые наконечники киев, использовавшиеся уже к 1807 году, кожаные наклейки – рано или поздно были бы сделаны другими людьми. Стоит только повернуть ключ в замке, и тайны кия и шара вырвутся наружу. Даже возможно, что Мангу, Бартли и Карр пришли ко всем различным открытиям независимо друг от друга.

Книга Мангу *Noble Jeu de Billard*, изданная в Париже в 1827 году (и переведенная Тёрстоном в 1830-м), не снимает противоречий. Тем не менее, она демонстрирует, что к тому времени все возможности кия были весьма неплохо реализованы. Во введении к своему английскому изданию работы Мангу, Тёрстон ссылается на книгу Уайта, которая «по достоинству сохраняет свою репутацию методического трактата». Но Тёрстон добавляет, – «Как и любая опубликованная работа, она отстаёт от жизни, в которой есть место существенным усовершенствованиям и поразительным открытиям, совершаемым великими мастерами Игры» [19]. Фолиант Мангу имеет объем примерно сорок страниц и почти не содержит текста; в

основном, его содержание состоит из схем с изображением ударов, дополненных очень краткими инструкциями. Некоторые демонстрируемые удары были бы трудны даже для опытного игрока в наши дни, и сам Мангу «осознавал, что многие удары для новичка ... могут показаться невыполнимыми» [20]. Но представленные схемы включают в себя все те удары, которые обсуждал Уайт, а также и другие удары – требующие использования левого и правого бокового вращения; помимо этого, уделено место и ударам массе (однако, Мангу и Тёрстон не используют этот термин).

Капитан Мангу скромно заявляет права на изображённые в его книге чудеса («Автору этой работы должны быть приписаны самые блестящие современные открытия».) А французским игрокам своего времени он лишь выдаёт мимолетную похвалу: «Самой высокой репутацией в бильярде во Франции обладали господа Персику́ и Эсполя (*Persicots; Espolard*); в свое время, они внесли свой вклад в то, что об игре было известно прежде» [21]. Мангу собственноручно внёс в книгу дополнения – направления для определенных ударов с рисунками, указывающими траектории шаров; иногда траектории изящно огибают нарисованный опрятный цилиндр, расположенный между битком и прицельным шаром. Типичные инструкции гласят: «Чтобы выполнить этот удар, нанесите его в правую верхнюю часть своего шара ...» [22]. Тёрстон свидетельствовал, что все схематически изображенные удары были успешно выполнены Мангу при свидетелях в Лондоне, и что инструкции Мангу позволили другим бильярдистам повторить многие из его «подвигов». Но для опытного современного игрока многие из них кажутся трудными (и даже чрезвычайно трудными). Трудно сказать, как последовательно Мангу выполнял их сам, и какие при этом особенные преимущества он получал от тех ранних киев и бортов, шаров и столов. Во всяком случае, нетрудно понять, почему его книга так никогда и не стала важнейшим основополагающим трудом. Находки Мангу заслуживали таких же подробных и тщательных описаний, какие были оставлены для нас Уайтом. Последний удар, описанный в книге, вообще является не бильярдным ударом, а роскошным трюком шоумена: «Положите шар на пол между Ваших ног; наклонитесь, возьмите шар и бросьте на стол, располагаясь к нему спиной. В результате наберите семь очков». (*Ранее в своей книге Мангу пояснил, что семь очков начисляется за то, что одним ударом игрок отправляет в лузы два шара; прим. пер.*) [23].

Хотя книга Мангу так никогда и не стала столь же почитаемой, как труд Уайта, но всё же «увидела» своё второе издание (1831). Видимо, предприимчивый француз (как говорит титульный лист – «бывший капитан инфантерии французской армии») исполнял свои удивительные новые удары перед «большинством государей Европы». И после первоначальной осмотрительности в оценках, английские газеты «аплодировали» переведённой Тёрстоном книге.

Журнал *Literary Gazette* признал свою собственную преждевременную пристрастность: «Капитан Мангу добился некоторых настолько экстраординарных усовершенствований, что мы посчитали их невозможными, и не обращали внимания на книгу, пока наведенные справки не убедили нас в их действительности» [24]. Затем журнал любезно признал: «Мы обязаны серьезно сказать, что это – демонстрация всецело удивительной науки. По существу, мы склонны думать, что большинство атакующих ударов, кажущихся невозможными, может быть выполнено даже игроками не самого высокого уровня ... Эти достижения не только полезны, но

и очень любопытны и заняты, и ... таковы, что в них нельзя поверить без подлинного доказательства, демонстрирующего результаты, до сих пор считавшиеся противоречащими законам движения». А рецензент указывает: «Кто настолько же компетентен, чтобы перевести книгу капитана Мангу, как господин Тёрстон, превосходно сконструированные столы которого предоставляют возможность и уверенность выполнения самых прекрасных ударов?»

«Это – работа, от которой можно ожидать ... что она раньше или позже вызовет что-то вроде революции во всем стиле игры», – было сказано в *Court Journal*. И, конечно же, широкое использование приёмов, продемонстрированных Мангу, делало именно это. Обозреватель журнала *Court Journal* утверждал, что видел «самый трудный» из ударов, «выполняемый неоднократно». Согласно журналу *Athenaeum*, – «Английский игрок обязан господину Тёрстону за то, что он заставил ознакомиться с настолько почитаемой на континенте работой». И *Court Journal* и *Mirror* согласились, что «большинство этих ударов будут совершенно новыми для английских игроков». Журнал *Mirror* заключил: «Познание того, что проиллюстрировано в этом Трактате, существенно подняло бы общий уровень игры, и, следовательно, придало бы ей еще большую значимость, чем та, которой она сейчас обладает». *The Courier* согласился: «Этот труд, представляющий удары, так изумлявшие их Величества – одно из самых величайших угощений, которые, вероятно, когда-либо получал бильярдный игрок, и можно добавить, что оно спланировано так, чтобы развивать Науку об Игре».

Визит Мангу в Англию в 1830 году и его книга получили хорошую прессу. Но работа *The Noble Game of Billiards* не была трактатом в полном смысле этого слова. Диаграммы не конкретизированы, нет никаких теоретических посылов и почти никаких объяснений или развития скудных иллюстраций ударов. Необходимо отметить, что присутствие Мангу в Лондоне, его впечатляющая демонстрация новых возможностей кия и шара, возможно, имела большее отношение к этим восторженным отзывам, чем сама книга. И сами обозреватели подсказывают – насколько большее. Несмотря на предвещаемые поразительные изменения, книга, вероятно, имела слабое практическое применение у всех игроков, за исключением самых опытных. В *Court Journal* было отмечено: «Тем, у кого имеются личные бильярдные столы, мы особенно рекомендуем эту книгу, как практически такое же неотъемлемое дополнение к их столам, что и маркировочная дощечка». И книга, согласно *Mirror*, «должна рано или поздно найти свой путь в комнаты игроков-любителей». Но после того, как восхваленный Мангу возвратился во Францию, книга не встречала такого широкого признания и использования. Методы, применённые французом, быстро стали универсальными среди хороших игроков, но последующие английские работы по бильярду редко обращаются к книге Мангу, и очевидно никакой бильярдный историк не исследовал её в полной мере. И всё же, Мангу действительно заслуживает похвалы за то, что своими достижениями указал направление, открывшее новые возможности игры для более широкой общественности.

Доказывает ли известность Мангу то, что он (а не Бартли и Карр) разработал новые технические приёмы для кия? Не окончательно. Авторские притязания Бартли и Карра никогда не получали широкого общественного признания, но версия о том, что именно они были истинными создателями боковых ударов, прочно утвердилась в умах заинтересованных историей игры людей. И у нас есть свидетельство их

современника – известного спортивного журналиста Пирса Игана – о том, что «родоначальником бокового удара» является Карр.

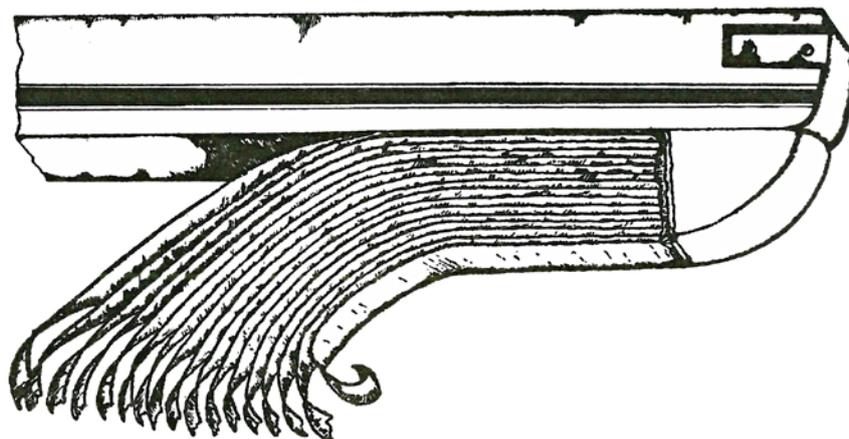
Но Карр и Мангу не были теми первыми игроками, которым исполняли то, что в те времена должно было представляться трюками. У нас есть свидетельские показания Уайта о том, что он видел, как два разных игрока выполняли удивительные удары в Европе в 1789 году – за сорок лет до того, как Мангу очаровал Лондон. Некий «владелец бильярдной в Гамбурге», принял ставки на то, что сможет отправить в лузу шар, перескочивший с одного стола на другой. А «итальянец, часто посещавший бильярдные заведения в Париже», мог забивать шары дуплетами или бортовыми ударами, «не промахиваясь тридцать раз подряд» [25]. Это – первые мастера трюковых ударов, о которых сохранились письменные свидетельства, но нет сомнений, что были и другие.

Таким образом, независимо от того, где или когда были сделаны новые открытия, игра в начале девятнадцатого века извлекала значительную выгоду из новых дивных возможностей кия.

Ссылки на источники в главе 9

1. Joseph Bennett – [Billiards](#) (London: Thomas Delarue & Co., 1873), p.8.
2. Michael Phelan – [The Game of Billiards](#), 4th ed. (New York: D. Appleton, 1859), p.31.
3. Alfred Spenser, ed. – [Memoirs of William Hickey](#) (London: Hurst and Blackett Ltd., 1913), p.65.
4. E.White – [A Practical Treatise on the Game of Billiards](#) (London: W. Miller, 1807), p.28.
5. [Bennett](#), p.9.
6. Edwin Kentfield – [Game of Billiards](#) (London: Thurston and Co., 1886), p. 2. (Formerly *A Treatise on Billiards*, circa 1833.)
7. [White](#), p.24.
8. [Bennett](#), p.9.
9. [White](#), pp.24-25.
10. [Phelan](#), p.33.
11. De Desnar – «Предисловие» в [Le Billard](#) – Maurice Vignaux (Paris: Delarue, 1891), p.8.
12. [Benjamin Garno] – [Modern Billiards](#), new ed. (New York: Brunswick-Balke-Collender Co., 1909), p.7.
13. [Там же](#).

14. Jules Rostang – «Историческое предисловие» в *Manuel de Jeu de Billard* – Desire Lemaire (Paris: Delarue, 1865), p.7.
15. [Garno](#), p.7.
16. Процитировано в книге Henry G. Bohn, ed. – [Bohn's New Handbook of Games](#) (Philadelphia: Henry F. Anners, 1850), p.546.
17. Sidney Gillett – «The Game of English Billiards» в каталоге *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities* (London: B.A.C.C., 1940), p.26.
18. *The Noble Game of Billiards* (London: Thurston, circa 1908), p.11.
19. Capt. Mingaud – [The Noble Game of Billiards](#), translated by John Thurston (London: Thurston, 1830), p.6.
20. [Там же](#), стр.7.
21. [Там же](#), стр.6.
22. [Там же](#), стр.16.
23. [Там же](#), стр.40.
24. Эта и последующие цитаты из периодических изданий приведена по книге Capt. Mingaud – [The Noble Game of Billiards](#), translated by John Thurston (London: Thurston, 1831), flyleaf.
25. [White](#), pp.5-6, n.

A SECTION OF AN OLD LIST CUSHION PRIOR TO 1835.

Иллюстрация 11. Рисунок Тёрстона, изображающий старый борт бильярдных столов в те времена, когда при производстве каучук ещё не применялся. Последовательные слои полосок (войлока), покрытые натянутым полотном, создавали эластичный борт. (Из *The Earlier History of Billiard Tables & Accessories, As Seen from the Sales Journals of John Thurston 1818-1843*. Воспроизведено с любезного разрешения господина Нормана Клэра (Norman Clare) из *Thurston and Company Limited*, Лондон.)

Глава X

Усовершенствования Джона Тёрстона: сланец и резина

В девятнадцатом веке бильярд все еще был игрой, находящейся «под крылом» людей, принадлежащих высшему обществу. Когда 16 октября 1838 года компания Джона Тёрстона исполняла известный заказ по установке стола, местом назначения являлся Виндзорский замок, а в качестве покупателя выступала королева Виктория [1]. Но популярность игры удивительно возростала среди людей из всех слоёв общества. Открытия новых возможностей кия, оснащенного кожаной наклейкой, породили и новые потребности в точно выровненных столах и в правильных, с научной точки зрения, бортах. В этих вопросах фирма Тёрстона следовала по пути, ведущему ко многим революционным изменениям, сделавшим развлечение на бильярде практически таким же, каким оно является в наши дни.

Первооткрывателем во многих важных разработках был, очевидно, сам Джон Тёрстон, хотя возможно он и полагался на рекомендации и советы бильярдного чемпиона Эдвина Кентфилда [2]. Вероятно в 1826 году, Тёрстон начал проводить первые эксперименты со сланцевыми плитами для своих бильярдных столов [3].

Сланец был достаточно плотным материалом, чтобы обеспечивать твёрдость стола, и одновременно с этим – поддающимся обработке, чтобы достигать необходимой гладкости. (Сланец залегает в виде плоских слоёв, в силу чего может быть легко приспособлен для использования в качестве основания игрового поля стола.) В то время, когда Тёрстон разрабатывал сланцевый стол, манчестерская фирма Шарпа и Робертса (*Sharp & Roberts*) предприняла попытку улучшить игровую поверхность, заменив дерево на железо. Основание было составлено из «двух частей, соединённых вдоль посередине» [4]. Но вскоре от использования металлических оснований отказались; при существовавших способах обработки железа, они были дороги, а склонность к образованию ржавчины могла приводить и к повреждению сукна. Помимо этого, как сказал один из обозревателей, – «громыхание передвигающихся шаров весьма противно» [5]. А вот у сланца этих дефектов не было, и к 1840 году он полностью заменил деревянные столешницы. В 1970 году ведущий представитель бильярдной промышленности смог справедливо высказать: «Для основания бильярдного стола пока еще неизвестно ничего лучшего, чем сланцевые плиты» [6].

На самом деле, это было гигантским шагом в развитии. Старые столы с деревянными основаниями были сконструированы искусно, но, тем не менее, время от времени разочаровывали своей неровностью. Они изготавливались с тремя каркасными секциями размером приблизительно четыре на шесть футов:

«Для каждой секции изготавливалась рама толщиной 1¼ дюйма, к которой были присоединены квадратные 8-дюймовые панели по дюйму толщиной, сделанные из твердой древесины и приспособленные для взаимного присоединения с помощью шпунтов. Так делали, чтобы по мере возможности препятствовать деформированию и короблению» [7].

Но, несмотря на все предосторожности, предприятия до сих пор были обязаны присылать к владельцам столов своих мастеров для частого перемонтирования и

выравнивания деревянных оснований игрового поля. С другой стороны, сланец можно было тщательно отшлифовать, и он бы не деформировался, не провисал и не кренился при наличии прочного поддерживающего каркаса.

Сланец, конечно же, был тяжёл и требовал массивного каркаса. Технологический процесс изготовления стола стандартного размера размером шесть на двенадцать футов, который Тёрстон наконец усовершенствовал, производил глубокое впечатление. Сланцы привозились из [карьеров лорда Пенрина](#) (*Penryn; В Уэльсе недалеко от побережья, к западу от Ливерпуля; прим. пер.*) «высеченными по размеру и толщине, а затем обрабатывались шлифовальной машиной» [8] до состояния, в котором их можно использовать в качестве бильярдных плит:

«Игровое поле, формируемое плитами, имеет размер 12 на 6 футов с допуском $\pm 1\frac{1}{2}$ дюйма; и чтобы сформировать это большое пространство, пять отдельных плит сведены вместе, соединены штырями и подогнаны друг к другу с такой исключительной точностью, что в зазоры нельзя вставить и острие ножа ... Между тем, привычный деревянный каркас с восемью массивными ножками был подготовлен в другой мастерской к приему тяжеловесной сланцевой столешницы. Проектирование и конструирование на этапе работы с древесиной, которой предназначено провести остаток существования, неподвижно поддерживая груз массой в восемнадцать центнеров [*более тысячи фунтов; прим. автора*], требует самой высокой квалификации и множества специальных познаний» [9].

Деревянная рама обычно делалась из «высококачественного испанского красного дерева» или «роскошного английского дуба», но фирма производила и некоторые столы с металлическими каркасами. В любом случае, общая масса была значительно больше одной тонны, и это сделало излишними требования старых правил, запрещающие сотрясение стола, так часто наблюдавшееся до применения сланца. Значительный вес также призывал к предосторожности и в иных аспектах; покупатели новых столов больше не могли беспечно устанавливать их в галереях второго этажа. Но новые сланцевые поверхности были твердыми и гладкими, и популярное времяпрепровождение у бильярда стало, вероятно, более искусным, чем когда-либо прежде.

Конечно же, столы с деревянными столешницами продолжали изготавливаться и продаваться в больших количествах. Фирма Тёрстона производила столы и другое оборудование разного качества, предлагая Превосходные, Великолепные, Отменные, Самые Прекрасные, Изящные, Поистине Изящные, Роскошные, Самые Роскошные, и Наиболее Роскошные столы и кии [10]. Весной 1839 года два стола с деревянными столешницами и размерами, превышающими привычные – 15 футов на 6 футов и 8 дюймов – были отправлены в Мексику [11]. Граф Честерфилд (*Earl of Chesterfield*) купил одну из новинок Тёрстона – круглый «китайский» стол (диаметром почти 10 футов) – вероятно, для развлечения леди в своём доме [12]. Древесина, поступавшая для изготовления столешниц, каркасов и деревянных частей бортов не из лесов Европы и Америки, не нуждалась в особенной выдержке. Из древесины военного парусного корабля «[Royal George](#)», перевернувшегося в 1772 году и не поднимавшегося на сушу в течение сорока лет, фирма построила двадцать пять дубовых бильярдных столов, включая упомянутый стол для королевы Виктории. А древесина дуба, частично изъятая после разрушения [Старого Лондонского моста](#) в 1832 году, была использована для изготовления стола Тёрстона [13]. К 1834 году Тёрстон начал выпускать свой «Императорский каменный бильярдный стол»

(*Imperial Petrosian Billiard Table*) [14]; слово *Petrosian* в названии переводится с греческого языка, как «каменный». (*Кто-нибудь вполне бы мог родить очередной бильярдный миф, связав слово Petrosian в названии стола с широко распространённой армянской фамилией Петросян; однако, на самом деле связи никакой нет. Прим. пер.*) Такое название привлекло внимание к сланцевым плитам, в результате чего теперь уже больше нельзя было сказать (как это делалось в течение полудюжины последних лет), что большинство столешниц для новых бильярдных столов было сделано из древесины. В 1850 году Генри Бон высказал мнение о том, что «металлические или сланцевые плиты предпочтительней мраморных или дубовых» [15].

Американские и особенно французские производители столов несколько задержались с использованием сланцевых плит. В 1850-х годах Майкл Фелан начал выпуск сланцевых столов, которые приобрели широкое признание в качестве лучших в Америке. Комментарий к выпуску французской энциклопедии *La Grande Encyclopedie* за 1888 год свидетельствует, что деревянные столешницы были заменены в этой стране в самое последнее время: «Сегодня едва ли кто-то ещё делает столы из древесины; приблизительно на протяжении десяти минувших лет их изготовляли из чугуна, стекла, мрамора, спёкшихся от ударов молнии минералов и, прежде всего, из сланца» [16]. В 1887 году словарь мебели Анри Авара отмечает, что «реальная поверхность стола состоит из своего рода деревянного настила» обычного вида, который «обеспечивает абсолютно ровность поверхности». Но Авар добавляет, – «В последние годы были предприняты попытки заменить старомодную составную деревянную столешницу на столешницу из мрамора, сланца или стекла; тем не менее, большинство столешниц бильярдного стола [*во Франции; прим. автора*] продолжает производиться из древесины» [17]. Однако, задолго до этого в Англии и Америке использование сланца стало правилом, а не исключением.

Позднее в этом же веке промышленник из Ливерпуля предпринял одну из последних попыток агитировать в пользу заменителя сланца. В рекламном листе, размером с книжный разворот, с возбуждением и письменными свидетельствами бильярдных игроков утверждалось, что запатентованный бильярдный стол Джона Марсдена «легче и дешевле сланцевого» и поставляется на «прекрасном чугунном декоративном каркасе». Столы Марсдена были оборудованы столешницами из композиционных материалов (в основном – из высококачественного портлендского цемента), оснащенных для соединения шпунтами и пазами, «чтобы сделать ненужным применение штифтов». К рекламным листкам прилагались три страницы свидетельств пользователей стола с выражениями благодарности, а заявления изготовителя выглядели убедительными. Во-первых, говорил он, сланец был «самым вредным веществом, которым возможно воспользоваться». Это пористое вещество было чрезмерным «проводником тепла», и поэтому из-за конденсации возникала проблема постоянной влажности сукна на сланцевых столах. «Шары вяло перемещаются по влажному сукну», – указывал Марсден, сочувствуя бильярдным маркёрам, которые были вынуждены использовать тяжелые 18-фунтовые плоские утюги, чтобы просушивать ткань на столе дважды в день. Помимо этих недостатков, согласно Марсдену, пяти-секционные сланцевые столешницы были недостаточно тверды – поскольку «их крепление обеспечивалось лишь шпунтами и деревянными элементами бортовой конструкции». «Дни сланцевых столешниц», – завершал он, – «сочтены» [18]. Но это было скорее представлением желаемого в качестве

действительного, чем здравым предсказанием, и популярность цементных столов была недолгой.

Как бы то ни было, Тёрстон недолго почивал на лаврах лишь этого улучшения. Вскоре после внедрения в 1834 году его улучшенных каменных столов, он перенёс свое внимание со столешницы на борта вокруг неё. Он понимал, что были необходимы борта с более равномерной (*по периметру; прим. пер.*) упругостью и с большей точностью по скорости шара и правильности углов отражения. Уже в течение некоторого времени бильярдные игроки нуждались в бортах с такой упругостью, чтобы углы отражения и скорости шара после отскока были всюду на бортах единообразны. До 1830-х годов такие условия лишь изредка достигались различными способами наполнения бортов. Общепринятый подход к заполнению бортов состоял в применении полосок из войлока, уложенных слоями, но документы Тёрстона указывают, что были испробованы и сочетания таких наполнителей, как шерсть и различные обрезки; «испытания» прошли конский волос, пёрышки русской утки и однажды даже «оперение белого лебедя» [19]. А на стыке 18-го и 19-го веков американские производители столов предпочитали вместо обрезков использовать вьющиеся волосы [20].

Но в 1835 году в голову Джона Тёрстона пришла мысль о производстве бортов из нового вещества – каучука, содержащегося в млечном соке некоторых деревьев. В том году по заказу Тёрстона были произведены новые борта лондонской компанией *Hancock and Co*. Они были сделаны из чистого природного каучука, «естественного продукта дерева», – как сказал Клиффорд, – «суженного в листы толщиной, составлявшей одну шестнадцатую часть дюйма» [21]. Борта представляли собой слои из полос листового каучука. Однако, в течение последующих десяти лет новый материал не был безоговорочно признан людьми, имевшими отношение к бильярду. Как говорили, даже у самого Тёрстона были сомнения в обеспечиваемой им точности, но некоторые игроки (вероятно, это были те, кого можно называть новичками) были восхищены доселе невиданной упругостью. Другие же (как правило – более внимательные профессионалы) горячо утверждали, что углы отражения от каучука не были так же точны по сравнению с войлочными бортами. Майкл Фелан сравнил прием, устроенный новым бортам, с приемом кия, на который «в его младенчестве нападали с той же самой надменностью и ослепленной желчностью, которая обнаруживается в дни представления других усовершенствований широкому обществу» [22].

На самом деле, и Фелан не был удовлетворен новыми каучуковыми бортами. Американский производитель столов Абрам Бассфорд (*Abraham Bassford*), экспериментировавший со стальными пружинами и бортами, заполненными воздухом, также попробовал применить и каучуковые борта, и они стали весьма широко использоваться в Соединенных Штатах до 1850 года. Фелан говорил, что господин Бассфорд «заслуживал оказания чести за продолжительные усилия, направленные на совершенствование бильярдного стола», и потому что «он был первым, кто внедрил вышеупомянутые борта в этой стране». Но Фелан чувствовал, что «действительно умелый игрок, которому быстрое перемещение шаров не приносит удовлетворения ... неизменно предпочитает матерчатые борта». И чтобы доказать это, он приводил мнения некоторых лучших американских игроков того времени. В 1850 году на столах в нью-йоркской бильярдной Фелана были установлены борта из ткани [23].

Но, как сказал Авар: «Наполнение – был ли это конский волос, пух или шерсть – редко было равномерным. Из-за этого борта не были похожи друг на друга по всей их длине» [24]. И, согласно американскому автору книги *The Rise and Progress of the Game of Billiards*, – «материалы старых бортов требовали, чтобы их сумасбродная высота препятствовала вылету шаров за пределы стола при каждом ударе» [25]. (Эта совсем небольшая брошюра имела, в основном, рекламную направленность и была написана Феланом совместно с Хью Коллендером (*Hugh Collender*); прим. пер.) Каучук был, по крайней мере, способен к отражению шара под предсказуемым углом по всей его длине, и новые борта широко распространились. Все больше и больше лучших столов Тёрстона стали ими оборудоваться после того, как первый стол с каучуковыми бортами был отправлен на Греческий остров Корфу [26]. В частности, изготовленный в 1838 году для королевы Виктории стол, имел именно такие борта.

Но у новых бортов были и свои недостатки. В то время как угол отражения от старых наполненных бортов имел тенденцию к расширению (в сторону к более тупым углам), новые каучуковые борта часто отражали шар с зауженными (более острыми) углами. Для игроков тех лет широкое отражение от старых бортов было «медленным», а острые углы отражения от каучуковых бортов делали их «быстрыми». Недаром, Фелан говорит о «необычайной скорости каучуковых бортов» [27]. Кроме того, после продолжительной эксплуатации каучуковые полосы могли ломаться, а их эластичность могла варьироваться в зависимости от того, насколько они были растянуты.

Однако, самым неблагоприятным изъяном была зависимость свойств каучука от климата. Автор книги *Billiards Made Easy*, скрывавшийся под псевдонимом «*Winning Hazard*» (это был некто Альберт Де Вере – *Albert De Vere*; прим. пер.), предупреждал:

«Чтобы нанести свой удар сильнее или слабее, игрок должен основательно выяснить состояние каучука – эластичен ли он или нет. Свойства бортов значительно варьируются в зависимости от погоды, и удар, который возможен утром, когда борта находятся в нормальном состоянии, может быть практически невыполнимым вечером, когда они размягчились из-за высокой температуры в комнате» [28].

Авар отмечал, что «Каучуковый борт, превосходно проявляющий себя при тёплых климатических условиях, становится твердым в течение долгих зим и теряет всю свою эластичность. Необходимо предпринять целый ряд мер предосторожности, чтобы гарантировать, что у бортов бильярдного стола, установленного в конкретном месте, будет желанная степень эластичности» [29]. А Фелан, заручившись удобной перспективой оценки спустя несколько лет после того, как борта были различными способами улучшены, жаловался на каучук, используя несколько преувеличенные сравнения: «В морозную погоду он становился настолько же твердым, как и непреклонный демократ ... в то время, как в знойные летние дни каучук расплавлялся и принимал консистенцию теста для выпечки» [30]. В то время, когда центральное отопление и охлаждение были неизвестны даже в Виндзорском замке, климат бильярдной комнаты мог влиять на борта так, как было указано выше.

Для нагрева холодных бортов, нуждавшихся в восстановлении их эластичности, применялись различные подходы. Можно было использовать разогретый утюг или

горячие мешки с песком; помимо этого, с низкой температурой можно было справиться, демонтировав борт, «установленный на разборной основе, позволяющей отделить его и поместить около огня, когда он становится слишком твердым» [31]. Но фирма Тёрстона разработала иной способ. В 1838 году стол, поставлявшийся королеве Виктории, впервые оснастили комплектом металлических нагревательных трубок, в которые можно было залить горячую воду для повышения температуры каучука. В описании Тёрстона есть рисунок с изображением «цинковых труб, предназначенных для заполнения горячей водой и располагаемых на столе вдоль рабочей кромки борта непосредственно перед началом игры, чтобы размягчить его и восстановить упругость» [32]. Даже вместе со всеми приспособлениями, каучуковые борта были в некотором смысле усовершенствованы. Однако, претензии к бортам все еще поступали. В частности отмечалось, что даже каучук не препятствует погружению шара в борт при соударении, в силу чего перспектива обеспечения правильных углов отражения становится «абсолютной невозможностью». В лучшем случае, углы были «более острыми, чем правильными» [33]. Мастера и конструкторы бильярдного бизнеса продолжали прикладывать свои усилия к разработке лучших изделий. Как позже высказался Авар, удалось осознать, что «правильность, обеспечиваемая бортами, не менее важна для точности игры, чем идеальная гладкость игровой поверхности» [34].

Прошло семь лет, прежде чем борта были существенным образом усовершенствованы. В этот период [Томас Хэнкок](#) (*Thomas Hancock*) разработал процесс, известный под названием «вулканизация» и состоящий в нагреве природного каучука и соединении его с серой для получения более стойкого к изменениям температуры вещества – резины. *(Считается, что изобретателем вулканизации является американец Чарльз Гудьир (Charles Goodyear). Однако, как выясняется, независимо от него над этой же проблемой работал и английский изобретатель Томас Хэнкок. И именно Хэнкок первым получил патент на этот открытый процесс; произошло это 21 ноября 1843 года, то есть на восемь недель раньше, чем Гудьир получил свой патент в Америке! Прим. пер.)* В 1845 году Тёрстону была выдана патентная грамота, разрешающая производить бильярдные борта из новой вулканизированной резины, а королева Виктория стала обладательницей первого комплекта новых «запатентованных резиновых бортов», которые по заказу Тёрстона сделала компания *Hancock Company*. *(То, что мы называем «каучуком», англоговорящие люди именуют «India-rubber» – индийская резина. А вот слово «саутчоус», которое и произносится, как «каучук», для них поначалу обозначало именно резину. Но вообще-то, «саутчоус» является туземным индейским названием природного каучука. Поэтому до сих пор наблюдается некоторая мешанина понятий. В частности, первые запатентованные резиновые борта Тёрстона по-английски назывались «Patent Saoutchouc Cushions». Ясно, что они были вовсе не каучуковые, однако же слово «Саутчоус» в названии присутствует. Прим. пер.)*

Затруднения с бортами были, в сущности, преодолены. Мало того, что новая резина была стойкой к изменениям климата, было экспериментально выяснено, что она оказалась ещё и более точной в смысле углов отражения. Перепроектируя американский бильярдный стол (с внесением многочисленных существенных изменений), Фелан разработал вулканизированный комбинированный борт. В 1856 году был получен патент на этот двухслойный борт – «упругий, но твердый с

внешней стороны, и более мягкий в заднем слое» [35]. Французские промышленники несколько затянули с переходом на резиновые борта, но в 1887 году француз Авар написал, что – «В течение приблизительно двадцати минувших лет, борта изготовлялись из резины» [36].

Во Франции, так же как в Англии и Соединенных Штатах, хозяева общественных бильярдных, должно быть, испытывали затруднения, связанные с частыми (но порой очень важными) изменениями в бильярдном оборудовании. После весьма ощутимых начальных расходов на стол, кии и шары, типичный владелец гостиницы отказывался совершать новые покупки лишь только из-за некоторого новомодного борта, или потому что утяжелённые кии вдруг стали популярными. Старый стол и оборудование были вполне пригодны для игры по-старому, и, помимо этого, у них было другое применение. В одной из сцен великого романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» (1857) представлены затруднения хозяйки общественного бильярдного стола, связанные с желанием не отставать от всех перемен.

«Да они мне все сукно изорвут!», – держа в руке половник и глядя издали на игроков, воскликнула госпожа Лефрансуа.

«Не беда», – заметил господин Оме, – купите новый.

«Новый бильярд?», – ужаснулась вдова.

«Да ведь этот уже еле держится, госпожа Лефрансуа! Я вам давно говорю: это весьма безрассудно содержать его в таком виде, госпожа Лефрансуа, очень безрассудно! Да и потом, игроки теперь предпочитают узкие лузы и тяжелые кии. Вообще все изменилось! Надо идти в ногу со временем!»

Хозяйка покраснела от злости ... «Сменить бильярд? ... На нем же так удобно раскладывать бельё, а когда начинается сезон охоты, на нем спят человек шесть!» [37].

На бильярдных столах, подобных принадлежащему госпоже Лефрансуа, спали и ели; их даже использовали в качестве операционных столов. Но растущее число серьезных и требовательных игроков повсеместно привело к необходимости иметь столы, не отстающие от времени, к которым проявляется самое деликатное отношение как со стороны владельцев, так и от посетителей.

Новый дизайн американских столов, разработанный Феланом, в значительной мере повлиял на серьёзные отличия современного бильярда в Америке и Англии. В 1860 году один из сторонников Фелана сказал, что уже в 1854 году бильярдный стол был «абсолютным бельмом на глазу». Борта «постепенно кренились в лузы» (как это до сих пор происходит на британских столах); из-за этого наклона не обеспечивался правильный угол отражения, и поэтому «большая часть поверхности с правильным отражением была для игрока потеряна». Кроме того, на каждой лузе были установлены декоративные железные скобы, и когда кожаное покрытие на них протиралось, наружу выступал «голый» металл, повреждающий шары, сделанные из слоновой кости. Борта были заполняемыми и имели настолько «несоразмерную высоту», что по шару, расположенному у борта, «необходимо было наносить удар почти вертикально расположенным кием». А углы отражения шаров были «более острыми, чем правильные углы» [38].

В 1855 году Фелан и Коллендер принялись за дело, и вооруженные запатентованным дизайном Фелана, уже в 1856 году начали выпускать новые столы. Они продолжали экспериментировать с резиновыми бортами, добиваясь от них «точности и долговечности»; отражением этой работы стали патенты, полученные в

1857, 1858, 1859 и 1860 годах. В окончательном виде стол существенно отличался по ряду аспектов от столов, выпускаемых Тёрстоном и другими британскими фирмами. Чтобы открыть игроку лучший доступ к шару, расположенному рядом с бортом, борта были понижены на половину дюйма. Растворы луз были уменьшены; наклонённые участки с каждой стороны лузного створа стали частью бортовой резины (её *оконечностями*; прим. пер.), а «уголки» на губах луз заменили приблизительно 2½ дюймовым постепенным скосом резины на каждой стороне луз старого вида. Как сказал Фелан, – «Борта резко обрываются под небольшим углом к лузе». Таким образом, скошенные области старых столов – приблизительно по пять дюймов у каждой из шести луз – стали поверхностями правильного отражения, которые могли использоваться в игре, совокупно добавляя столу 30 дюймов длины борта. Расположение бриллиантовых отметок и дужек луз было выверено по уровню поверхности стола. *(Действительно, это необходимо было сделать, ведь высота бортов существенно изменилась. И если бы положение бриллиантов осталось прежним, то их привычное использование для прицеливания приводило бы к значительным ошибкам. Дужки же тоже нужно было поставить правильно, иначе наработки Фелана по их усовершенствованию пошли бы прахом. Прим. пер.)* Борта представляли собой композицию двух слоёв вулканизировавшей резины – «соединение твердой лицевой и упругой задней частей», от которых требовалось, чтобы при соударении шар не погружался внутрь борта. Два слоя резины были «неотделимы друг от друга, хотя и отличались по плотности» [39]. Столешница была, конечно же, сланцевая, а стандартный размер игрового поля все ещё составлял 6 на 12 футов.

Журнал *Scientific American* ссылался на Майкла Фелана как на «выдающегося игрока и изобретателя запатентованных бильярдных столов и бортов», а книга Фелана о бильярдной игре смогла собрать восемь восторженных рецензий разных газет [40]. На судебном процессе по патентным нарушениям в конце 1850-х годов конкурент Фелана и Коллендера раздражённо отметил: «Фелан сделал почти все проданные столы» [41]. Таким образом, был рождён американский лузный бильярдный стол, а Фелана заслуженно назвали его прародителем. Его вклад в американский бильярд были практически так же важен, как и вклад Тёрстона в игру в Англии.

Конечно же, такие прогрессивные и процветающие фирмы, как компании Фелана & Коллендера и Тёрстона, оказывали сильное влияние на развитие бильярда после промышленной революции. Благодаря передовым технологиям, не только были усовершенствованы производственные операции, но и больше людей получили возможность на досуге наслаждаться таким развлечением, как бильярд. Способ производства, практически основанный на крупномасштабном использовании сланца и резины, был, возможно, элементарным, но необходимым. А позже мы увидим, что поиски заменителя слоновой кости для изготовления бильярдных шаров всерьёз повлияли на будущее технологии.

Но уже в 1860 году некоторые промышленники били себя кулаком в грудь, бахвалясь достигнутыми успехами. Публикация Фелана-Коллендера того года похвалялась, что «различные части» их столов были сделаны «машинами, специально построенными для этой цели, и тем самым гарантируется наивысшая точность»; там же высокомерно говорилось о «старомодном способе изготовления стола за шесть месяцев» [42]. Эта и подобные ей фирмы развивали методы массового производства, подобные тем, которые были приняты у Тёрстона за несколько лет до

этого. Промышленность проделала длинный путь, с тех пор как в 1605 году король Яков I заказал стол у «Генри Уоллера, нашего столяра»; возможно, это было первым письменно подтверждённым созданием английского бильярдного стола [43]. На самом же деле, промышленность проделала длинный путь, начиная с тех пор, когда сам Джон Тёрстон в 1814 году проживал над своей лондонской мастерской, располагавшейся в доме 14 по Кэтрин-Стрит, Стрэнд (14 Catherine Street, the Strand).

Коммерческий интерес распространялся не только на столы, но и на всё, что с ними было связано. Весьма удачный пример – бильярдное сукно. Приглашая в 1300-х годах в Англию искусных европейских ткачей, король Эдуард III стремился повысить качество грубой английской шерсти [44], и когда для бильярда потребовалось сукно, запад Англии стал поставщиком прекрасных шерстяных тканей. Клиффорд говорил, что до времён Шекспира на бильярдных столах ткани не использовались, и до начала семнадцатого века играли на «голом отполированном деревянном столе» [45]. Но на самом деле, мы знаем, что самые первые бильярдные столы, описанные во французских инвентарных ведомостях до 1500 года, были покрыты тканью. Например, в 1492 году дворянин во Франции заказал « $2\frac{3}{4}$ эля (эль – старинная английская мера длины; прим. пер.) светло-зеленой материи для того, чтобы изготовить письменный стол, накрыть его сукном, закрепить гвоздями, и чтобы на нём можно было играть в шары в комнате упомянутого господина». Даже ранний «трансформируемый» бильярдный стол, такой как этот, был покрыт тканью. Исследование инвентарных описей замка 1400-х и 1500-х годов, проведённое Анри Рени Д'Альманом, выявило по крайней мере два других покрытых сукном бильярдных стола, существовавших примерно в 1500 году. Для одного из них было нужно «3 эля светло-зеленой материи для покрытия стола размером приблизительно десять футов, чтобы тот служил для комнатной игры в шары». Другой, из инвентарной описи [Анны Бретонской](#) (Anne de Bretagne) от 1500 года, описан как «Стол для игры в шары, покрытый мягкой тканью коричневого цвета» [46].

И согласно рассказу Брантома о смерти Марии Стюарт, её обезглавленное тело было накрыто «куском грубого сукна [*morceau de drap de bure*], сорванным с её бильярдного стола» [47]. Вполне возможно, что даже самый первый бильярдный стол был покрыт сукном; в наземный бильярд играли не на гладкой поверхности, а на дёрне или траве, и зеленая шерсть или байка имитировала на столе зеленые газоны и корты для наземной игры. Вероятно, зеленые ткани, присущие несметному числу других настольных игр, своим видом обязаны бильярду. Безусловно, ткани превосходного качества были востребованы бильярдом давным-давно.

Озабоченность Коттона о наличии узелков в ткани является одним из ранних признаков критичной потребности в хорошем сукне. *Giljows* и фирма Тёрстона гордились высококачественным шерстяным сукном, устанавливаемым на их столах, и в течение девятнадцатого века в текстильных технологиях начались усовершенствования. Клиффорд прослеживает развитие от массивной шерстяной «ткани для конского снаряжения» до байки. Ворс на байке можно сделать таким, что поверхность выглядит гладкой, но при этом будет обладать стойким эффектом захвата шара; в начале девятнадцатого века лучшая шерсть была довольно дорога [48]. Отчеты *Thurston Company* показывают, что в 1820-х и 1830-х годах владельцы бильярдных дорожек заплатили за поврежденное сукно. В примечании Тёрстона от 9 августа 1837 года указано, что владелец бильярдной должен оплатить выполненную работу сотрудниками Тёрстона над «Изящным рисунком [оплата за починку] – более

чем 100 дырок в сукне», сделанных полными энтузиастами игроками, у которых кии имели примитивные наклейки [49]. «Высококачественные шерстяные ткани с запада Англии стали универсальными при игре в важных матчах», – говорил Клиффорд, но были слишком дорогостоящими для повсеместного применения. Клубы или общественные бильярдные за пределами Лондона были в особенности склонны к экономии за счёт использования грубых, толстых тканей. «Такие различия часто отнимали у многообещающего любителя шанс на победу. Он старательно упражнялся на сравнительно толстой ткани в своём клубе или общественной бильярдной ... а приезжал в Лондон или другой крупный город ... лишь за тем чтобы, ещё даже не выполнив удара, обнаружить, что был безнадежно бит быстрым и незнакомым сукном» [50].

Но совершенствование технологии быстро сделало лучшие ткани менее дорогими и более долговечными. Например, хорошие ткани из Йоркшира и Страуда (*Yorkshire; Stroud*) пропускали между стальными валиками, за счёт чего длинный ворс коротко «скашивался» [51]. Старинные компании, такие как *Iwan Simonis* из Бельгии, начали производить ткани полностью из шерсти лучших австралийских овец мериносов, применяя валяние [52]. Даже сегодня для каждой из различных разновидностей игры применяется своё – несколько отличающееся от других – сукно. «Например, поборникам игры «*Balking*» (*Balking или Balkline Billiards – группа бильярдных игр карамбольного типа; прим. пер.*) требуется тонкое шерстяное сукно, а другие типы сукна обладают гладкой поверхностью, практически не препятствующей качению шаров, что особенно важно в игре 'трёхбортный карамболь'. Для тренировок применяются ткани потолще». Эти уточнения описаны современным производителем ткани [53].

Таким образом, начиная со второй половины девятнадцатого века, игроки могли рассчитывать на то, что найдут хорошее сукно, когда бы того ни пожелали. Темно-зеленое пространство гладкого сукна всегда было важным элементом эстетической привлекательности, также как и наука о бильярде, и связь между сукном и зелеными газонами наземного бильярда – прямая. «Ткань для бильярдного стола», – сказал Клиффорд, – «всё равно, что великолепный дёрн для крикета» [54].

Ссылки на источники в главе 10

1. Sir John Squire – «History of Billiards», в каталоге *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities* (London: Billiard Association and Control Council, 1940), p.11.
2. На мысль о сотрудничестве навёл W.G.Clifford – *Billiards Through the Centuries* (London: Printing Craft Ltd., circa 1933), p.9.
3. По поводу даты есть некоторые разногласия. 1826-й год указан в публикации Тёрстона *The Noble Game of Billiards* (London: Thurston & Co., circa 1908), p.5.
4. J.Marsden – *Billiard Tables Past and Present* (Liverpool: Andrew Russell, 1883), p.95.
5. Sidney Gillett – *The Earlier History of Billiard Tables & Accessories, As Seen from the Sales Journals of John Thurston 1818-1843* (London: Thurston and Co. Ltd., 1943), p.9.

6. Norman Clare – «*The Design and Construction of Billiard Tables and Their Accessories*» [неопубликованное наставление, 1970], p.5.
7. Gillett – *Earlier History*, p.9.
8. Major W.Broadfoot – [*Billiards*](#) (London: Longmans, Green, & Co., 1896), p.73.
9. Gillett – *Earlier History*, pp.9-10.
10. Там же, стр.5.
11. Там же, стр.7.
12. Там же, стр.8.
13. Там же.
14. Там же, стр.5.
15. Henry G. Bohn, ed. – [*Bohn's New Handbook of Games*](#) (Philadelphia: Henry F. Anners, 1850), p.544.
16. «Billiard» – [*La Grande Encyclopedie*](#) (Paris: H.Lamirault, 1888), VI, 845.
17. Henry Havard – [*Dictionnaire de l'Ameublement et de la Decoration*](#) (Paris: Maison Quanten, 1887), p.314.
18. Marsden, pp. 95-101.
19. Gillett – *Earlier History*, p.13.
20. Marsden, p. 94.
21. Clifford, p.14.
22. Michael Phelan – [*Game of Billiards*](#), 4th ed. (New York: Phelan and Collender, 1858), p.30.
23. Michael Phelan – [*Billiards Without a Master*](#) (New York: D.D.Winant, 1850), pp.118-121.
24. [Havard](#), p.315.
25. [*The Rise and Progress of the Game of Billiards*](#) (New York: Phelan and Collender, 1860), p.6.
26. Gillett – *Earlier History*, p.13.
27. Phelan – [*Game of Billiards*](#), p.37

28. «Winning Hazard» – [Billiards Made Easy](#) (London: Houlston and Sons, circa 1860), p.71.
29. [Havard](#), p.315.
30. Phelan – [Game of Billiards](#), p.38.
31. [Havard](#), p.315.
32. Gillett – *Earlier History*, p.14.
33. [Rise and Progress](#), p.7.
34. [Havard](#), p.315.
35. Phelan – [Game of Billiards](#), p.254.
36. [Havard](#), p.315.
37. Gustave Flaubert – *Madame Bovary*, translated by Lowell Bair (New York: Bantam, 1959), p.64.
38. [Rise and Progress](#), pp.6-7.
39. [Там же](#), стр.8, 34.
40. [Там же](#), стр.88-89.
41. [Rise and Progress](#), p.8.
42. [Там же](#), стр.7.
43. Quoted by Clifford, p.6.
44. Gordon Home – *Medieval London* (London: Ernest Benn Ltd., 1927), p.277.
45. Clifford, p.17-18.
46. Henry Rene d'Allemagne – [Sports et Jeux d'Adresse](#) (Paris: Librairie Hachette, 1903), p.232.
47. Le Seigneur de Brantome – [Vies des Dames Illustres](#) (Paris: Gamier Freres, 1873), p.139. Translation: [The Lives of Famous Women](#) (London: Arthur L. Humphreys, 1908), pp.109-10.
48. Clifford, p.17-18.
49. Gillett – *Earlier History*, p.20.
50. Clifford, p.19.

51. [Broadfoot](#), p.77.

52. «The Manufacture of Billiard Cloth» (New York: Henry T. Mali & Co., circa 1971), n.p.

53. Процитировано из рекламной брошюры компании *Societe Anonyme Iwan Simonis* (Established 1680), Verviers, Belgium, 1935, n.p.

54. Clifford, p.16.

Глава XI

Кии и шары

По мере того, как век набирал обороты, использование кия все больше и больше походило на изобразительное искусство, а его возрастающая значимость отражалась во все большей заботе, которую бильярдная промышленность проявляла по отношению к нему. Кии стали оснащать недавно изобретёнными кожаными наклейками, а для утяжеления и упрочнения конструкции в турняк начали добавлять деревянные склейки внахлест. Появились «портативные» или разборные кии, которые можно было использовать как прогулочные трости, кии с нанесёнными на них с линиями визирования, а также декоративные футляры, предназначенные для двух и больше киев. Пристальным вниманием промышленности не был обделён даже мел, использовавшийся для обработки наклеек. И способы обращения с кием по ходу века медленно эволюционировали к современному виду.

Согласно самым ранним из имеющихся документов *Thurston & Co*, к 1818 году компания начала поддерживать важную инновацию девятнадцатого века – кии с кожаной наклейкой. Читаем единственную запись в журналах продаж компании за 25 января 1818 года: «Установка наклейки на кий, 6 пенсов» [1]. Это – первая запись в журналах Тёрстона, относящаяся к кожаным наклейкам, хотя наклейки, возможно, и были внедрены одиннадцатью годами ранее. В течение последующих пяти лет фирма Тёрстона в основном занималась установкой наклеек на кии, присылаемые её клиентами, а киев с предварительно изготовленными наконечниками было продано вовсе немного. Для переустановки наклеек, клиенты из всех уголков страны присылали кии в больших количествах. Запись от января 1832 года в счёт Клуба Путешественников гласит: «чистка и установка наклеек на 68 киев».

В феврале 1823 года экспортный заказ включал «половину шкуры с подошвенной кожей для наклеек и киев» и «круговой пробивной пресс». Наклейки в то время представляли собой круглые кусочки, «высеченные» из прочной кожи. Согласно записи, первая двуслойная кожаная наклейка Тёрстона была продана в октябре 1828 года: «Установка на кий двойной наклейки из буйволового кожи». Такие игроки, как Кентфилд, предпочитали единственный слой кожи; но, по словам Кентфилда, если использовать двойную наклейку, то «внутренний слой должен быть твёрдым, а наружный – мягким» [2]. Первая французская наклейка была продана фирмой Тёрстона в августе 1838 года. В своей книге 1850 года Фелан изложил подробные инструкции относительно того, как установить наклейку на кий, приклеивая кожаный кружок адгезионным воском, а затем опиливая излишки. (*Здесь не следует верить*

автору, ведь на самом деле об этом Фелан говорил [во второй своей книге](#) (см. стр.51), а не в первой, как утверждает Хендрикс. Прим. пер.)

Позже, наконечники некоторых киев оснастили муфтами с медными винтами: «Преимущество этого замысла состоит в том, что если наклейка изнашивается, игрок может открутить три или четыре винта с плоской головкой, просто поменять наклейку и снова закрутить винты». Разборный кий с дополнительным shaft позволяет посетителю загородного дома заменить изношенный наконечник, и делает его «практически независимым от местных киев и местных наклеек» [3]. Но другие английские источники даже в конце века свидетельствовали, что с наклейками все ещё оставались некоторые проблемы. Клиффорд говорил, – «Наклейки киев ... весьма далеки от того, чтобы настоящие первоклассные профессионалы испытали удовлетворение, поставив действительно безотказную наклейку на свой кий» [4]. В 1896 году майор Бродфут отметил в своей книге *Billiards*, что большинство наклеек в те времена были сделаны за границей [5], а Чарльз Робертс (*Charles Roberts*) в своей книге писал, что «по сей день все или почти все наклейки привозят из Франции» [6].

Мел, которым обрабатывали кожаные наклейки, также получил от бизнеса определённое внимание. Первое письменное упоминание об использовании мела на наклейке кия можно найти у Уайта, но такая практика должно была быть довольно распространённой к тому времени, когда Карр сбывал свой порошкообразный белый мел в коробочках для пилуль в качестве секрета его закручивающих ударов. Очевидно, Тёрстон не продавал мела до 1828 года, в котором запись учётного журнала упоминает «пакет с подготовленным мелом» – вероятно, порошкообразным [7]. В течение многих лет поступали жалобы на неприглядные следы на сукне от белого мела, «оставляющего стол в грязном состоянии» [8], и в ноябре 1828 года Тёрстон впервые продал «какой-то голубой мел для киев». Вероятно, его фирма входила в число самых первых компаний, поставивших такой цветной мел, не портящий внешний вид сукна. В 1834 году Тёрстон продавал мел в коробочках из слоновой кости, а в 1839-м – в коробках, вмещавших дюжину кусков. В мае 1843 года в продаже впервые появился зелёный мел [9]. Фелан говорил, что мел должен быть «полностью свободным от крупинок, грязи и жира», чтобы помогать игроку избегать киксов. А другой писатель предупреждал, что зернистый мел был губителен для наклеек киев. «Независимо ни от чего, мел не должен быть сальным, ведь за самое короткое время он делает наклейку лоснящейся ... Большой секрет мела заключается в том, что он должен быть сухим» [10]. В 1863 году Фелан и Коллендер продавали чашечки, в которые можно было положить мел в виде маленьких кубических или цилиндрических кусочков – чтобы владельцы бильярдной могли видеть, что «в каждой чашке есть в наличии мел» [11].

Для покупателей в изобилии были доступны различные кии с установленными наклейками, отличающиеся друг от друга древесиной, конструкцией турняка, длиной, массой и балансом. «Человек может выбрать кий, изготовленный практически из любой древесины, которую он только может себе представить» [12], – сказал Клиффорд. Тёрстон выставлял на продажу кии, сделанные из «груши, бразильского дерева, атласного дерева, липы, крабового дерева, гикори, тика» и даже из столбов каретной почты. Нередко shaft кия был изготовлен из одного вида древесины, а турняк был склеен из другого. Например, в отчете о продажах за 9 мая 1832 года значится:

Липа с турняком из красного дерева
Липа с турняком из пепина шафранного
Липа с турняком из глазкового клёна
Ясень с бамбуковым турняком
Красное дерево с эбеновым турняком [13].

В типичном заказе можно прочесть: «3 самых превосходных кия, роскошно инкрустированных изысканной древесиной и жемчугом, с выгравированным по-французски именем &c., отполированные, и ящик из красного дерева для них» за немногим более шести фунтов. Турняки многих киев были инкрустированы слоновой костью. В 1829 году фирма Тёрстона изготовила разборные кии, у многих из которых имелись «чёрные полосы для прицеливания, вставленные в наконечник» или «чёрная прицельная линия, установленная посередине». Другая запись от 1830 года описывает «превосходный французский портативный кий, сконструированный так, чтобы превращаться в трость» стоимостью два фунта. Первый кий Тёрстона, оснащенный свинцовым грузом (две унции в турняке), был продан в 1833 году [14]. Для обеспечения баланса и прочности, а также для противодействия искривлению, был разработана специальная конструкция турняка [15].

Однако, в Англии и в Америке кии в основном изготавливались из хорошо высушенного [белого ясеня](#) – «довольно жесткого и с совсем небольшим содержанием остаточной влаги» (хотя, согласно Норману Клэру, в наши дни наиболее распространён канадский клён [16]). Фирма Тёрстона могла утверждать, что её основной мастер-киевщик работал в компании в течение сорока пяти лет. Компания заявила, – «Несмотря на возраст, глаз у него не затуманился, а рука при этом не утратила своей сноровки». Перед ним его отец также работал на производстве киев в *Thurston & Co*, и за 94-летний период с 1814 по 1908 год фирма наняла лишь трех мастеров. Обстановка на фабрике была впечатляющей:

«Леса грубо округлённых брусков проводят первые несколько лет своего существования в просушке и укреплении. Все кии в зачаточном состоянии стоят подряд вертикально и не вплоты к соседу, чтобы воздух мог свободно циркулировать вокруг» [17].

Длина киев, регулярно применяющихся в игре (без учёта длинных турняков, используемых для специальных ударов), была заключена в интервале от 4½ до 5½ футов. Масса лёгкого кия составляла где-то 14 унций, а кии тяжелее 20 унций встречались крайне редко. Обычной была масса от 16 до 16½ унций. Типичные наклейки в Англии имели полдюймовый диаметр, хотя позже в этом веке встречались наклейки размером от одной трети до половины дюйма. Фелан указывал длину американских киев от 5 до 5½ футов – несколько больше, чем в наши дни. Диаметр наклеек составлял примерно четверть дюйма, и Фелан рекомендовал, чтобы кий весил в 2½ раза больше шара с типичной массой от шести до семи унций [18]. *(Указанные выше автором параметры я пересчитал в привычные нам величины и привел в следующей табличке. В неё же для сравнения включил некоторые известные мне данные по России, а также параметры шаров, приведённые автором ниже. Прим. пер.)*

	Англия	Соединённые Штаты	Российская Империя
Длина кия, см	135 ÷ 170	150 ÷ 170	160 ÷ 170
Масса кия, г	450 ÷ 470	420 ÷ 500	
Минимальная масса кия, г	400		510
Максимальная масса кия, г	570		
Диаметр наклейки, мм	8.5 ÷ 13	6.4	
Диаметр шара, мм	50.8 ÷ 52.4	57 ÷ 63.5	67 ÷ 72
Масса шара, г	130 ÷ 150	190 ÷ 255	300 ÷ 370

До середины века сохранялась мода на выполнение некоторых ударов подобно тому, как это раньше делали мазиком (то есть, толкая) – торцом турняка. Например, книга *Bohn's New Handbook* в 1850 году указала, что в особых случаях вместо наклейки допустима игра турняком, и установила, что «торец турняка должен выйти из контакта с шаром, прежде чем тот соприкоснется с другим шаром» [19]. Подобные условия содержались и в книгах Фелана, а в *Billiards Made Easy*, изданной приблизительно в 1880 году, все ещё признавалось, что «игрок может использовать турняк, то есть выполнять удары этой стороной своего кия» [20]. Для использования в игре, турняки киём обычно делались плоскими с одной или обеих сторон (*такие плоские области на турняхках в наши дни называют «лысками»*; прим пер.); иногда, подобно наклейкам, они покрывались кожей, как это было сделано на кие, проданном Тёрстоном в июле 1829 года:

«Высокоцитимому лорду Хоуик, поистине превосходный кий из оксандры ланцетолистной, обрамлённой черным эбеном, сглаженный с обеих сторон турняка и покрытый кожей – с вмонтированной линией визирования из слоновой кости» [21].

Поскольку позднее в этом веке турняком стали играть реже, получило распространение сглаживание турняка лишь с одной стороны, а в конце века лыска часто использовалась лишь как место для именной таблички из перламутра или слоновой кости. Но игра развивалась не в сторону применения толкающих ударов. В 1890-х годах был раскритикован даже приём «нянчания» (*nursing*) шаров вдоль борта за счёт слабых толчков наклейкой. Согласно Бродфуту, в 1896 году подталкивание шара было уже незаконно везде, кроме Англии [22], и на рубеже веков Ассоциация и Совет Управления Бильярда Англии запретил все виды ударов толчком. Когда удары толчком оказались вне закона, лыска на турняке (которой скользили на поверхности стола, как мазиком) исчезла, кроме тех случаев, когда её предусматривали для декоративных целей.

Техника выполнения ударов киём по шару также претерпевала постепенные, но существенные изменения. Согласно рекомендациям Уайта по нанесению удара киём, в начале века общепринятой была практически вертикальная игровая стойка, и ударное движение производилось всей рукой, как это требовалось при игре мазиком. Игроки, изображённые на фронтисписах книг *Billiard Player's Handbook* (1847) и *Bohn's New Handbook* (1850), все еще выполняют удары по шару в довольно вертикальном положении, и такая же стойка изображена в книге *Billiards* Джозефа Беннетта за 1873 год. Подобно Уайту, описание ударного движения из книги Бона рекомендует: «Удар необходимо наносить свободно от плеча» [23]. (В книге Бона также есть раздел, посвященный тому, как располагать опорную руку на столе, чтобы сформировать мост для кия – рекомендации Бона значительно расходятся с предостережениями Хаулитта, сделанными в 1684 году: «Будьте осторожны, чтобы при ударе не положить руку на стол, не позволяйте своему рукаву волочиться по нему, если Вы так делаете, то это – нарушение» [24].)

Но развитие удара кием можно более ясно проследить по книгам Майкла Фелана. В *Billiards Without a Master* (1850 год) изображенный джентльмен (играющий с леди, вооружённый мазиком) держит свой кий, находясь в вертикальной стойке и наклоняясь немного вперед. В книге описана правильная техника: «Не держите свой кий слишком плотно; и при нанесении удара не играйте от локтя, а используйте целую расслабленную руку от плеча вниз». Но Фелан отмечает, – «Правильные положения ... постоянно изменяются» [25]. К тому времени, когда в 1863 году вышло пятое издание книги *Game of Billiards*, Фелан критиковал тех, кого он назвал «рубящими с плеча» (*shoulder-hitters*). Он говорил, что кий необходимо держать горизонтально, а «ударное движение должно быть выполнено рукой, и в основном – более низкой её частью» [26]. Это – явная тенденция к апробированному на сегодня маятниковому движению, при котором плечо остается параллельным поверхности стола, а движение совершается предплечьем. В конце века маятниковый принцип стал основным для большинства ударных движений. Инструкции Дадли Понтифекса (*Dudley Pontifex*) для книги *Billiards* Бродфута, изданной в 1896 году, предполагают значимость «свободного поворота маятника, столь существенного для точной игры» [27]. На иллюстрациях в книге изображены игроки – дамы и господа – наносящие удары по шарам в современной низко наклонённой над столом стойке, позволяющей лучше прицеливаться и лучше управлять кием. Дам изобразили играющими киями, а не мазиком или «кием для леди», как его называли в книгах Фелана.

Эти постепенные перемены в использовании кия произошли не только от изменений физических свойств ударного инструмента и от появления кожаных наклеек и мела. Они отразили все изменения в игре – например, более правильные столы, сукно и борта – которые происходили в течение многих веков, чтобы продвинуть её к точности и красоте.

Последнее в девятнадцатом веке важное совершенствование игровых аксессуаров было связано с шарами. Поскольку популярность бильярда стремительно возросла, быстро увеличился и спрос на шары из слоновой кости (и, попутно, на слоновую кость для других игровых аксессуаров). Кроме того, размер используемых шаров потихоньку увеличивался. До 1830 года стандартный диаметр шаров в Англии составлял $1\frac{7}{8}$ дюйма (эта величина приведена в книгах отработки компании *Gillows*; фактически же размер был немного больше – 1 и $15/16$ дюйма – для компенсации уменьшения шара при повторных шлифовках). После 1830 года Тёрстон поставлял со всеми столами двухдюймовые шары, и к концу века стандартный размер (как и размер английских бильярдных шаров в настоящее время) составлял 2 и $1/16$ дюйма [28]. В середине века Фелан упоминал американские бильярдные шары с несколько большим диаметром – от $2\frac{1}{4}$ дюйма (современный размер) до $2\frac{1}{2}$ дюймов [29].

Однако, поставки слоновой кости истощались. Согласно одному из первоисточников, – «Для производства шаров пригоден лишь один вид бивня – тот, который принадлежит слонихе, а размер бивня ... полностью определялся требуемым размером шара – поскольку важно добиваться сокращения отходов слоновой кости». Изготовление шаров требовало поразительно много слоновой кости – полая часть бивня (*в его основании; прим. пер.*) была бесполезна, а передняя часть была тонка. После середины столетия можно было сказать, что «хороший комплект шаров из слоновой кости – дорогостоящая роскошь» [30]. В 1863 году Майкл Фелан говорил почти то же самое о слоновой кости, уже становящейся дефицитной и

дорогостоящей. Описывая лучшие шары, Фелан сказал, что они изготавливаются из «слоновой кости, привезённой с острова Цейлон», и продолжал: «Однако, они чудовищно дороги, и если бы какой-то гениальный изобретатель смог отыскать заменитель слоновой кости, то нажил бы целое состояние» [31].

На самом деле, в течение некоторого промежутка времени предпринимались различные попытки в поисках замены. В музее парка Ноул (графство Кент, Англия) есть большой бильярдный шар (диаметром 3½ дюйма – почти 89 мм; прим. пер.), который, как полагают, был сделан из «камня коуд» – композитного материала, с которым экспериментировали в 1820-х годах. Намного позже кто-то в шведском Стокгольме внедрил полые шары из литой стали (с толщиной стенок, составлявшей одну шестнадцатую часть дюйма), которые, как считалось, были одинаковы по весу с шарами из слоновой кости [32]. Чтобы дополнительно простимулировать поиски, в Америке представители бильярдной промышленности предложили вознаграждение в размере 10000 долларов. В 1865 году изобретатель из Нью-Йорка со скудным успехом испробовал шары, сделанные из слоёной ткани, покрытой шеллаком и порошком из слоновой кости. Три года спустя он всё ещё без успеха пробовал конструировать шары из бумажной массы и шеллака [33]. Звали его Джон Уэсли Хайятт (*John Wesley Hyatt*).

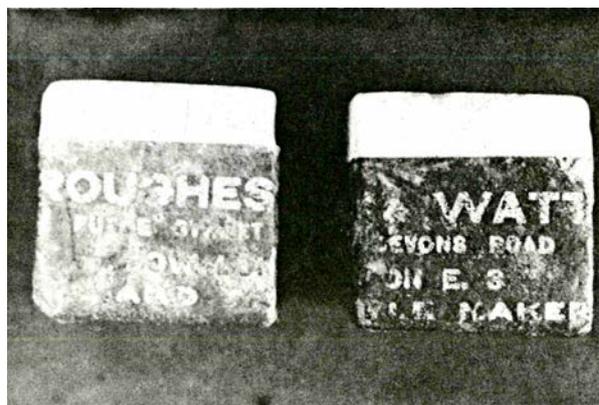
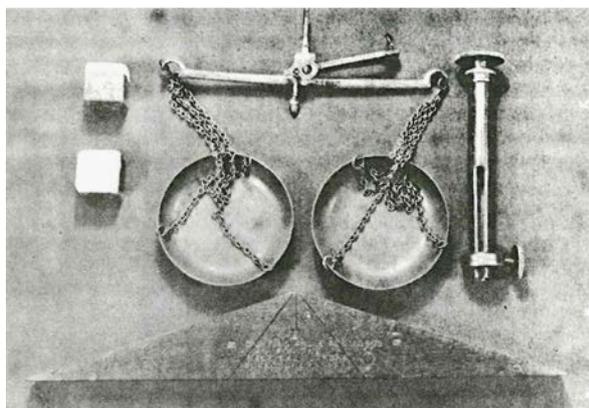

Иллюстрация 12. Английские бильярдные аксессуары девятнадцатого века. Весы для страховки от того, что шары из слоновой кости будут различаться по массе. Шаблон для определения углов при выполнении ударов. Приспособление для придания наклейке шероховатости. Белый бильярдный мел (приблизительно 1870 год), изготовленный компанией *Burroughs & Watts* из Лондона.

Но в 1868 году Хайятт и его брат Исаак (почему-то американцы любят произносить это имя как *Айзек*; прим. пер.) начали экспериментировать с раствором, названным коллодием (нитроцеллюлоза, камфора и спирт), который печатники наносили на свои пальцы, чтобы защитить их от микро-порезов. Хайятты обнаружили, что при высыхании раствор затвердевает, и при определенных условиях высоких температур его можно было заставить принять форму сферы, которая после сушки была достаточно тверда, чтобы использоваться в качестве шара [34]. В 1870 году, воспользовавшись торговой маркой «целлулоид», братья запатентовали свой процесс и вещество, ставшее первой в мире коммерчески успешной синтетической пластмассой. Оно использовалось компанией Хайяттов *Albany Billiard Ball Company* при изготовлении клавиш для фортепьяно, ручек ножей, зубных протезов и бильярдных шаров, которые, как и предполагалось, имели вес,

плотность, упругость и внешний вид (когда были должным образом покрашены) шаров из слоновой кости.

Иллюстрация 13. (А) Часть кропотливо изготовленного эбенового кия (Англия, примерно 1829 год) с замысловатой декоративной инкрустацией. (В) Укрупнённый вид мифологической фигуры, инкрустированной в турняк. (С) Окончание турняка с цветочными инкрустациями. (D) Другой вид того же самого турняка. Треугольный кусок инкрустированной древесины сглажен для скольжения по сукну как головка мазика, когда для использования кий переворачивается другим концом. Этот кий обладает двумя сглаженными частями турняка – лыской для игры подобно мазику и торцевым концом, покрытым кожей (который применяется при выполнении толкающих ударов).

Кроме того, шары из целлулоида воспринимали придаваемое им боковое вращение, хотя и некоторые игроки, включая чемпионов, утверждали, что без натуральной зернистости слоновой кости шары были менее восприимчивыми к незначительному, но важному эффекту сцепления с наклейкой кия. Зернистость костяного шара могла

также заставить его перемещаться по сукну несколько иначе. Поэтому, многие игроки продолжали использовать в качестве битка свои бильярдные шары из слоновой кости (но не для начального удара в партии) в сочетании с композиционными прицельными шарами. На рубеже веков настроения писателей наводили на мысли о неохотном и грустном отказе от слоновой кости. Майор Бродфут указывал, что синтетические шары, по крайней мере, так же заслуживали доверия по характеристикам отражения, как и шары из слоновой кости. Он соглашался, что «они отражаются под углом, немного отличающимся от угла, характерного для слоновой кости – то есть, отражаются слегка 'перпендикулярней'. Но самые несогласные забывают, что комплекты шаров из слоновой кости значительно варьируются по тем же самым признакам». Кроме того, синтетические шары обладают «по крайней мере, достоинством дешевизны», – сказал он, и «для игры в Пул и Пирамиды они дают огромную денежную экономию» [35].

Неизвестно, получил ли Хайятт вознаграждение в размере 10000 долларов, которое обещала бильярдная промышленность [36]. Но его вклад в бильярд не ограничился шарами из целлулоида. Помимо этого, он изобрел токарный станок для обточки сфер, который «превращает шар с вмятинами или рубцами в сферу максимально возможного размера со всеми устраненными недостатками поверхности» [37]. В 1973 году Бильярдный Конгресс Америки (*Billiard Congress of America*) отметил большие заслуги Хайятта, введя его двенадцатым членом в Бильярдный Зал Славы (*Billiard Hall of Fame*) [38]. Как бы то ни было, шары из целлулоида имели небольшие недостатки. «Они были склонны к загрязнению, и собирали на своём пути любой мусор», – сказал Бродфут [39]. А ввиду того, что целлулоид был чрезвычайно огнеопасен, игроки иногда немного волновались, узнав что шар, по которому был нанесён слишком сильный удар, мог взорваться. Целлулоид был вовремя заменен менее опасными веществами, но указал более или менее прямой путь к современной технологии производства пластмасс, к литой смоле и литым фенольным шарам, практически всецело используемым сегодня. (Интересно отметить, что композиционные шары, хотя и должны были претерпеть многочисленные изменения, прожили целый век; последние из них были сделаны в 1968 году. Прямо перед второй Мировой Войной с помощью превосходного технологического способа, открытого немецким инженером, была изготовлена белая жидкая фенольная смола. Формула была передана в английский филиал компании *Albany Billiard Ball*, сотрудники которой помогли инженеру сбежать из нацистской Германии. Вскоре после войны формула позволила нью-йоркской компании начать замену композиционных шаров новыми литыми шарами из фенольной смолы, использующимися в наши дни [40].)

Одной из ранних разработок на основе целлулоида был композиционный шар из бонзолина и кристалита (*bonzoline; chrysalate*), созданный в Англии приблизительно в 1893 году. «Композиционные бонзолиновые шары почти не отличаются от шаров из слоновой кости по внешнему виду, плотности, упругости и общему поведению на столе», – признаёт публикация Тёрстона [41]. «Поначалу они перемещаются весьма правильно, но ближайшее время покажет, будет ли это обуславливаться их износостойкостью», – говорил Бродфут, – «и они кажутся менее подверженными температурным изменениям, чем костяные шары». Но он сетовал на то, что они обладали тем же самым свойством притягивать загрязнения [42]. Согласно сэру Джону Сквайру, к 1919 году началась «супер-переуступка прав от исторического шара из слоновой кости композиционному шару. Слоновая кость стала дефицитной

и дорогой. Многие игроки сожалели о её исчезновении. Но думается, что едва ли об этом сожалели слоны» [43].

Минули времена, когда «для того, чтобы снабдить Великобританию бильярдными шарами, ежегодно уничтожалось 12000 слонов и утрачивалось множество человеческих жизней» [44]. Поиски заменителя слоновой кости были наиболее критичными, потому что он был найден в то время, когда другие звенья игры уже достигли определённого качественного состояния. Любой заменитель не только должен был выглядеть и проявлять себя физически как слоновая кость, но ещё и должен был походить на неё издаваемым звуком. Эстетика бильярда долгое время критически отсекалась, и столы, которые словно скульптор изваял, самая прекрасная и самая гладкая зеленая шерсть, с любовью изготовленные кии, и «динь-дон» полого шара со стальной оболочкой, возможно, никогда не одобрялись. Нужно было другое – чтобы синтетические шары, подобно костяным, по словам одного из писателей, издавали «тот приносящий удовлетворение 'щелчок'» [45]. Даже сегодня некоторые игроки продолжают использовать биток из слоновой кости. (Но не для «разбоя пирамиды» в лузном бильярде, когда битку достаётся самое грубое обращение при соударении с пятнадцатью шарами такой же, как у него массы; для «разбоя» используются более дешёвые пластмассовые шары.) Шар из слоновой кости все еще лучше реагирует на малейшее приданное боковое вращение, ощущаемое игроками, и возможно они правы. Крупнейший изготовитель шаров из слоновой кости, компания *A.E.Schmidt Company* из Сент-Луиса, все еще находит сбыт 1500 шарам из слоновой кости в год [46].

Ссылки на источники в главе 11

1. See Sidney Gillett – *The Earlier History of Billiard Tables & Accessories* (London: Thurston & Co. Ltd., 1940), pp.17-20; в тексте приведены несколько ссылок из этого источника, касающихся наклеек для кия.
2. [Цитата из книги Кентфилда 1833 года](#) приводится в книге Gillett – *Earlier History*, p.19.
3. Major W.Broadfoot – [Billiards](#) (London: Longmans, Green & Co., 1896), p.96.
4. W.G.Clifford – *Billiards Through the Centuries* (London: Printing Craft Ltd., circa 1933), p.11.
5. [Broadfoot](#), p.95.
6. Charles Roberts – *The Complete Billiard Player* (London: Methuen and Co., 1911), p.2.
7. Gillett – *Earlier History*, p.21.
8. Sidney Gillett – «The Game of English Billiards», в каталоге *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities* (London: B.A.C.C., 1940), p.27.
9. Gillett – *Earlier History*, p.21.
10. [Broadfoot](#), p.99.

11. Michael Phelan – [*Billiards Without a Master*](#) (New York, D.D.Winant, 1850), p.113.
12. Clifford, p.10.
13. Gillett – *Earlier History*, p.16.
14. Там же, стр.17, 31.
15. *The Noble Game of Billiards* (London: Thurston and Co., circa 1908), p.13.
16. Norman Clare – «*The Design and Construction of Billiard Tables and Their Accessories*» (неопубликованное наставление, 1970), p.9.
17. *The Noble Game of Billiards*, p.3.
18. [Phelan](#), p.19.
19. Henry Bohn, ed. – [*Bohn's New Handbook of Games*](#) (Philadelphia: Henry F. Anners, 1850), p. 598.
20. «Winning Hazard» – [*Billiards Made Easy*](#), 2nd. ed. (London: Houlston and Sons, circa 1880), p.5.
21. Gillett – *Earlier History*, p.31.
22. [Broadfoot](#), p.383.
23. [Bohn](#), p.548.
24. R.Howlett – [*The School of Recreation*](#) (London: Henry Rodes, 1684), p.193.
25. [Phelan](#), p. 17.
26. Michael Phelan – [*Game of Billiards*](#), 5th ed. (New York: D. Appleton, 1863), p.45.
27. [Broadfoot](#), p.125.
28. Gillett – *Earlier History*, p.20.
29. Phelan – [*Game of Billiards*](#), p.33.
30. [Broadfoot](#), p.92.
31. Phelan – [*Game of Billiards*](#), p.36.
32. [Broadfoot](#), p.92.
33. «That Satisfying 'Click'», *The National Bowlers Journal and Billiard Review* (1972), p.53.

34. «The Advent of the Modern Billiard Ball», *Selling Sporting Goods* (Sept., 1971), p.53.
35. [Broadfoot](#), p.92.
36. В *One Hundred Years of Recreation* Брансуик говорит, что Хайятт получил деньги. Другие первоисточники, включая Джона Сернак (*John R. Cernak*) – представителя компании Albany Billiard Ball Company – убеждены, что Хайятт никогда не получал обещанного вознаграждения.
37. «That Satisfying 'Click'», p.59.
38. *Official Rule Book for All Pocket & Carom Billiard Games*, rev. (Chicago: Billiard Congress of America, 1974), p.103.
39. [Broadfoot](#), p.91.
40. John R. Cernak (Albany Billiard Ball Company) – *Letter* (Albany, New York: July, 1974).
41. *The Noble Game of Billiards*, p.15.
42. [Broadfoot](#), p.92.
43. Sir John Squire – «History of Billiards», в каталоге *Catalogue of the Exhibition of Billiard Antiquities* (London: B.A.C.C., 1940), p.12.
44. Там же.
45. «That Satisfying 'Click'», p.53.
46. «The Business of Billiards», *St. Louis Post-Dispatch Pictures* (Sept. 21, 1969), p.32.

Глава XII

Бильярд на сцене девятнадцатого века

Осенью 1820 года журнал *The Edinburgh Review*, задающий тон в обществе, с неприязнью гримасничал по поводу того, какими должны быть ощущения, когда культура терпит фиаско перед лицом ветреного времяпрепровождения. Сравнивая культурные достижения народов Англии и Франции, журнал исследовал пропорцию между количеством книг и бильярдных столов в небольшом французском городе под Парижем.

«Если в наших более скромных особняках нет того, что заслуживает названия 'библиотека', то, по крайней мере, есть несколько хорошо оборудованных книжных шкафов и даже есть несколько книг. Но никогда ни одна книга не портит своим присутствием шелковистую роскошь французского салона; в столице крайне редко найдётся отдельно расположенная гостевая комната; а за городом бильярдный стол – обычный «обитатель» помещения, которое в

Англии предназначено для библиотеки. Нам известно селение, расположенное примерно в 12½ милях от Парижа, в котором проживает шесть семейств со средним ежегодным доходом 2500 ливров (здесь же в первоисточнике указано, что это эквивалентно 4000 фунтам стерлингов; почему автор изъясил такие данные – непонятно; прим. пер.) и 850 бедных жителей. Во всех вместе взятых зажиточных домах не нашлось и двух тысяч книг, но в каждом из них есть бильярдный стол; а в селении, помимо этого, есть пять общественных бильярдных столов для развлечения 850 небогатых людей. В радиусе трех миль находятся ещё шесть или восемь посёлков, и во всех из них пропорция между книгами и бильярдными столами почти такая же. По мере удаления от Парижа, относительное количество книг уменьшается намного быстрее по сравнению с количеством столов. Несмотря на то, что в упомянутом селении на один бильярдный стол приходится приблизительно 182 книги, нам тягостно заявлять, что в среднем по всей Франции на один стол приходится сто книг» [1]. Будучи свидетелем огромной популярности игры в Англии по мере приближения конца века, редакция *Edinburgh Review*, должно быть, была весьма разочарована. И если в предыдущем веке Франция была мировым центром бильярда, то в 1800-х годах Англия должна была занять её место.

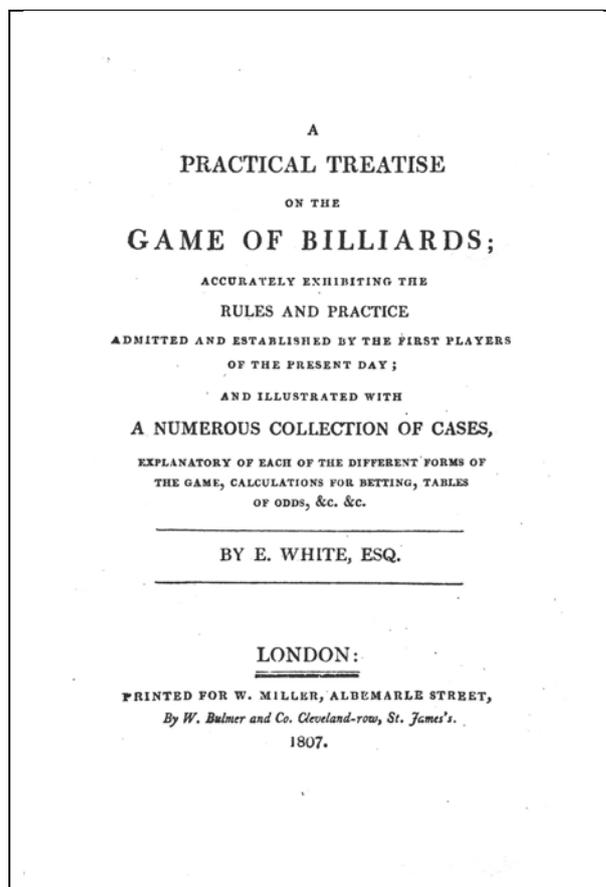

Иллюстрация 14. Титульный лист книги Е.Уайта *A Practical Treatise on the Game of Billiards*, , изданной в 1807 году в Лондоне. Это – первая английская книга по бильярду, содержащая подробные инструкции о ведении игры.

Колониальные гарнизоны Англии уже распространили игру в значительной части мира, и через некоторое время она стала популярна в Европе и Евразии. Уже в 1787 году британские морские офицеры были настолько соблазнены бильярдными столами на Подветренных островах (*Leeward Islands*) в южной части Тихого океана, что генерал-майор Томас Ширли (*Thomas Shirley*) был вынужден предпринять решительные меры. Он издал «Акт, запрещающий содержание общественных бильярдных столов и других игровых столов на этом острове». Ширли был недоволен тем, что «в королевском военно-морском флоте ежедневно возникает множество пагубных последствий разрешения содержать бильярд и другие игровые столы в окрестности английского порта, искушающие младших офицеров впустую растрачивать молодость ...» И Ширли ввёл в действие распоряжение «пресекающее содержание общественных игровых столов любого вида в любой части этого острова» [2].

До 1800 года такие фирмы, как *Sheraton's*, *Gillows* и *Thurston & Co*, конечно же, выпускали качественную бильярдную мебель. В начале девятнадцатого века к ним присоединились другие английские компании, например – фирма Томаса Падмора (*Thomas Padmore*) в Бирмингеме (1830) и *Burroughs & Watts* в Лондоне (1836) [3].

В 1826 году реклама компании Тёрстона утверждала, что столы «гарантированно выдержат зарубежный климат и изготовлены для вывоза» [4], и многие из них действительно отправлялись на экспорт. Тёрстон предоставил бильярдный стол не только Наполеону во время заключения на острове Святой Елены в 1818-1821 годах, но также и стол с оборудованием для английского гарнизона, охранявшего его (стол Наполеона до сих пор находится в музее, организованном в доме посёлка Лонгвуд, в котором он проживал) [5]. Джордж Отто Тревельян (*George Otto Trevelyan*) в своей книге об Индии Канпур (*Cawnpore*) говорит, что необыкновенно богатый махараджа Битур (*Maharaja of Bithoor*) был очарован игрой: «В те времена, когда Раджа был достаточно худым, чтобы без неудобств наклоняться над столом, он превосходно играл в бильярд. Он особенно восхищался игрой, потому что это давало ему возможность для общения в привычных условиях с офицерами гарнизона» [6]. Согласно Джону Силвертону (*John Silverton*), игра Снукер (возможно, самая распространённая в Англии разновидность бильярда) в 1875 году была придумана офицерами гарнизона, расквартированного в северной Индии [7]. В своём наиболее известном романе «Лорд Джим» (1899) Джозеф Конрад (*Joseph Conrad*) объясняет, что в бильярд играли на далёких островах на юге Тихого океана, и оборудование для игры при этом было полностью привезено из Англии или Франции. В этом романе, хозяин бильярдной, расположенной в тропиках, сетовал: «Здесь я не могу пойти на другую улицу, чтобы купить новый кий. Я должен заказать его в Европе» [8]. Один из обозревателей говорит о единичной отгрузке компанией Тёрстона сорока стандартных (шесть на двенадцать футов) столов, весящих более тонны каждый, в Южную Африку в 1908 году [9]. Популярность игры во всем мире не может быть подвергнута сомнению. Большие столы были импозантны в своей массивной зеленой основательности, и стали символом Британской империи в девятнадцатом веке.

Как бы то ни было, Англия со своими колониальными владениями, Франция и Соединенные Штаты не были единственными регионами, где играли в бильярд. И Италия и Испания рассматривались в качестве стран-создателей игры, и пусть это маловероятно, в обеих странах действительно с самых ранних времен был известен

бильярд. Заметим, что слово «карамболь» является испанским. Голландцы играли на столах, лицензируемых [ломбардцами](#), уже в 1578 году [10], и были превосходными игроками, как утверждал Уайт. В Австрии композитор Моцарт играл, будучи знакомым как с бильярдными шарами из слоновой кости, так и с клавишами фортепьяно, сделанными из того же материала [11]. В Германии игра была достаточно популярна, чтобы быть достойной рассмотрения в альманахе *Almanach für Spieler*, изданном в Берлине в 1799 году. А в 1801 году в Вене вышла небольшая книга под названием *Billardspieler*, в которой были изображены игроки с киями (в то время в Англии более популярными были мазики). Следом в 1836 году в свет была выпущена книга Винсента Грюнера (*V.R.Gruner*) *Billardspiel Meister*, также изданная в Вене. *(Не знаю даже, что и сказать по этому поводу. Мне неизвестны книги Грюнера, выпускавшиеся в 1836 году. Приведённое выше словосочетание Billardspiel Meister входит составной частью в название книги Грюнера [Die Kunst in kurzer Zeit im Billardspiel Meister](#). Однако, эта книга была отпечатана не в 1836-м, а в 1832-м году. Можно было бы указать именно её, но как же тогда быть с ещё более ранней книгой [Gründlicher Unterricht im Billardspiele](#), вышедшей в Вене в 1827 году? Прим. пер.)* (В немецких текстах бильярд рассматривается примерно так же, как в журнале *Covent-Garden Magazine* и последовательных выпусках альманаха *Hoyle's Games*.) Уайт, посещавший Германию в 1789 году, говорил, что в Гамбурге «играют так же, как и в любом городе Европы»; помимо этого, он упомянул о мастерстве хозяина бильярдной, который «в любое время готов держать пари на то, что отправит в лузу прямой шар, ударив со смежного стола – то есть, нанеся удар по битку, расположенному на одном столе, он попадёт по прицельному шару, находящемуся на другом столе, в результате чего тот окажется в указанной лузе» [12]. В бильярд играли даже в России, но только неизвестно – с каких времён. В одном из русских словарей говорится, что слово «бильярд» вошло в русский язык уже в 1720 году. В декабрьском (1773 года) приложении к журналу *Covent-Garden Magazine*, посвященном бильярду, игра «русский карамболь» приводится в числе одной из главных бильярдных игр того времени [13]. Во времена, описанные в «Преступлении и наказании» Ф.М.Достоевского, игра была распространена в общественных заведениях Санкт-Петербурга. В романе описывается игра между офицером-кавалеристом и студентом, проходившая в небольшой гостинице [14]. А в 1855 году Наполеон III выбрал богато украшенный девятифутовый стол в качестве подарка на коронацию российского царя Александра II [15].

В те времена, когда в Америке игра добивалась признания, в бильярд играли и в Белом Доме и в комнатах отдыха самых маленьких гостиниц. В своей книге воспоминаний об игре, Уилли Хоппе (*Willie Hoppe*) делится преданием о президентском бильярде: «Президент Джордж Вашингтон, создавший прецедент тем, что установил бильярд в своей резиденции, был довольно опытен в английской игре. У меня создалось впечатление, что почти все президенты провели очень много времени в бильярдной Белого Дома» [16]. Конечно, Вашингтон играл в бильярд, но никогда не жил в Белом Доме. И многие из последующих президентов действительно играли там. Например, Джон Куинси Адамс, после выборов 1824 года заплатил шестьдесят один доллар за бильярдный стол, шары и кии, и поместил их в Белом Доме (при выборной кампании 1828 года Адамса скандально обвинили в том, что он содержал «игровые столы» в Белом Доме) [17]. Крупнейшими производителями столов до 1859 года были Дэниэл Пенн и Дэниэл Уинант (*Daniel Penn; Daniel D. Winant*; оба из штата Нью-Йорк), издавший в 1850 году первую книгу Фелана по бильярду. Фелан говорит и о господине Бассфорде, который пытался по-

разному улучшить американские столы. Но, согласно тому же Фелану, в 1850 году «девять из десяти лучших игроков ... выразили решительное предпочтение столам, изготовленным Пенном» [18].

В первой половине девятнадцатого века Соединенные Штаты несколько отстали от Англии в развитии бильярда. (Например, удар *массе*, с которым в 1830 году в Лондоне гастролировал Мангу, не использовался в Соединенных Штатах, как обычно считается, до 1865 года, когда его применил Пьер Карме (*Pierre Carme*). Фактически же, в книге Майкла Фелана 1850 года на странице 96 был описан удар *массе*, который «чрезвычайно трудно выполнить». «Это необходимо сделать перпендикулярным боковым ударом». Но возможно, удар *массе* и не был широко известен до 1860-х годов, ведь Фелан назвал свой технический элемент «перпендикулярным воздействием» (*perpendicular force*). Вероятно, Карме был первым игроком, додумавшимся связать термин *massé* с такими ударами в Соединенных Штатах [19].) Находясь в своем крупном бильярдном центре на Бродвее, Фелан мог вспоминать те времена, когда в Нью-Йорке насчитывалось всего лишь семь или восемь общественных бильярдных. Но уже в 1850 году он подсчитал, что работало 50-60 заведений, в которых было более четырехсот столов и «не менее 20000 игроков». Фелан говорил, что нью-йоркские игроки были в стране лучшими, а игроков из Нового Орлеана можно было поставить на второе место [20]. Собственные столы Фелана, изготовленные компанией *Phelan and Collender Company* после 1855 года, должны были стать самыми популярными. После пяти лет партнерства Фелан и Коллендер могли утверждать, что наняли «больше мужчин, чем работают на всех вместе подобных предприятиях Соединенных Штатов». Фелановские «первоклассные» столы были сделаны из палисандра, дуба, красного дерева, грецкого ореха, березы и атласного дерева; и в 1860 году фабрика произвела примерно 100 столов, хотя в течение некоторого времени находилась в процессе строительства [21]. Анонсированные компанией столы использовались в каждом американском штате, Канаде, Южной Америке и на Кубе. В 1860 году на территориях штатов Канзас и Миннесота бильярдные игроки использовали такие столы; стол, изготовленный Феланом, был установлен и в доме Бейли (*Bailey*; видимо, речь идет о Томасе Бейли – Thomas H. Bayly; прим. пер.), в котором в настоящее время находится музей искусства Университета Вирджинии [22]. Книги Фелана о бильярде хорошо продавались, а один рецензент отметил, что «господин Фелан пишет так же умело, как изобретает и играет» [23]. В 1856 году Фелан дал жизнь маленькому ежемесячному журналу *The Billiard Cue*, который просуществовал в течение многих лет.

Комментарий Фелана о бильярдных игроках из Нового Орлеана свидетельствует о популярности игры в этом городе. Проживавшие там французы развлекались бильярдом задолго до покупки Луизианы Соединенными Штатами в 1804 году. Один историк отмечает, что Совет Луизианы счел необходимым ограничить ночную бильярдную игру в Новом Орлеане уже в 1723 году, то есть спустя всего лишь пять лет после основания города. А популярность продолжала возрастать, поскольку Новый Орлеан стал американским городом. «Бильярд был очень популярной игрой, и столы можно было отыскать в отелях и кафе», – говорит другой историк. «Даже в начале девятнадцатого века часто проводились турниры» [24]. Согласно объявлению в *Louisiana State Gazette* от 30 апреля 1805 года, житель Нового Орлеана по имени Джон Ромэйн продавал три «бильярдных стола из красного дерева с новым сукном и всеми полагающимися принадлежностями». Та же самая

газета озаглавила выпуск от 1 апреля 1826 года, как «Выдающийся бильярдный матч»:

«Вчера был сыгран выдающийся бильярдный матч между г-ном Мэри из этого города и г-ном Миллером из округа Колумбия. Как мы поняли, условия игры были такими: тот, кто первым выигрывал десять партий, получал 100\$; а тот, кто выиграет двадцать одну партию, должен был получить 500\$. В матче развернулось серьёзное противостояние. Когда у Мэри на счету было девять побед, Миллер выиграл десятую партию и получил 100\$. После сорока партий, на счету каждого игрока было по двадцать побед. В последней партии после упорной борьбы победил Мэри, который и выиграл 500\$».

В городских справочниках Нового Орлеана в 1850-х годах появлялись рекламные объявления, подобные такому: Дэвид Бидвелл, владелец Феникс-Хаус (*Phoenix House*), обещает, что меценаты могут насладиться «баром, рестораном, устричным прилавком, бильярдным салоном, галереями винтовок и пистолетов». Другим рекламодателем в справочниках 1850-х годов был «производитель бильярдных столов Б.Антоньини (*B. Antognini*)». В *New Orleans Daily Picayune* за 9 января 1853 года описан новый отель *St Charles*, восстановленный после огня, в котором имеется бильярдная – «аккуратно и со вкусом оборудованная, спроектированная явно для леди». Согласно газетным сообщениям, исследованным историком Дэйлом Сомерсом (*Dale Somers*), местные «рыцари кия» стремились взять верх над другими бильярдными игроками, даже из зарубежных стран. Так, в сообщении *Daily Picayune* за декабрь 1857 года говорится, что «*Bayou Lafourche Mule*» соперничал с «*Algiers Bull*» за куш в 5000\$ [25]. А новоорлеанская *Daily Delta* в статьях от февраля 1869 года с волнением сообщала, что «прославленный бильярдный игрок Майкл Фелан» проводил несколько недель в городе [26].

Положение Фелана, как бесспорного лидера бильярдной промышленности в Америке, заверено его личной славой и хорошей репутацией его бильярдного оборудования, быстро распространившегося по всей стране. В 1859 году, когда бизнес Фелана насчитывал лишь несколько лет, у него уже были агенты в крупнейших городах – даже таких далёких, как Сан-Франциско. Согласно справочнику Сан-Франциско от 1859 года, «образцовые бильярдные столы Майкла Фелана и запатентованные комбинированные борта» были выставлены для обозрения и на продажу в торговом зале Мануфактуры Бильярдных Столов М.Хьюза на Монтгомери-стрит [27]. Всё рекламируется как «оптовая и розничная продажа по нью-йоркским ценам!» Реклама на половину страницы сообщает, что «итальянские мраморные и английские сланцевые плиты надлежащих размеров всегда под рукой», и обещает, что каждый может обладать «переоборудованной старой бортовой конструкцией с комплектом запатентованных бортов Фелана». «Агентом по всем патентам Фелана» является г-н Хьюз, и реклама заканчивается предостережением: «Патенты Фелана нельзя приобрести больше ни у кого в этом штате, в Орегоне или на территории Вашингтона».

Неподалёку, на Сакраменто-Стрит, располагался конкурент Хьюза – компания Джейкоба Страле (*Jacob Strahle & Company*), производящая бильярдные столы. У Страле «всегда под рукой» были столы со «сланцевыми, мраморными или деревянными столешницами» и «все необходимые приспособления для бильярдных салонов, продающиеся по самым низким ценам». Однако, Страле все еще рекламировал более старые «бильярдные каучуковые борта», обычно считавшиеся менее удовлетворительными, чем комбинированные борта Фелана. Таким образом,

даже в 1859 году жители Сан-Франциско немало развлекались бильярдом, если город мог обеспечивать два или три таких предприятия. Страле, как и Хьюз, обслуживал «любой участок Тихоокеанского побережья» по «заказам, связанным с интерьером, к которому быстро проявляют внимание». И осознавая, что настолько много тяжелого оборудования должно было прибывать издалека – из Нью-Йорка, Англии или Европы, мы должны быть впечатлены спросом на бильярдные поставки. «Новые поставки прибывают с востока каждым пароходом», – говорится в рекламе Страле, а в 1859 году это означало долгое путешествие вокруг оконечности Южной Америки.

В дополнение к мануфактурам, в бизнесе Сан-Франциско 1859-го года насчитывалось больше полдюжины бильярдных салонов. На Монтгомери-стрит располагался бильярдный зал Джорджа Аллена (*George Allen*), в котором было установлено «шесть самых прекрасных в городе столов от *Bach's Celebrated Manufactory*». Помимо этого, существовал «Салон банковских обменных операций и бильярда» Джона Торренса и Томаса Паркера (*John Torrence; Thomas Parker*), у которых, согласно их собственному полностраничному объявлению в справочнике, для продажи были запасены «экземпляры книги Фелана *Game of Billiards*».

На востоке бизнес был представлен людьми с более известными сегодня именами. Швейцарский краснодеревщик Джон Брансуик (*John Brunswick*) начал заниматься бильярдным ремеслом в 1845 году, а Джулиус Болк (*Julius Balke*) вскоре после этого. Почти тридцать лет спустя Брансуик и Болк объединились, как это сделали Фелан с Хью Коллендером в 1850-х. Затем – в 1879 году – Брансуик и Болк слились с Коллендером, и, обладая правами на патенты Фелана, стали ведущими производителями столов и оборудования в стране. Согласно Клементу Трейнеру (*Clement Trainer*), – «Компания, которую время от времени называли 'бильярдной верой', лелеяла игру с момента своего образования» [28], спонсировала матчи за звание чемпиона и иными способами поощряла такое времяпрепровождение. (В 1960 году фирма *Brunswick-Balke-Collender* была переименована в *Brunswick Corporation*.) В Сент-Луисе компания *A.E.Schmidt Company* (до сих пор занимающаяся этим бизнесом) начала выпускать шары из слоновой кости в 1850 году и занялась производством столов задолго до конца века – примерно в 1880 году. Основатель компании Эрнст Шмидт (*Ernst Schmidt*), как и Брансуик, был иммигрантом, но обладал навыками токаря по древесине и слоновой кости, в то время, как Брансуик был плотником. Согласно ранним записям в деловых книгах, в 1850-х годах собственноручно оставленным Эрнстом Шмидтом на немецком языке, сегодня фирмой управляет четвертое поколение семейства Шмидт [29].

Печатник из Нью-Йорка Джон Уэсли Хайятт при помощи спонсора в 1868 году основал компанию *Albany Billiard Ball Company* [30]. Достигнутые ей результаты по синтетической замене слоновой кости значительно способствовали становлению современного бильярда. Компания из Цинциннати *National Billiard Manufacturing Company* начала функционировать в 1880 году, и сегодня все еще полностью посвящает себя бильярдному производству [31]. В 1886 году фирма Огеста Мюллера (*August Mueller*) *St. Louis Pool and Billiard Company* приступила к изготовлению бильярдных и снукерных столов. Позднее, Мюллер предоставил часть самого прекрасного импортного зеленого бильярдного сукна для шитья костюмов, которые пивовары города традиционно носили на парадах в честь дня Святого Патрика. Семейство Мюллера также до сих пор все еще занимается бильярдным

бизнесом, но оно помнит ранние годы, когда доставка столов в Иллинойс в зимнее время была связана с поездками фургонов по льду замёрзшей реки Миссисипи [32].

Многие американские игроки стали знаменитыми задолго до 1850 года. Прекрасно были известны Франк Бакли (*Frank Buckley*), Джэймс Кук (*James Cooke*; «признанный лучшим в мире по игре четырьмя шарами», а также работавший на прииске во времена золотой лихорадки) и г-н Ингерсол (*Ingersol*) из Нового Орлеана. Как утверждали, «великий игрок мазика и кия» г-н Лэйк (*Lake*) обладал «самой грациозной стойкой из всех, кто когда-либо находился у бильярдного стола». Сам Фелан был «в наши дни одним из лучших, если не самым лучшим игроком в Штатах или в мире» [33]. Позже Линли Хайэм (*Linley Higham*), по прозвищу «пони из Олбани», стал знаменитым игроком и поселился в Англии. Морис Дэли (*Maurice Daly*, ставший чемпионом и написавший книгу *Daly's Billiard Book*), одержал первые победы в матчах в возрасте шестнадцати лет [34]. В 1859 году в Детройте прошёл чемпионат Америки, в финальном матче которого Фелан в упорной борьбе победил Джона Сирейтера (*John Seereiter*). Входные билеты на этот поединок были неслыханно дороги – пять долларов, а денежный приз победителя составил 15000 долларов. В первом междуниверситетском бильярдном матче сошлись Гарвард и Йель, а сама встреча состоялась в Вустере, штат Массачусетс, в 1860 году [35]. Четыре года спустя в Коннектикуте был сыгран первый матч на многочисленных чемпионатах отдельных штатов [36]. Официальным турнирам «в этой стране исполнилась дюжина лет, прежде чем подобные соревнования начали проводиться в других странах», – отметил Бенджамин Гарно [37].

В 1890-х годах компания *Brunswick-Balke-Collender* демонстрировала в Чикаго стол, принадлежавший когда-то Александру Гамильтону (*Alexander Hamilton*), и стол французского производства, который Наполеон III подарил несчастному императору Мексики Максимилиану, казнённому мятежниками в 1867 году (после смерти Максимилиана стол была сохранён настоятелем мексиканского монастыря). Французский стол привлек особое внимание на всемирной выставке, потому что он принадлежал Максимилиану, и потому что был украшен замысловатыми инкрустациями. Компания заявила, что – «На разноцветной древесине стола размещены портреты всех основных маршалов и генералов Франции, отличающиеся удивительным сходством» [38]. Усилия, направленные на популяризацию игры и благосклонность общественности, принесли свои плоды. Превосходство американских производителей было признано даже в Европе. Энциклопедия *La Grande Encyclopedie*, изданная в Париже в 1884 году, отметила, что американский стол «качественней тех, что выпускают наши производители», и так продолжалось примерно в течение пяти лет [39].

По окончании века прославленный игрок Уилли Хоппе дал представление «по королевскому указу» в восточном зале Белого Дома для президента Тафта (а также для членов его кабинета с семьями, и избранных дипломатов). В какой-то момент, после того, как Хоппе виртуозно продемонстрировал удар массе, гости проявили недоверие: «Один из них внимательно рассматривал мой рукав», – говорил Хоппе, – «чтобы увидеть, были ли у меня там скрыты провода или трюковое приспособление, а другой обвинил меня в обладании волшебным мелом, поскольку я безошибочно выполнил приблизительно тридцать ударов массе» [40].

Насколько восхищёнными игрой могут быть её поклонники, даже более очарованными, чем зрители представления Хоппе «по королевскому указу», можно судить по неопишуемому почтению, которое испытывал Марк Твен (*Mark Twain*) к игре всю свою жизнь. Согласно биографии отца Сьюзи Клеменс (*Suzy Clemens*; написанной, когда ей было тринадцать лет), – «Любимая игра папы – бильярд, и когда он устаёт и хочет отдохнуть, то не ложится всю ночь, а играет в бильярд; это, кажется, даёт покой его голове». Сам Твен говорил: «Бильярдный стол лучше врачей», и иногда играл от девяти до двенадцати часов в день, проходя десяток миль вокруг стола. В девятнадцати-комнатном доме Твена в Хартфорде, штат Коннектикут (построенном в начале 1870-х), на третьем этаже была большая бильярдная. В 1876 году известный автор рассказов про американский запад Брет Гарт (*Bret Harte*) навестил Твена, чтобы совместно поработать над пьесой «*Ah Sin*». «На следующее утро после его приезда», – писал Твен позже, – «мы пошли в бильярдную и начали работу над пьесой» [41]. Когда в 1910 году Твен умер, уже не так далеко была великая популярность американского бильярда, которую он достигнет в середине 1920-х годов и о которой, вероятно, мечтал Майкл Фелан.

В Англии девятнадцатый век начался с первой английской работы (объемом в 72 маленькие страницы), полностью посвященной только лишь бильярду – в 1801 году была издана книга *Game of Billiards*, анонимный автор которой назвался «Любителем». В нее вошло не намного больше материала, чем в перепечатку трактата Джона Дью, появлявшегося в сборниках *Hoyle's Games* с 1775 года (и который, в свою очередь, был частично основан на материале из *Covent-Garden Magazine* 1773 года, к которому, возможно, Дью также имел некоторое отношение). Но всё же это была целая книга по бильярду. Шесть лет спустя была издана книга Е.Уайта *A Practical Treatise on the Game of Billiards* – напористая, информативная, более полная и подробная, чем что-либо опубликованное о бильярде до неё. Уайт излишне опирался (иногда дословно) на материал Дью, а также использовал неизвестный французский источник (возможно, это был *Dictionnaire des Jeux Mathematiques*), который обильно цитировал – на французском языке – в своём тексте. При этом Уайт добавил материал, которого прежде не было в печатных изданиях: он говорил об углах и ударах, о технике и лучших способах игры. Эта книга – первое серьёзное свидетельство наличия множества сложностей, которые начинали обогащать игру. В более ранних работах заключительная точка ставилась после изложения правил игры. (В книге Стратта *Sports and Pastimes* даже не посчитали нужным привести, существовавшие в 1803 году правила: «Современная манера игры в бильярд и правила, которыми она регулируется, столь общеизвестны, что никаких дополнительных сведений по этой теме не требуется» [42].)

Мода на бильярд среди непрофессиональных игроков в годы между первым (1807) и вторым (1818) выпусками книги Уайта засвидетельствована тем фактом, что английские поэты из молодого поколения романтиков вовсе не были посторонними в игре. Краткая привязанность лорда Байрона к леди Фрэнсис Уэбстер (*Frances Webster*) началась в 1813 году, после того, как они подружились при игре в бильярд. Описывая свою привязанность в письме другу, он заканчивает словами: «Доброго вечера, сейчас я пойду играть в бильярд». А Джон Китс (*John Keats*), рассуждая о воображении, сказал товарищу, что мог отчётливо представлять, как «бильярдный шар ... может чувствовать удовольствие от собственной округлости, гладкости и стремительности движения». В 1818 году Перси Биши Шелли (*Percy Bysshe Shelley*) навестил Байрона в Венеции и сидел на полу с его маленькой дочерью Аллегрой,

играя с ней вместе в бильярдные шары. Этот случай описан в поэме Шелли «Джулиан и Маддало» (*Julian and Maddalo*):

После того, как ее первая застенчивость прошла
Мы сидели там, перекатывая вокруг бильярдные шары [43].

Перед началом девятнадцатого века известных английских игроков были совсем немного. Джон Дью, работавший маркёром перед тем, как написать трактат для *Hoyle's Games*, был первым из ряда бильярдных маркёров, ставших прославленными игроками, хорошо известными в обществе. Автор книги 1801 года *Game of Billiards* ссылается на г-на Эндрюса (*Andrews*), который был известным игроком до 1800 года, и некоего Абрама Картера (*Abraham Carter*), который «Как обычно считалось ... играл в бильярд на деньги крупнее, чем кто-либо другой. Он ел, пил, спал, гулял и даже говорил лишь для того, чтобы приступить к игре с шарами» [44]. На слуху были ещё два маркёра – «Джонатан из Брайтона» («маркёр из Брайтона») и «маркер из Бата». Оба они стали знамениты: «Джонатан» было прозвищем Эдвина Кентфилда, а «маркёром из Бата» был никто иной, как Джон Карр.

Несмотря на замечание Сидни Джиллетта о том, что «до 1853 года ни в одной из наших газет не встречаются никакие упоминания о бильярдных матчах», у нас действительно есть описание матча, сыгранного в 1824 году. Рассказ ведётся первым в мире великим спортивным журналистом Пирсом Иганом, который описывает матч с участием четырёх игроков – Кентфилда и Хаусе (*Howse*) с одной стороны против Карра и Пратта (*Pratt*) – с другой. Игры проходили в понедельник вечером 20 декабря на новом столе в отеле *Four Nations* в Брайтоне. По словам Игана, Кентфилд уже был «признан первым игроком в мире», а Карр считался «одним из лучших в Лондоне». Из описания, говорящего, что удар за ударом следовали от бортов, можно предположить, что напряжение в матче нарастало. В итоге, с небольшим преимуществом победила команда Кентфилда [45]. *(И снова у меня возникают вопросы, на которые не находится ответов. Из приведенного перевода следует, что матч был напряжённым, а преимущество Кентфилда с партнёром оказалось незначительным. Но если внимательно посмотреть текст по указанной Хендриксом ссылке, то откроется совсем иная картина – команда Кентфилда выиграла без особого напряжения со счётом 5:1 по партиям. Упорная же борьба наблюдалась лишь во второй партии, закончившейся со счётом 100:98. Да, и упоминаний про игру от борта мне что-то не удалось отыскать. В общем – что-то в изложении автора здесь не склеивается. Прим. пер.)* Иган также подробно описал другой матч между Кемпфилдом (всё же, вероятно, Кентфилдом) и Карни (*Carney*), который проходил в зале Джонатана на Манчестер-стрит, видимо, в 1825 году.

Расположение профессионалов на иерархической лестнице в те времена было неопределённым и переменным, в частности – потому что не проводилось никаких официальных матчей. Карр признавался английским чемпионом приблизительно до 1825 года, когда он не вышел на матч с Кентфилдом. Джон Робертс из Ливерпуля (сын которого, названный тем же именем, также в своё время будет чемпионом) завладел титулом в 1849 году, когда сам Кентфилд не появился для проведения матча. Уильям Кук (*William Cook*; чей сын впоследствии тоже станет чемпионом) вырвал звание у Робертса в первом официальном матче английского чемпионата, который не проводился до 1870 года.

Взлеты и падения английских чемпионов после 1850 года были тщательно задокументированы [46], и английские игроки девятнадцатого века, побывавшие в чемпионатах, были едины, по большому счёту, в одном. Многие из них часто посещали бильярдные с самой молодости – например, Джон Робертс сначала играл на старом столе *Gillows* в Ливерпуле, когда был девятилетним пареньком [47]. Многие из них были маркёрами или содержали общественные бильярдные (или, как Кентфилд, делали и то и другое). Как только сложность игры начала достигать научного уровня, закончились те времена, когда нерегулярно играющий джентльмен мог состязаться с теми, кто сделал игру своей профессией, проводя внушительную часть жизни у столов. Теперь же возможность превратить игру в профессию появилась у многих игроков. Маркёры, которые за несколько десятилетий до этого служили зажиточным играющим господам, сами стали новой аристократией нового спортивного мира. Показательно составленное Джоном Пристли описание двух бильярдных чемпионов на матче в зале Тёрстона: «Я чувствовал благоговейный страх перед таким величием. Эти люди могли сделать нечто лучше, чем кто-либо еще. Они были мастерами. Их мир был маленьким, ограниченным затенённым электрическим освещением и пространством из зеленой ткани, но в этом мире они были величайшими покорителями» [48]. Но в этом отношении одаренные любители из дворянства не хотели быть принятыми в профессионалы. Нед Польски (*Ned Polsky*) ссылается на известную поговорку, – «Играть в хорошую игру 'бильярд' – признак всестороннего образования, но слишком хорошо играть в бильярд – признак растраченной молодости» [49]. Почти с самого начала игра имела поклонников, привлечённых из всех классов общества, но никогда прежде она не была во власти игроков, вышедших из общественных бильярдных.

В литературе девятнадцатого века наглядно представлено разделение бильярда на величественную забаву высших сословий и несколько сомнительный досуг обыкновенного человека в комнатах отдыха английских гостиниц. Во впечатляющем романе «Мэнсфилд-парк» Джейн Остин (*Jane Austen*), изданном в 1814 году, описано как в отсутствие строгого сэра Томаса Бертрама бильярдный стол перемещается в смежный кабинет, чтобы можно было устроить временную сцену для театралов-любителей. Вернувшись из Индии и обнаружив в своей бильярдной театр с зеленым занавесом, сэр Томас был оскорблен до глубины души и разгневан [50]. Даже спланированные всей семьёй поступки вызывают моральное неодобрение, а бильярд, очевидно – нет.

А в романе Чарльза Диккенса «Домби и сын», описывающем события 1830-х годов, добродушный и комичный молодой г-н Тутс получает наследство и начинает пускать его по ветру, связавшись с лондонскими игроками. Начиная с «таверны 'Чёрный Барсук'», – говорит Диккенс с присущей ему иронией, – «господин Тутс посвятил себя культивированию тех изящных искусств, которые облагораживают и возвышают существование». Г-н Тутс становится меценатом бокса, фехтования, верховой езды и бильярда под опекой друга боксера – 'Бойцового Петуха', который «был представлен ему маркёром и обучал бильярду» [51]. В этом же романе г-н Каркер – менеджер транспортной компании *Dombey and Son* – живет в «зеленой и лесистой местности близ Норвуда» за пределами Лондона в «изысканном и роскошном доме». В его доме есть все, что ни пожелаешь: «Здесь – небольшая коллекция эстампов и картин; там – в причудливых углублениях отборные книги; а тут – фантастические шахматы, кости, трик-трак, карты и бильярд» [52].

Джордж Элиот (*George Eliot*; настоящее имя Мэри Энн Эванс – *Mary Ann Evans*), автор романов «Сайлес Марнер» и «Миддлмарч», в своём менее известном произведении «Феликс Холт, радикал» признаёт аристократическое происхождение бильярда. После того как прелестная героиня Эстер Лайон, подобно Золушке, оказывается богатой наследницей, её приглашают к судье Трансому на ритуал, требующий чтобы «находясь дома, она училась играть в бильярд ... наверху в бильярдной комнате» [53] под присмотром портретов великих леди. Роман был написан в 1866 году, а действие в нём происходило в 1832-м. Подобная сельская усадьба – изысканный загородный дом Каркера в «Домби и сын» – описана в другом романе и в другом свете, но в обеих усадьбах установлены бильярдные столы.

В одном из самых известных романов на английском языке – «Ярмарке тщеславия» Уильяма Мейкписа Теккерея (*William Makepeace Thackeray*) – молодые британские офицеры, которым в будущем предстоит участвовать в сражении под Ватерлоо, беззаботно отдыхают на курорте в Брайтоне. Основное развлечение молодых людей – бильярд в трактирах, а усатый капитан Роудон Кроули (*Captain Rawdon Crawley*) на самом деле является господином их времяпрепровождения; когда Кроули предлагает сыграть в бильярд, напуганный дородный щёголь Джозеф Седли, ранее уже познавший вкус поражений, торопливо отвечает: «Никакого бильярда сегодня, Кроули, мой мальчик – вчера было достаточно» [54]. «Ярмарка тщеславия» была закончена к 1848 году, а описанные события, происходившие в Брайтоне, относились к 1815 году. (Несколько лет спустя Джордж Фредерик Пардон (*George Frederick Pardon*) вспомнил эпизод из романа Теккерея и издал одну из своих книг по бильярду под псевдонимом «капитан Кроули».) (На самом деле, под этим псевдонимом была издана далеко не одна книга Пардона; прим. пер.)

Конечно же, популярность бильярда в Англии продолжала расти. Книги, написанные об игре в течение века, могли бы заполнить маленькую полку. У Чарльза Диккенса был сделанный для него стол фирмы *Thurston and Company*, который доставили точно к Рождеству 1864 года [55]. Художник Джордж Круикшанк (*George Cruikshank*), который был известен своими иллюстрациями к романам Диккенса, сделал несколько гравюр с бильярдными сценами. В 1870 году первый официальный матч чемпионата Англии посетил принц Уэльский. На этом зрелище собралось множество зрителей-мужчин, ведь для женщин вход был воспрещён. Однако, согласно книге Чарльза Робертса *The Complete Billiard Player* (1911), заядлая поклонница игры Эмили Робертс присутствовала (без ведома кого-либо) «в мужском вечернем наряде и от начала до конца видела, как играл её отец» [56]. В 1885 году Ассоциацией и Советом Управления Бильярда Англии и Ирландии была начата стандартизация игрового оборудования, а в 1892 году появился первый официальный бильярдный стол, изготовленный компанией Тёрстона [57].

В 1896 году авторитетный цикл книг *Badminton Library*, посвящённый важным спортивным состязаниям, пополнился толстым томом майора Уильяма Бродфута, названным просто *Billiards*. Книга не позволяет любителям игры усомниться в её значимости. Каждой детали уделяется пристальное внимание. Раздел с вводными наставлениями сначала рассматривает «способ посещения комнаты», в которой читателя ожидает бильярдный стол. (Есть даже целая глава с планами дома и проектами помещений, предназначенных для установки бильярдного стола. Согласно этой и подобным ей книгам, размеры приличной бильярдной должны

составлять 18 на 24 фута. *Пересчёт в привычные нам метры даёт размеры комнаты 5.5 x 7.3 м. Современные представления отличаются незначительно – сейчас обычно полагают, что комфортный размер составляет 6 x 8 м. Прим. пер.)* Для бильярдной важны такие детали, как местоположение камина, так как отблески огня, мерцающие через сетки луз, могут серьезно влиять на игру. «Огонь никогда не должен располагаться сверху стола. Где бы он ни находился, лучше его заслонить зелёной материей, чтобы излучаемый свет не был виден сквозь лузу».

Автор также беспокоился о том, что входящие в комнату люди могут отвлекать игрока, готовящегося в это время выполнить важный удар. Чтобы внимание игрока не отвлекалось на любого входящего, «весьма полезно оснастить дверь» ширмой со смотровым окошечком. «Делайте, что Вам угодно», – говорит автор, – «но кто-то, несомненно, войдёт при ударе». Обязанность смотреть сквозь смотровое окошко возлагается на любого человека, входящего в комнату, и это гарантирует, что удар не будет прерываться. Нам напоминают о вековом запрете, согласно которому любой входящий в комнату должен сначала тихо остановиться, чтобы услышать через дверь звуки удара. Автор с удовлетворением упоминает недавно изобретенное фирмой *Orme and Sons* устройство для автоматического возврата шара. Однако, он напрасно излишне волнуется о том, что ресты или механические мосты («*машинки*», «*тёщи*»; прим. пер.), используемые при выполнении дальних ударов кием, «затруднительны для использования в окрестности бортов». (К этому времени рест был усовершенствован по сравнению с теми временами, когда весьма случайно появился на свет из мазика и даже именовался «*butt*») Майор Бродфут отметил, что «трение по мосту, сформированному человеческой рукой, весьма отличается от трения по латунному или эбеновому перекрестию, и поэтому кажется, что кий, положенный на рест, убегает от игрока». «Я твёрдо верю, что безупречный рест должен быть изобретён», – завершает он с грустью [58]. Но подобные придирки не могут затмить того факта, что за пятьсот лет поисков совершенства бильярдный игрок наконец-то весьма преуспел в его любимой забаве.

Ссылки на источники в главе 12

1. «State of Science in England and France», [Edinburgh Review](#), 34 (August-November, 1820), 417.
2. *Colonial Office Records*, Leeward Islands (London: Public Records Office, 1781), ref. co. 152/66.
3. T.R.Padmore (Thomas Padmore & Sons) – *Letter* (Birmingham, England: December 28, 1967); and *Programme*, 1836-1936 Centenary Celebration (London, 1936).
4. *London and County Directory* (London: Pigot and Co., 1826), n.p.
5. Sir John Squire, «A History of Billiards» in *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities* (London: B.A.C.C., 1940), p. 15.
6. G.O.Trevelyan – [Cawnpore](#) (London: Macmillan and Co., 1865), p.68.
7. John Silverton – «How Snooker Started», *World Snooker* (April, 1971), p.11.

8. Joseph Conrad – *Lord Jim*, ed. Robert B. Heilman (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1957), p.174.
9. *The Noble Game of Billiards* (London: Thurstons, circa 1908), p.22.
10. Rev. Thomas Dudley Fosbroke – [*Encyclopedia of Antiquities*](#) (London: J. Nichols and Son, 1825), II.
11. Squire, p.13.
12. E. White – [*A Practical Treatise on the Game of Billiards*](#) (London: W. Miller, 1807), p.5.
13. [*The Covent-Garden Magazine Supplement*](#) (London: G. Allen, Dec., 1773), II, 472.
14. Fyodor Dostoevsky – *Crime and Punishment* (New York: Modern Library, 1950), p.65.
15. Squire, p.22.
16. Willie Hoppe – *Thirty Years of Billiards*, Thomas Emmett Crozier, ed. (New York: Putnam, 1925), p.136.
17. Samuel Flagg Bemis – [*John Quincy Adams and the Union*](#) (New York: Alfred A. Knopf, 1956), p.94.
18. Michael Phelan – [*Billiards Without a Master*](#) (New York: D.D. Winant, 1850), p.117.
19. Carme is given credit for the masse in *One Hundred Years of Recreation 1845-1945* (Chicago: Brunswick-Balke-Collender Co., 1945), n.p. But Phelan's [*Billiards Without a Master*](#) (1850, p.96) and [*Game of Billiards*](#) (1858, pp.150-151) describe the masse.
20. [Phelan](#), 1850, p.122.
21. [*The Rise and Progress of the Game of Billiards*](#) (New York: Phelan and Collender, 1860), p.16.
22. [Там же](#), стр.29.
23. [Там же](#), стр.88.
24. The early New Orleans billiards scene is described by Charles Dufour – [*Ten Flags in the Wind: The Story of Louisiana*](#) (New York, 1967), p.85; and by Albert Fossier – *New Orleans: The Glamour Period 1800-1840* (New Orleans: Pelican Publishing Co., 1957), p.466.
25. All the *Daily Picayune* stories are quoted by Dale A. Somers – *The Rise of Sports in New Orleans 1850-1900* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1972), p.195.
26. The *Louisiana State Gazette* and *Daily Delta* stories are indexed in the city library of New Orleans. See bibliography.

27. [San Francisco City Directory](#) (1859), pp. 424, 449, 451.
28. Clement F. Trainer and Thomas J. Gallagher – *History of the 18.2 Balk-Line Game of Billiards in the United States* (Wynnewood, Pa.: Clement F. Trainer, 1971), n.p.
29. «The Business of Billiards», *Saint Louis Post-Dispatch Pictures* (Sept. 21, 1969), p.32; and Harold Schmidt (A.E.Schmidt Company) – *Letter* (St. Louis, Nov. 28, 1973).
30. John R. Cernak (Albany Billiard Ball Company) – *Letter* (Albany, New York, July, 1974).
31. William M. Gunklach (National Billiard Manufacturing Co.) – *Letter* (Cincinnati, Nov. 19, 1973).
32. Norman R. Mueller (Mueller's Recreation Equipment and Supplies Company) – *Letter* (St. Louis, June 22, 1974).
33. Phelan – [Billiards Without a Master](#), pp.121, 127.
34. [Benjamin Garno] – [Modern Billiards](#), new ed. (New York: Brunswick-Balke-Collender, 1909), p.15.
35. *Official Rule Book for All Pocket and Carom Billiard Games* (Chicago: Billiard Congress of America, 1971), n.p.
36. See *The Billiard Record*, a compendium of important matches between 1854 and 1909, in [Garno](#), pp.200-360.
37. [Garno](#), p.7.
38. [Gleanings from the History of Billiards](#) (Chicago: Brunswick-Balke-Collender Co., 1896, p.21.
39. [La Grande Encyclopedie](#) (Paris: H.Lamirault, circa 1888), XVI, 845.
40. Willie Hoppe – *Thirty Years of Billiards*, Thomas Emmett Crozier, ed. (New York: Putnam, 1925), pp.135-36.
41. Milton Meltzer – *Mark Twain Himself* (New York: Bonanza Books, 1960), pp.132, 177, 272.
42. Joseph Strutt – [The Sports and Pastimes of the People of England](#), new ed., Charles Fox, ed. (London: Methuen, 1903), p.225.
43. The poets' references to the game may be found in the following sources. Andre Maurois – *Byron* (New York: Ungar Publishing Co., 1964), pp.227-28. Walter Jackson Bate – *John Keats* (New York: Oxford University Press, 1966), p.261. Percy Bysshe Shelley – *Selected Poetry and Prose*, ed. Kenneth Neill Cameron (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1951), p.159. See also Introduction, XIII.

44. «An Amateur» – *Game of Billiards* (London: T. Hurst, 1801), p.70.
45. Pierce Egan – [*Pierce Egan's Anecdotes*](#) (London: Knight & Lacey, 1827), pp.19-21.
46. See the detailed history of late nineteenth century English champions in Major W. Broadfoot – [*Billiards*](#) (London: Longmans, Green, & Co., 1896), chapter 1.
47. [Broadfoot](#), p.15.
48. J.B.Priestley – «[At Thurston's](#)», in *Self-Selected Essays* (London: Heinemann Ltd., 1932), p.67.
49. Ned Polski – [*Hustlers, Beats, and Others*](#) (Chicago: Aldine Publishing Co., 1967), p.27.
50. Jane Austen – [*Mansfield Park*](#) (New York: Washington Square Press, Inc., 1962), pp.104, 150-151.
51. Charles Dickens – [*Dombey and Son*](#) (New York: New American Library, 1964), p. 332. For a similar reference to public billiards in this period see Dickens' *Martin Chuzzlewit* (London: Oxford University Press, 1971), p.144.
52. [Там же](#), pp.491-492.
53. George Eliot – [*Felix Holt, the Radical*](#) (New York: W.W. Norton, 1970), pp.389-391.
54. William Makepeace Thackeray – [*Vanity Fair*](#) (Boston: Houghton Mifflin Co., 1963), p.209.
55. Squire, p.22.
56. Charles Roberts – *The Complete Billiard Player* (London: Methuen and Co., Ltd., 1911), p.2.
57. Sidney Gillett – «The Game of English Billiards», in *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities* (London: B.A.C.C., 1940), p.27.
58. [Broadfoot](#), pp. 57, 98, 104, ff.

Глава XIII

Ретроспектива: двойственная сущность

При взгляде в прошлое ничто так не сгущает краски вокруг двойственной сущности игры, как продолжающиеся веками усилия бильярдных игроков, направленные на то, чтобы приветствовать её знатность и сожалеть о её убогости. Печальная правда состоит в том, что игра привлекла неблагоприятное внимание с самого начала, когда была забавой молодёжи 1300-х годов, игравшей в полях и на лугах. Сохранилось немало письменных прошений о помиловании, являющихся доказательствами частых травм головы, получаемых в игре, и возможно некоторые раны

действительно были случайны, как неизменно утверждают просьбы о прощении. Но самый ранний бильярд был также и игрой королей, «благородной игрой в бильярд», которым развлекались аристократы, богословы, джентльмены и прекрасные леди. Намёк на такую двойственность можно обнаружить в, возможно, самом раннем печатном материале по игре – разделе о бильярде сборника игр *La Maison des Jeux Academiques*, изданного в Париже в 1665 году. «Эта игра – развлечение людей с положением и тех, кто хочет провести своё время приятно», – сначала замечает писатель, но тут же немедленно признает, – «Время от времени и довольно-таки часто между игроками возникают конфликты» [1]. Игра уже была и невинным времяпрепровождением и основанием для ссор.

В первом английском описании игры (1674 год) Коттон тоже подтверждает наличие возвышенной и низменной сущностей. «Благородная, целомудренная и весьма остроумная игра на бильярде ... ввиду высокого исполнительского мастерства, присущего этому времяпрепровождению, получила одобрение и широкое распространение среди большинства народов Европы, особенно – в Англии», – говорил он, – «где для развлечения ума и тренировки тела нет общественных бильярдных столов не только в нескольких известных городах, но и личных столов у многих знатных и рядовых семейств в сельской местности». На самом деле, Коттон указывал, что игра могла служить даже для того, чтобы перевоспитывать неряшливых игроков:

Поскольку эта забава придумана для чистоплотных людей, то существуют правила, принятые против избалованных неопрятных игроков, которых можно привести к порядку и благопристойности с помощью наложения денежных штрафов; при выполнении удара нужно быть внимательным – если Вы положите руку на стол или позволите рукаву волочиться по нему, то это будет считаться нарушением. Если Вы курите и позволяете пеплу из трубки упасть на стол, из-за чего часто прогорает сукно, то налагается штраф [2].

Даже если учесть, что игра мазиком во времена Коттона не требовала прикосновений руками к столу, указанные запреты всё равно были весьма строги, особенно если вспомнить про ниспадающие широкие рукава одежды того времени. Двести лет спустя Майкл Фелан мог бы повторить некоторые из запретов Коттона, когда убеждал хозяев бильярдных отказаться в помещении от бара и не продавать игрокам «сигары» [3]. Через десять лет после первоначального высказывания Коттона, Хаулитт был еще более едок: «Если Вы курите трубку с испанским или вирджинским табаком, и проявляете равнодушие к непристойности, будучи связанным узами брака с тем дымом, которым наверняка можно задушить всю остальную часть компании, будьте осторожны – чтобы пепел не упал на стол и не прожёт сукно» [4]. Несомненно, бильярд был игрой, которую поощряли (или востребовали) игроки с чистыми намерениями. Заключение Коттона о воздействии игры («я не могу не рекомендовать её в качестве наиболее благородного и невинного из всех мне известных развлечений») вторили практически все те, кто писал о бильярде, и употребляли слова, принадлежащие Коттону – «благородная и целомудренная» игра.

Но Коттон также говорил и о порочной стороне: «Я полагаю, что это развлечение в последнее время не так популярно, как прежде, потому что там, где установлены бильярдные столы, роятся жаждущие наживы 'жучки'». Такие игроки, говорил он, превращают бильярдный зал в их магазин, кухню и спальню:

«В магазин – потому, что это – место, где они ожидают того, чтобы покупателями стали невежественные простаки; в кухню – потому, что отсюда прибывает основная часть их провизии, выпивки и курева, которые являются их средствами существования; и когда они не могут никого уговорить сыграть на интерес, стол становится для них спальней – местом, под которым можно поспать» [5].

Безусловно, приёмы бильярдных мошенников уже были хорошо известны. Весьма курьёзно то, что одним из самых ранних известных жуликов был французский священнослужитель, применявший классические методы. Мемуары французского герцога Сен-Симона от 1695 года говорят о некоем Лангра – начальнике королевской социальной службы, позже ставшем епископом Лангра, которого неоднократно в пух и прах обыгрывали на бильярде придворные королевы. «Он не сказал ни слова и удалился в Лангра, где обучался искусству бильярда, и делал это в затворничестве, чтобы кто-нибудь об этом не проведал. По возвращению в Париж, он встретился со своими обидчиками, которые настаивали на новых бильярдных баталиях, однако отклонял предложения как уже единожды обыгранный человек, который в течение прошедших шести месяцев находился в Лангра и видел лишь каноников и патеров ...» Но время в Лангра было проведено не зря. Пока ставки были еще не высоки, будущий епископ прикидывался неумелым и проиграл несколько первых партий – используя проверенный временем способ бильярдных катал. А затем, к удивлению доверчивых дворян, партии стали завершаться в пользу Лангра, и «в конце концов, он обыграл всех до единого, а затем потешался над ними, вернув себе больше, чем проиграл» [6].

Выпуск *Compleat Gamester* в начале восемнадцатого века (1734 год) посчитал необходимым предупредить читателей о том, как они могут стать жертвами мошенников. «Я приведу поразительный пример мошенничества, известного в городе», – говорит автор, и рассказывает об игроке, который стал жуликом «в надежде намного быстрее нажать состояние, чем через труд и усердие». Катала изловчился «сострогать или подрезать конец палки» доверчивого противника, чтобы тот не смог полностью проявить своё мастерство. Игрок-жертва был с успехом обманут и «предположил ... что был не в ударе, несколько не подозревая, что вина лежит на палке» [7]. В 1714 году Теофилус Лукас (*Theophilus Lucas*) уже рассказывал (в своих выразительно озаглавленных «Мемуарах жизни, интриг и забавных приключений самых известных игроков и знаменитых мошенников при господстве Карла II, Якова II, Вильгельма III и королевы Анны») о «вечно не преуспевающем» негодяе по имени Маркиз Гискар. Распутство Гискара быстро опустошило его состояние – вплоть до того, что «для существования не осталось ничего, кроме пенсии, которой было недостаточно, чтобы обеспечивать его расточительность ... и он стал заядлым бильярдным игроком». Несмотря на то, что «в этом времяпрепровождении он был несравненным игроком и извлёк из него много денег», Гискар стал изменником и умер в тюрьме [8].

Трактат о бильярде в журнале *Covent-Garden Magazine*, напечатанном в 1773 году, стал со времён Коттона самой полной работой об игре, и чтобы принести читателям пользу, автор с некоторой осторожностью описал «методы, обычно практикуемые каталами для обмана в игре». Откровения журнала демонстрируют высокую изощренность шулеров или мошенников того времени:

«Жулики редко или вообще никогда не заходят в бильярдную вместе, а появляются один за другим, чтобы создать впечатление о том, что они не знакомы, и тем самым обманывают недоверчивых ...»

«Мошенники, наблюдая за тем, как незнакомец забивает шары, обращаются к нему с комплиментами по поводу его прекрасных ударов и предлагают сыграть. Если они будут играть только на оплату стола, то незнакомец, несомненно, выиграет, что соблазнит его играть на деньги. По мере увеличения ставок, катала будет раскрывать свой уровень игры, и незнакомец, осознавая сумму проигрыша, будет удивлен тому, что поначалу худший игрок в мире, в итоге оказывается одним из лучших ...»

«Два шулера претворяются, заключая пари с третьим, который принимает участие в игре, и предлагают зрителю разделить ожидаемый выигрыш (и, соответственно, проигрыш) пополам. Простофиля, полагаясь на их превосходящее суждение, и понимая, что они не будут заключать наперёд проигранное пари, а также мечтая о благополучном исходе, охотно ухватывается за приманку и попадает на свою собственную хитрость».

В заключение автор говорит: «В целом, мы советовали бы каждому приезжему молодому джентльмену никогда не играть и не держать пари в общественной бильярдной, поскольку можем его уверить, что три четверти посетителей являются шулерами и живут исключительно игрой» [9]. Пожалуй, количество шулеров несколько завышено, но жульничество в Лондоне действительно процветало. Молодой Уильям Хикки, познавая великий город Лондон приблизительно в то же самое время, писал, что его друзья «учили меня быть настороже, чтобы не попасться на различные уловки аферистов, используемые для обмана доверчивых людей» [10]. Связь бильярда с сомнительными поступками, конечно же, оказывала дурное влияние на игру, и все, кто писал о бильярде, отважно стремились скорректировать ошибочные представления общества. Любители игры, подобные Коттону и Хаулитту, стремились восхвалять его благородные качества и жестоко бичевать тех, кто бранил его.

Старая страсть бильярдного игрока к постоянному совершенствованию и повышению точности игры, всегда совмещалась с одинаково страстным уважением права игрока на то, чтобы в игре его не отвлекали. Следовательно, приходилось постоянно бороться за то, чтобы благородное поведение стало нормой, и игрок мог концентрироваться исключительно на своей игре. Например, в правилах из *Hoyle's Games Improved* за 1779 год это уважение к концентрации игрока описано различными способами. Так игрок, готовящийся к выполнению удара, защищен от своего противника и от зрителей, которым запрещено «раздражать или отвлекать его при ударе». Люди, не принимающие участия в игре, должны «стоять поодаль от стола», «не имеют права предлагать игроку пари в то время, когда он целится», и должны не подавать «знаками, жестами или иным способом» советы или рекомендации игроку. Они не могут «выявлять любую ошибку, которую он по своему суждению совершил». И в то время, когда общественное легкомыслие обоих полов оживило английские кофейни и гостиницы, бильярдный стол все еще мог оставаться зелёным островком высокой серьезности в «игровой комнате»: другое правило из сборника *Hoyle's Games* требует, чтобы «каждый человек был крайне внимателен и прислушивался к звукам удара, прежде чем открыть дверь бильярдной» [11]. Коттон требовал того же самого, но даже требований, связанных с концентрацией, было недостаточно, чтобы заставить расхлябанных, неряшливых игроков с дурной репутацией изменить их сущности или поступки, совершаемые в игре.

Распространенный способ возвышения бильярда в глазах общественного мнения состоял в акцентировании его значимости как полезного для здоровья упражнения и увлекательного отдыха для ума, и рассуждениях о его благородном – и даже знатном – прошлом. Знатность времяпрепровождения можно было подчеркнуть, указав на удовольствие, предлагаемое для дам, ведь мутный мирок мошенника был решительно не тем местом, где можно было бы отыскать леди. Эти аспекты, к которым Коттон и его последователи проявили заботливое внимание, вместе с теми же самыми замечаниями, озвучивались всеми последующими покровителями игры вплоть до сегодняшних дней.

По выражению королевы Шотландии Марии Стюарт, даже в шестнадцатом веке бильярд был «упражнением и забавой» (*exercice et passe-temps*) [12]. Документ шестнадцатого века *The Benefit of the Auncient Bathes of Buckstones* (1572 год), в частности, описывает важное упражнение в «*Troule in Madame*» (*Trou Madame*) – игре, подобной бильярду, в которую в девятнадцатом веке играли на бильярдных столах:

«Леди, нежные женщины, жены и девицы, возможно при одной из прогулок по галерее, если погода покажется им не милой, могут найти в конце террасы одиннадцать отверстий, сделанных для того, чтобы в них можно было забрасывать кружки или шары – большие, маленькие или средние, медные, оловянные, деревянные, бросая сильно или слабо – по Вашему усмотрению; забава называется *Troule in Madame* ... Она не только укрепляет живот, но и конечности – руки и ноги, в зависимости от того, насколько тяжелы бросаемые предметы и от того, как это делается – сильно, слабо или со средней силой» [13].

Трудно уклониться от сравнения этого с одним из замысловато изложенных (несколько лет спустя – в 1873 году) аргументов Майкла Фелана, доказывающим респектабельность игры: «Когда мы рассматриваем привычки малоподвижного образа жизни, в которые в последнее время погрузились наши американские дамы», – сказал он, – «мы не можем не радоваться их мотивам, ведь их дома впредь будут украшены посредством развлечения, которое приятно вынудит их заниматься потребными упражнениями, и в то же время, в значительной степени будет способствовать тому, чтобы дом стал привлекательным от наличия их удовольствий» [14].

В книге Фрэнсиса Куорлса (*Francis Quarles*) *Эмблемы*, изданной в Лондоне в 1635 году, есть небольшая, но обстоятельная картинка с изображением двух фигур, играющих в бильярд. Одна из них – херувим с блаженным выражением лица, а другая – озорной и склонный к неприятностям Купидон; его лук отложен в сторону, поскольку он держит короткий бильярдный мазик. Таким образом, символическое изображение безошибочно представляет оба аспекта игры. Французская работа 1696 года, содержащая маленький раздел о бильярде, называется *Divertissements Innocens* – «Невинные Развлечения». А поздние выпуски «Умелого игрока» (*Compleat Gamester*), как следует из титульных листов, были «написаны для использования юными принцессами»; бильярд был игрой, полностью пригодной для молодых дворянок.

Но даже необыкновенные усилия Коттона и других авторов не могли защитить игру от посылаемых в неё пращей и стрел. Например, в пьесе восемнадцатого века *The*

Rivals, написанной Ричардом Шериданом (*Richard B. Sheridan*), когда потребовался коллектив бездельников, выбор пал на «пять уволенных председателей, семь несовершеннолетних официантов и тринадцать бильярдных маркеров» [15]. Точно так же, длинная поэма Уильяма Купера (*William Cowper*) *The Task* в разделе о том, как напрасно растрачивать время, изображает Время в новом обличье бильярдного игрока, чья «бильярдная палка хорошо выполняет работу его разрушительной косы» [16]. Подобные нападки незначительны, но они указывают на определенные вещи, связанные с репутацией игры в век рационализма (*имеется в виду 18-й век; прим. пер.*) и в начале девятнадцатого века.

До 1801 года, когда была издана анонимная книга под названием *Game of Billiards*, и до 1807 года, когда вышла книга Уайта, никогда не выпускались английские труды, посвященные исключительно бильярду. В те годы и позже перед писателями стояла задача – избавить игру от запятнанной репутации. Но бильярд становился прибыльным бизнесом, а также страстно любимой забавой, и такая задача заслуживала того, чтобы затратить усилия на её решение. Переживания Уайта о вреде, наносимом игре каталами, были так сильны, что он жестоко поносил их как «мошенников», и резко осуждал «буксировку» – технический приём, которым некоторые из них овладевали для использования в своих грязных целях. Все авторы девятнадцатого века усердно стремились облачить игру в благородные одежды. Они предлагали доказательства её древности, цитируя ссылку Шекспира в «*Antony and Cleopatra*», как доказательство того, что древние египтяне до рождения Христа играли в бильярд, и пробовали связать его с Калигулой, Лукуллом и Блаженным Августином. Они говорили, что это была наиболее полезная для здоровья, самая интеллектуальная, утончённая и благородная игра. И, по крайней мере, королева Виктория к 1838 году в этом была убеждена. Но в первой половине девятнадцатого века в благовоспитанном обществе Соединенных Штатов игра стала приходить в упадок. Как представлялось, бильярд (или ещё более зловещий «Пул») был времяпрепровождением азартных игроков, негодяев и бродяг, и стал обыденностью в подозрительных трактирах. Согласно книжке *Gleanings from the History of Billiards* (1896 год), «широкая общественность услышала об игре в бильярд, которой потакали распутные монархи европейских государств, и некоторые даже узнали о том, что игра прижилась в домах высшей американской знати, но были склонны скорее полагать, что в этом должно быть что-то чудовищно безнравственное» [17]. А для роста бильярдной промышленности в Америке 1850-х годов необходимо было навести лоск в репутации игры.

Это – игра, «которой сопутствуют настолько умеренные упражнения, что делают её приятной и способствующей здоровью», – говорил Бон в 1850 году [18]. «Упражнение выполняется легко, пока идёт на пользу здоровью», – согласился Майкл Фелан десять лет спустя. Генри Уорд Бичер (*Henry Ward Beecher*) – известный американский проповедник и автор (а также брат Гарриет Бичер-Стоу – *Harriet Beecher Stowe*) утверждал, что – «В целом, игра мужественна, изобретательна и чрезвычайно приятна. Она представляет собой приятное упражнение самого живительного свойства и заслуживает поощрения всеми возможными надёжными способами» [19]. Ранее Бичер написал два известных трактата, осуждающих игры, но бильярд, как он чувствовал, был чрезвычайно респектабелен. Регулярно игравший Авраам Линкольн, объявил бильярд «полезной для здоровья, научной игрой, доставляющей отдых утомленному чем-то иным разуму» [20]. Фелан утверждал, что бильярд мог улучшить кого угодно, потому что

«предоставляет даже безграмотному разуму реальную основу для оценки математической и геометрической точности» [21]. Натаниэль Курье и Джэймс Мерритт Ивз (*Nathaniel Currier; James Merritt Ives*), чьи широко известные литографии, посвященные жизни и людям в Америке, вероятно помогли сформировать национальную идею, в 1860-х и 1870-х годах создали шесть или восемь общедоступных сцен о бильярде. «Философы разузнают о нём, богословы одобряют его, врачи предписывают его», – за всех заключает Бенджамин Гарно [22]. Английская книга, относящаяся приблизительно к 1880 году, удачно именовала игру как «Домашняя атлетика» [23]. Из энциклопедии *Cyclopedia of Card and Table Games*, опубликованной в 1891 году в Лондоне, чувствуется, что игра становилась всё более и более респектабельной: «Настолько всё изменилось, что бильярдные столы теперь можно отыскать и в особняке, и в клубе, и в солдатской казарме ... и даже в помещении Союза молодых христиан» [24]. А Тёрстон в 1908 году был рад сообщить о недавней продаже: «Официальная резиденция на Даунинг-стрит ... недавно была оборудована бильярдным столом г-на Тёрстона для использования последним премьер-министром, врачи которого предписали достопочтенному джентльмену спокойные упражнения и развлечение, предоставляемые благородной игрой» [25].

Безусловно, мошенники всё еще кучковались вокруг. В книге *Billiards Made Easy*, вышедшей приблизительно в 1880 году, описан один из наиболее распространенных трюковых ударов – «джамп» (при котором шар отрывается от поверхности стола). «Посредством джампа, шулер выполняет хорошо известный удар, при котором шар проходит между двух шаров (или, скорее, над ними), расположенных так, что в промежуток шар не может протиснуться». В заключение автор говорит: «Этот и многочисленные подобные ему удары выполняются людьми, в карманах которых всегда найдутся остатки мела, и которые на короткой ноге с маркёром. Вряд ли нужно говорить, что стоит сторониться таких людей» [26]. А картина Винсента ван Гога «Ночное кафе в Арле» (1888) вызывает несколько менее утончённые ассоциации с игрой. На картине изображён «интерьер кафе, в котором я ем», – говорил Ван Гог. Живопись выражает «сильные человеческие страсти посредством красного и зеленого цвета. Комната – кроваво-красная и темно-желтая с бильярдным столом посередине» [27]. Также стоит вспомнить, что в 1915 году Уильям Клод Дюкфилд (*William Claude Dukefield*; больше известен под псевдонимом *W.C.Fields*), начав сниматься в фильмах, получил возможность продемонстрировать своё хорошо известное мастерство игры в Пул в пятнадцатиминутном немом фильме «Шулеры Пула».

Развитие игры в конце девятнадцатого века в Великобритании весьма замедлилось, и причиной тому были попытки применения профессиональными игроками различных стратегий построения крупных серий. Соответственно, посещаемость общедоступных матчей снизилась. В 1896 году майор Бродфут в обеспокоенных тонах описал депрессивное состояние игры. «Сейчас игра находится в довольно любопытном положении. До сих пор она никогда не была настолько популярна в клубах, и там, где дюжину лет назад был лишь один дом с частным столом, теперь есть двадцать; но зрительский интерес к бильярду угас» [28]. Предположительно, это произошло потому, что заканчивалась эпоха бильярда, как игры исключительно высокого профессионального уровня; позже, социолог Нед Польски согласился с этим в своей книге *Hustlers, Beats, and Others*, отмечая значительное снижение количества американских игроков в начале 1920-х годов.

В 1920-х годах популярность исключительно мужского общественного бильярда в Америке достигла максимума, и мода на него впечатляла. В середине двадцатых годов в Соединенных Штатах функционировало 42000 заведений, в которых можно было играть в Пул; в одном только Нью-Йорке их насчитывалось 4000, и в некоторых из них стояло по пятьдесят или даже по сотне столов. Согласно данным Бильярдного Конгресса Америки, приведенным Польски, к 1951 году эти числа уменьшились на восемьдесят процентов [29]. Польски описывает бильярдную субкультуру двадцатых годов, неукоснительно предназначенную только лишь для мужчин, соорудивших из комнат для Пула оплот, который женщины не могли бы преодолеть. «Не случайно то, что бильярдные стали быстро расти количественно и в размерах в то время, когда американская граница быстро отступала, ведь одно из предназначений границы состояло в том, что это был мужской аварийный люк из изнеженной и 'феминизированной' городской цивилизации», – говорит Польски. «По мере того, как большие и маленькие города распространялись на запад, а жизнь в них 'остепенялась', бильярдные расцветали как своего рода задние или внутренние границы новой территории без женщин, удовлетворяющей потребности внутренних эмигрантов из мира спокойствия, навязываемого женщинами...» [30]. Но изменение культуры поведения потихоньку стирало все эти границы. Чтобы сохранить возможности ведения бильярдного бизнеса, когда после второй мировой войны этот рынок практически исчез, промышленности необходимо было снова восстановить репутацию игры.

Чтобы повысить социальную респектабельность бильярда и устранить заразу салунов и подозрительных торговых центров, расположенных по углам улиц, были предприняты различные меры. Уже в 1920-х годах компания *Brunswick-Balke-Collender* сделала для широкой общественности такое заявление:

«Предупреждение: слово 'Пул' – неоднозначное, бессмысленное и наводит на мысли об азартной игре; оно неприятно для общественности. Поэтому, мы прекращаем его использовать, и в качестве замены впредь будем применять слова 'Лузный бильярд'».

И промышленность продолжала посвящать немало времени совершенствованию имиджа игры, открытию в торговых центрах больших и изысканных залов со столами пастельных цветов, новому продвижению игры, как развлечению для женщин и молодых людей. Польски утверждает, что «Чистка игры» и изменение ее 'имиджа', направленные на привлечение женщин, приведут к тому, что комнаты для Пула никогда не вернут себе популярность, даже отдалённо напоминающую ту, которой они когда-то обладали», потому что предположение о том, что упадок бильярда основан на его сомнительных связях, является ложным. Польски осознаёт, что спад исключительно мужской бильярдной культуры от высшей точки её популярности в 20-х годах произошёл из-за изменений в обществе, и вряд ли последует повторный разворот. Поэтому, относительно будущего игры его тон пессимистичен [31].

Нет сомнений в том, что образ игры поменялся, но, конечно же, сама игра не подвергается опасности исчезновения. Очевидно, «семейное занятие» никогда не возвратит тех старомодных общественных бильярдных, предназначенных лишь для мужчин. Сегодня бильярд должен конкурировать со сбивающим с толку количеством развлечений, направленных на массовую аудиторию: радио, телевидение, кинотеатры и спорт с огромным количеством зрителей. И появление серийно выпускаемого автомобиля с заманчивыми предложениями его покупки в кредит, соблазнило многих завсегдатаев бильярдных залов, которые затем к бильярду не

вернулись. Но, несмотря на такие культурные перемены, и несмотря на то, что бильярд пережил века дурной славы, которая, возможно, уничтожила бы любую другую игру, бильярдные игры продолжают оставаться весьма популярными. Преуспевают и попытки бильярдной индустрии преподнести игру для более широкой общественности. Как говорит Польски, если игра больше не обеспечивает профессиональных игроков, зарабатывающих на проживание тем, что перемещаются из одной большой городской бильярдной в другую, то это некоторым образом свидетельствует о том, что сейчас в Америке игра фактически является времяпрепровождением.

Бильярдные процветают в колледжах и университетских городках, преуспевают в оживлённых пригородных центрах, постоянно привлекая новых покровителей. Курсы колледжа по бильярду обладают ошеломляющей популярностью; обычно, на них записываются больше студенток, чем молодых парней. Процветают продажи бильярдного оборудования для бытового применения; возможно, они даже выше, чем были когда-либо прежде. Множество розничных продавцов теперь предлагает бильярдные столы там, где двадцать лет назад они были с трудом доступны лишь от поставщиков производителя. Массовое производство и рост покупок в кредит привели к тому, что ровные сланцевые столы стали доступны всем. Бильярд жив и здоров в домашних комнатах отдыха по всей стране. В то время как состав публики, играющей в бильярд, значительно изменился, число игроков не снизилось. Их удивительно много, и количество быстро увеличивается.

Исследование [Артура Чарльза Нильсена](#) (*Arthur Charles Nielsen*), выполненное в конце 1973 года с целью определить любимый национальный вид спорта [32], показало – насколько действительно популярен бильярд. Среди всех представленных номинаций, категория «Пул и бильярд» вошла в десятку любимых видов развлечений. Группа мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 17 лет поставила её на десятое место по популярности. Восемнадцатилетние люди отвели бильярду девятое место. «Освобождение женщин не убедило многих из них взяться за оружие, хотя они будут выстреливать в Пуле», – заметил репортёр, комментируя результаты. У взрослых мужчин категория «Пул и бильярд» стала третьей среди наиболее популярных развлечений в Америке, уступив лишь плаванию и рыбной ловле. Интересно отметить, что в каждой возрастной группе, даже среди подростков, бильярд превзошёл футбол.

Для страны в целом, бильярд всего лишь восьмой, если считать от вершины любимых спортивных состязаний. По результатам исследования выяснилось, что в стране почти 33 миллионов человек играют в Пул и бильярд, и это – действительно впечатляющий показатель огромной популярности игры. Мы непосредственно видим, что пропорция, которую можно было бы ожидать между предпочтением зрителя и предпочтением игрока, отсутствует, и что популярность бильярда сегодня более основательна, чем когда-либо прежде.

Мы могли бы также обратиться к текущей статистике Бильярдного Конгресса Америки, связанной с производством и популярностью игры в обществе. Сейчас, больше чем в двадцати миллионах американских домов установлены бильярдные столы, а новые столы продаются со скоростью больше чем 500000 штук в год. За прошедшие несколько лет фабричные продажи ежегодно обновляли максимумы, и, согласно отраслевым отчётам, в ближайшем будущем есть «потенциал, чтобы стать

промышленностью с объемом продаж более миллиарда долларов» [33]. В 1974 году популярные журналы могли справедливо сослаться на «растущий рынок Пула» [34].

Так или иначе, это соответствует тому, что недавно игра закончила полный оборот, длившийся шесть или семь веков. В 1971 году крупный американский производитель игр для взрослых и детей анонсировал предположительно новую игру, названную «Бильярд на лужайке» [35]. Она разработана так, чтобы игра проходила на земле, на открытом воздухе с «битой», которая перемещает шары «посредством толкающего движения». Именно это бильярдные игроки делали, играя в течение многих веков с булавой. Тот наземный бильярд, вновь появившийся в двадцатом веке, является достойной наградой иронией для любителей бильярдной игры. Таким образом, обзор истории многовековой игры показывает, что в конечном счете бильярд всегда продолжал становиться всё популярнее.

Тот факт, что спокойная и сложная многовековая игра для одного или двух игроков так хорошо прижилась в эпоху массовых зрелищных видов спорта, говорит вполне достаточно. Игра, к которой прикасались Мария Стюарт и Мария Антуанетта, Чарльз Коттон и королева Виктория, Авраам Линкольн и Марк Твен, все ещё привлекательна и может быть такой всегда.

Ссылки на источники в главе 13

1. [La Maison des Jeux Academiques](#) (Paris: Etienne Loyson, 1665), p.167.
2. Charles Cotton – [The Compleat Gamester](#) (London: R. Cutler, 1674), pp.12, 14.
3. Michael Phelan – [Billiards Without a Master](#) (New York: D.D.Winant, 1850), p.112.
4. R.Howlett – [The School of Recreation](#) (London: Henry Rodes, 1684), p.193.
5. [Cotton](#), p.18.
6. Историю о Лангра рассказал Henry Havard – [Dictionnaire de l'Ameublement et de la Decoration](#) (Paris: Maison Quanten, 1887), p.324.
7. Richard Seymour – [The Compleat Gamester](#), 5th ed. (London: E.Curll, 1734), pp.85-87.
8. Theophilus Lucas – *Memoirs of the Lives, Intrigues and Comical Adventures of the Most Famous Gamesters and Celebrated Sharpers in the Reigns of Charles II, James II, William III, and Queen Anne* (London: Jonas Brown, 1714) в книге Cyril Hartmann, ed. – [Games and Gamesters of the Restoration](#) (London: George Routledge and Sons Ltd., 1931), pp.197-199.
9. [The Covent-Garden Magazine](#) (London: G. Allen, Jan., 1773) II, 8-9.
10. Alfred Spenser, ed. – [Memoirs of William Hickey 1749-1775](#) (London: Hurst and Blackett Ltd., 1913), p.64.
11. Charles Jones, ed. – [Hoyle's Games Improved](#) (London: J.Rivington and J.Wilkie, 1779), pp.155-266.

12. Prince Alexandre Labanoff – [Lettres, Instructions et Mémoires de Marie Stuart, Reine d'Ecosse](#) (London: Charles Dolman, 1844), p.470.
13. [The Benefit of the Auncient Bathes of Buckstones](#) (London: William Jones, 1572), p.12.
14. Michael Phelan – [Game of Billiards](#), 4th ed. (New York: D.Appleton, 1858), p.19.
15. Richard B. Sheridan – [The Rivals, a Comedy](#) (Dublin: R.Moncrieffe, 1775), p.32.
16. William Cowper – [The Task](#) (London: J.Johnson, 1785), p.148.
17. [Gleanings from the History of Billiards](#) (Chicago: Brunswick-Balke-Collender Co., 1896), p.22.
18. Henry G. Bohn, ed. – [Bohn's New Handbook of Games](#) (Philadelphia: Henry F. Anners, 1850), p.543.
19. Ссылки на Фелана и Бичера приведены в публикации Фелана и Коллендера [The Rise and Progress of the Game of Billiards](#) (New York: 1860), pp.4, 11.
20. Цитируется в *One Hundred Years of Recreation, 1845-1945* (Chicago: Brunswick-Balke-Collender Co., 1945), p.2.
21. Phelan – [Game of Billiards](#), 4th ed., p.18.
22. Benjamin Garno – [Modern Billiards](#), new ed. (New York: Brunswick-Balke-Collender Co., 1909), p.7.
23. «Winning Hazard» – [Billiards Made Easy](#) (London: Houlston and Sons, circa 1880), p.1.
24. Hoffman, ed. – *Cyclopedia of Card and Table Games* (London: George Routledge & Sons Ltd., 1891), p.329.
25. *The Noble Game of Billiards* (London: Thurston's, 1908), p.2.
26. [Billiards Made Easy](#), p.65.
27. Репродукция картины и письма Ван Гога представлены в книге Alfred H. Barr, Jr. – *Vincent Van Gogh* (New York: Museum of Modern Art, 1935), Pl.34, letters 518, 533.
28. Major W. Broadfoot – [Billiards](#) (London: Longmans, Green & Co., 1896), p.52.
29. Ned Polsky – *Hustlers, Beats, and Others* (Chicago: Aldine Publishing Co., 1967), p.36 [B.C.A. – Billiard Congress of Am.]
30. Там же, стр.37.

31. Там же, стр.31.

32. Результаты исследования опубликованы в истории *New York Times*; см. Neil Amdur's «Swimming Makes Biggest Splash», *St. Louis Post-Dispatch* (April 8, 1974), p.5D.

33. См. «*Brief Facts about Billiards Today*» и «*Billiard Business on Way to Record Year*» – новые выпуски Public Relations Sports Network (Chicago: Billiard Congress of America, 1973).

34. См. «Rack 'em up, Jeeves», *Esquire* (June, 1974), p.126.

35. См. «*The Official Lawnplay Billiards Rulebook*» (South Bend, Ind.: South Bend Toy Manufacturing Company, Inc., 1971). Фирма The South Bend Toy Company является дочерней компанией Milton Bradley.

Библиография

Abdy, Stotherd. «The Welsford Wedding Journal of the Reverend Stotherd Abdy». *The [Houblon Family: Its Story and Times](#)*. London: Archibald Constable, 1907. Vo. II.

[Academie Universelle des Jeux](#). Paris: Theodore Legras, 1725.

[Academie Universelle des Jeux](#). Lyons: B.Gorman & Blanc, 1805. Vol. VII.

«The Advent of the Modern Billiard Ball». *Selling Sporting Goods* (Sept., 1971), 53.

Aldin, Cecil. [Old Inns](#). London: William Heineman, 1921.

d'Allemagne, Henry Rene. [Sports et Jeux d'Adresse](#). Paris: Librairie Hachette, 1903.

[Almanach fur Spieler](#). Berlin: Berfasser, 1799.

Altham, H.S., and E.W.Swanton. *A History of Cricket*. London: Allen and Unwin, 1926.

«An Amateur». *Game of Billiards*. London: T.Hurst, 1801.

Amdur, Neil. «Swimming Makes Biggest Splash». *St. Louis Post-Dispatch*, April 8, 1974.

Annandale, Charles, ed. *Blackie's Modern Cyclopedia*. London: Blackie and Sons, 1896. Vol.I.

Ashton, John. [Social Life in the Reign of Queen Anne, Taken from Original Sources](#). London: Chatto and Windus, 1882. Vol I.

Austen, Jane. [Mansfield Park](#). New York: Washington Square Press, 1962.

Barr, Alfred H., Jr. *Vincent Van Gogh*. New York: Museum of Modern Art, 1935.

Bate, Walter Jackson. *John Keats*. New York: Oxford University Press, 1966.

Beaufort, James, ed. [*Hoyle's Games Improved*](#). New York: William Prichard, 1796.

Belden, Louise. «Billiards in America before 1830». *Antiques*. (January, 1965), n.p.

Bemis, Samuel Flagg. [*John Quincy Adams and the Union*](#). New York: Knopf, 1956.

[*The Benefit of the Auncient Bathes of Buckstones*](#). London: William Jones, 1572.

Benham, William, and Charles Welch. *Medieval London*. London: Seeley & Company, 1901.

Bennett, Joseph. [*Billiards*](#). London: Thomas Delarue & Co., 1873.

«Billiard». [*La Grande Encyclopedie*](#). Paris: H.Lamirault, 1888. Vol.XVI.

Billardspieler. Vienna: 1801.

[*Gründlicher Unterricht im Billardspiele*](#). Vienna: V.R.Gruner, 1827.

«*Billiard Business on Way to Record Year*». [Public Relations Sports Network]. Chicago: Billiard Congress of America, 1973.

Billiard Lighting. Bradford, Eng.: Foster and Pullen, [1900?].

[*The Billiard Player's Handbook*](#). London: S.Y.Collins, [1847?].

«The Billiard Record». [*Modern Billiards*](#), new ed. [Benjamin Garno]. New York: Brunswick-Balke-Collender, 1909.(«A compendium of ... matches, 1854-1909».)

«Billiards». *Encyclopedia Britannica*. 3rd ed. Edinburgh: A.Bell, 1797. Vol.III.

Bohn, Henry G., ed. [*Bohn's New Handbook of Games*](#). Philadelphia: Henry F. Anners, 1850.

Boulton, William R. *The Amusements of Old London*. London: Tobard Press, 1970.

Boyer. [*The Royal Dictionary in French and English, English and French*](#): R.Clavel, 1699.

Brantome, Le Seigneur de. [*Vies des Dames Illustres*](#). Paris: Gamier Freres, 1873.

«*Brief Facts about Billiards Today*» [Public Relations Sports Network]. Chicago: Billiard Congress of America, 1973.

Broadfoot, Major. [*Billiards*](#). Badminton Library. London: Longmans, Green, & Co., 1896.

Brunswick Brochure (Form 72-51). Chicago: Brunswick Corporation, 1972.

Burrows, George T. *Old English Inns*. London: Cassell and Co., [1890],

«The Business of Billiards». *St. Louis Post-Dispatch Pictures* (September 21, 1969), pp.32-35.

[The Cabinet Dictionary](#). London: T. Sheraton, 1803.

Carson, Jane. *Colonial Virginians at Play*. Charlottesville, Va.: University Press of Virginia, 1964.

[Cassell's Complete Book of Sports and Pastimes](#). London: Cassell and Co., [1890?].

de Castro, J. Paul. *A Dictionary of the Principal London Taverns Since the Restoration*. London: unpublished manuscript, circa 1925.

Cernak, John R. *Letter*. July, 1974.

Chamberlayne, Edward and John. [Angliæ Notitia or the Present State of England with Diverse Remarks upon the Ancient State Thereof](#). 22nd ed. London: S.Smith, 1707.

Chapman, George. [The Blind Beggar of Alexandria](#). London: William Jones, 1598.

Clare, Norman, *The Design and Construction of Billiard Tables and Their Accessories*. Liverpool: unpublished lecture, 1970.

Clifford, W.G. *Billiards Through the Centuries*. London: Printing Craft Ltd., [1933?].

[Coach and Sedan: Pleasantly Disputing for Place and Precedent](#). London: Robert Raworth, 1636.

[A Collection of Ancient Documents Respecting the Office of Master of Revels and Other Papers Relating to the Early English Theater](#). London: T.Richard, 1870.

Colonial Office Records, Leeward Islands. London: Public Record Office, Ref. co. 152/66, 1787.

Concerning Billiard Tables in the Making. London: E.J.Riley Ltd., 1937-38.

Conrad, Joseph. *Lord Jim*. Ed. Robert B. Heilman. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1957.

Cook, E.T. [Gardens of England](#). London: A. & C. Black, 1911.

Cotgrave, Randle. [A Dictionarie of the French and English Tongues](#). London: Adam Islip, 1632.

Cotton, Charles. [The Compleat Gamester](#). London: R.Cutler, 1674. Reprinted in [Games and Gamesters of the Restoration](#). Ed. Cyril Hughes Hartmann, London: Routledge and Sons, 1930.

Cowper, William. [The Task](#). London: J.Johnson, 1785.

The Covent-Garden Magazine; or. Amorous Repository: Calculated Solely for the Entertainment of the Polite World and the Finishing of a Young Gentleman's Education. London: G.Allen, [January](#) and [December](#), 1773, Vol.II,

Cumming, E.D. [Coaching Days and Ways](#). London: Hodler and Stoughton, [1920?].

Dasent, Arthur Irwin. [Piccadilly in Three Centuries](#). London: Macmillan, 1920.

Dawson, C. [Practical Billiards](#). Surrey, England: C.Dawson, 1904.

DeBeer, E.D., ed. [The Diary of John Evelyn 1673-1684](#). Oxford: Clarendon Press, 1955. Vol.IV.

Denton, Reverend W. [Records of St. Giles Cripplegate](#). London: George Bell, 1883.

Desnar. «Preface». [Le Billard](#) by Vignaux. Paris: Delarue, 1891.

Dew, John. «A Treatise on Billiards». [Hoyle's Games Improved](#). Charles Jones, rev. London: J.Rivington and J.Wilkie, 1779.

Dickens, Charles. [Dombey and Son](#). New York: New American Library, 1964.

Dickens, Charles. *Martin Chuzzlewit*. London: Oxford University Press, 1971.

Dickson, Terry. «*The Art of Making Billiard Balls*». St. Louis Post-Dispatch, 1957.

Dictionary of Arts and Sciences. London: W.Owen, 1754. Vol.I.

Dictionnaire des Jeux Mathematiques. Paris: H.Agasse, 1789-1799.

Divertissements Innocens. The Hague: Andrian Moetjens, 1696.

Dostoievski, Fyodor. *Crime and Punishment*. New York: Modern Library, 1950.

Dufour, Charles. [Ten Flags in the Wind: The Story of Louisiana](#). New York: 1967.

Edwards, Ralph and Margaret Jourdain. *Georgian Cabinet Makers*. London: Country Life Ltd., 1955.

Egan, Pierce. [Pierce Egan's Anecdotes](#), *Forming a Complete Panorama of the Sporting World*. London: Knight and Lacey, 1827.

Eliot, George. [Felix Holt, the Radical](#). New York: W.W.Norton, 1970.

Ellis, Aytoun. [The Penny Universities: A History of the Coffee Houses](#). London: Seeker and Warburg, 1956.

The Encyclopedic Dictionary. London: Cassell & Co. Ltd., 1884, Vol.I.

- Etat ou Tableau de la Ville de Paris*. Paris: 1860.
- Evans, Seiriol. *The Pictorial History of Gloucester Cathedral*. London: Pitkin Pictorials, 1969.
- Fiennes, Celia. [*Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary*](#). London: Field and Tuer, 1888.
- Flaubert, Gustave. *Madame Bovary*. Trans. Lowell Bair. New York: Bantam, 1959.
- Fosbroke, Rev. Thomas Dudley. [*Encyclopedia of Antiquities*](#). London: J.Nichols and Son, 1825.
- Fossier, Albert E. *New Orleans: The Glamour Period 1800-1840*. New Orleans: Pelican Publishing Co., 1957.
- Fox, Charles. «Introduction». [*The Sports and Pastimes of the People of England*](#) [1801] by Joseph Strutt. London: Methuen, 1903.
- [Garno, Benjamin]. [*Modern Billiards*](#), new ed. New York: Brunswick-Balke-Collender Co., 1909.
- Gelli, Jacopi. *Manuale del biliardo*. Milan: Hoepli, 1895.
- Gillett, Sidney. *The Earlier History of Billiard Tables & Accessories, As Seen from the Sales Journals of John Thurston 1818-1843*. London: Thurston and Co. Ltd., 1943.
- Gillett, Sidney. «The Game of English Billiards». *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities*. London: Billiard Association and Control Council, 1940.
- Gillett, Sidney. *Links with the Past* [pamphlet], London: Thurston and Co. Ltd., 1942.
- Gillows Archives*, 1769-1895.
- Gillows: A Record of a Furnishings Firm During Two Centuries*. London: Harrison and Sons, 1901.
- [*Gleanings from the History of Billiards*](#). Chicago: Brunswick-Balke-Collender., 1896.
- Godefroy, Frederic. [*Dictionary of the Ancient French Language*](#). Paris: F.Vieweg, 1881.
- [*Gomme, Alice Bertha. The Traditional Games of England, Scotland, and Ireland*](#). London: David Nutt, 1894. Vol.I.
- «The Grand Lodge of Missouri Freemasonry». *St. Louis Globe-Democrat Sunday Magazine* (June, 1971), p.14.
- «Great Match at Billiards». *Louisiana State Gazette* (New Orleans, April 1,1826).
- Gregory, Edward W. *The Furniture Collector*. London: Herbert Jenkins, n.d.

- Gregory, Edward W. and Henry F. Maskell. [*Old Country Inns of England*](#), 2nd ed. London: Sir Isaac Pitman and Sons, 1912.
- Gronow, J. *A Review of England and Wales*. London: Simpkin and Marshall, 1949.
- Goss, Charles W.F. *The London Directories 1677-1855*. London: Denis Archer, 1932.
- Guiffrey, Jules. [*Histoire de la tapisserie depuis le moyen age jusqu'a nos jours*](#). Paris, 1838.
- Gunklach, William. *Letter*. November 19, 1973.
- Haines, H. *A Guide to the Cathedral Church of Gloucester*. 2nd. ed. London: James Parker, 1867.
- Hall, E. Hepple. [*Coffee Taverns, Cocoa Houses, and Coffee Palaces: Their Rise, Progress and Prospects*](#). London: S.W.Partridge, [1878].
- Hare, Kenneth. *Roads and Vagabonds*. London: Eyre and Spottiswood, n.d.
- Harris, Stanley. [*The Coaching Age*](#). London: Richard Bentley, 1885.
- Havard, Henry. [*Dictionnaire de l'Ameublement et de la Decoration*](#). Paris: Maison Quanten, 1887.
- «Hazard, Winning». [*Billiards Made Easy*](#). 2nd ed. London: Houlston & Sons Ltd., 1891.
- Heal, Ambrose. *London Tradesmen's Cards of XVIII Century*. London: B.T.Botsford, 1925.
- Henderson, Robert W. «Ball Games, Origin of». *Encyclopedia Americana*, 1966.
- Hissey, James John. [*The Road and the Inn*](#). London: Macmillan and Co., 1917.
- Hoffman, ed. *Cyclopedia of Card and Table Games*. London: George Routledge & Sons Ltd., 1891.
- Home, Gordon. *Medieval London*. London: Ernest Penn, 1927.
- Hoppe, Willie. *Thirty Years of Billiards*. Ed., Thomas Emmett Crozier. New York: Putnam, 1925.
- Howlett, R. [*The School of Recreation*](#). London: Henry Rodes, 1684.
- Huguet, Edmond. *Dictionnaire de la Langue Francaise du Seizieme Siecle*. Paris: Edouard Champion, 1925.
- Johnson, Samuel. [*A Dictionary of the English Language*](#). London: 1755. Vol.I.

- Jones, Charles, rev. *Hoyle's Games Improved*. London: J.Rivington and J.Wilkie, [1779](#), 1808, [1825](#).
- Jonson, Ben. [The Devil Is an Ass. Ben Jonson's Plays](#). Ed. Felix Schelling. New York: Everyman, 1910. Vol. II.
- Kentfield, Edwin. [Game of Billiards](#). London: Thurston and Co., 1889.
- Keverne, Richard. *Tales of Old Inns*, 2nd ed. London: Collins, 1947.
- King, Maude Egerton. [Round About a Brighton Coach Office](#). London: Vineyard Press, [1920].
- Lavender, David. [Bent's Fort](#). Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press, 1954.
- Labanoff, Prince Alexandre, ed. [Lettres, Instructions et Mémoires de Marie Stuart, Reine d'Ecosse](#). London: Charles Dolman, 1844.
- Lillywhite, Bryant. *London Coffee Houses*. London: Allen and Unwin, 1963.
- Littre, Emile. [Dictionnaire de la Langue Francaise \(Supplement\)](#). Paris: Librairie Hachette, 1892.
- London and County Directory*. London: Pigot and Co., 1826.
- Larwood, Jacob, and John Camden Hotten. [The History of Signboards](#). London: John Camden Hotten, 1866.
- Lucas, Theophilus. *Memoirs of the Lives, intrigues and Comical Adventures of the Most Famous Sharpers in the Reigns of Charles II, James II, William III and Queen Anne*. London: Jonas Brown, 1714. Reprinted in Cyril Hartmann, ed. – [Games and Gamesters of the Restoration](#). London: George Routledge and Sons, 1931.
- MacGoeghegan, Abbe James. [The History of Ireland](#). New York: Sadlier & Co., 1868(?).
- Macquoid, Percy and Ralph Edwards. *The Dictionary of English Furniture*. London: Country Life Ltd., 1954.
- [La Maison des Jeux Academiques](#). Paris: Etienne Loyson, 1665.
- Malet, Captain. [Annals of the Road](#). London: Longmans, Green and Co., 1876.
- Mali, H. *Letter*. Nov., 1973.
- «*The Manufacture of Billiard Cloth*». New York: Henry T. Mali Co., circa 1971.
- Mardon, Edward Russell. [Billiards](#), 3rd ed. London: Houlston & Wright, 1858.
- Marsden, J. *Billiard Tables Past and Present*. Liverpool: Andrew Russell, 1883.

- de la March, Oliver. «Journal of a Citizen of Paris», *Memoirs Relative to Joan of Arc and Charles VII*. (Vol.III of [New Collections of Memoirs](#)). Paris: Edouard Proux & Co., 1837.
- Matz, B.W. [The Inns and Taverns of «Pickwick»](#). London: Cecil Palmer, 1921.
- Maskell, Henry Parr. *The Taverns of Old England*. London: Phillip Allan, 1927.
- Maurois, Andre. *Byron*. New York: Ungar Publishing Co., 1964.
- McCausland, Hugh. *Old Sporting*. London: Batchworth Press, 1948.
- Meltzer, Milton. *Mark Twain Himself*. New York: Bonanza Books, 1971.
- Menke, Frank G. [Encyclopedia of Sports](#). 3rd ed. New York: Barnes, 1963.
- «Michael Phelan Comes to New Orleans». *Daily Delta*. Feb. [11](#), [26](#), [28](#), 1860.
- Mingaud, Capt. *Noble Jeu de Billard*. Paris: 1827.
- Mingaud, Capt. *The Noble Game of Billiards*. Trans. John Thurston. London: J.Thurston, 1830.
- Mingaud, Capt. [The Noble Game of Billiards](#). Trans. John Thurston. London: Thurston, 1831. [Перевод на русский язык](#).
- Moncton, O. Paul. [Pastimes in Times Past](#). Philadelphia: Lippincott, 1913.
- Monson-Fitzjohn, G.J. [Quaint Signs of Olde Inns](#). London: Herbert Jenkins Ltd., 1926.
- Morris, Charles Smith, ed. *Imperial Reference Library*. Philadelphia: Syndicate Publishing Co., 1848.
- Morris, Christopher, ed. [The Journeys of Celia Fiennes](#). London: Cresset Press, 1949.
- Mueller, Norman R. *Letter*. June 22, 1974.
- Murray, James A.H. et al., eds. *The Oxford English Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1933. Vol.I.
- «Nimrod». *The Chase, the Turf, and the Road*. London: John Murray, 1837.
- The Noble Game of Billiards* [pamphlet], London: Thurston and Co., [1908].
- The Official Lawnplay Billiards Rulebook*. South Bend, Ind.: South Bend Toy Mfg. Co., 1971.
- Official Rule Book for All Pocket and Carom Games*. Chicago: Billiards Congress of America, 1971.

- Official Rule Book for All Pocket & Carom Billiards Games*, rev. Chicago: Billiard Congress of America, 1974.
- O'Flaherty, Roderico. [*Ogygia: seu Rerum Libericarum Chronologia*](#). London: Ben.Tooke, 1685.
- Old London Taverns: The Laws and Customs, Rights, Liberties and Privileges of the City of London*. London: R.Withy, 1765.
- One Hundred Years of Recreation 1845-1945*. Chicago: Brunswick-Balke-Collender Co., 1945.
- Padmore, T.R. *Letter*. Dec. 28,1967.
- Pardon, George Frederick [under the pseudonym «Capt. Crawley»]. [*The Billiard Book*](#). London: Longmans, Green, 1866.
- Peterson, Charles C. *History of Billiards*. St. Louis: unpublished manuscript, circa 1935.
- Phelan, Michael. [*Billiards Without a Master*](#). New York: D.D. Winant, 1850.
- Phelan, Michael. [*Game of Billiards*](#), 4th ed. New York: D.Appleton, 1858.
- Phelan, Michael. [*Game of Billiards*](#), 5th ed. New York: D.Appleton, 1863.
- Polsky, Ned. [*Hustlers, Beats, and Others*](#). Chicago: Aldine Publishing Co., 1967.
- Pottle, Frederic, ed. *Boswell's London Journal 1762-1763*. New York: McGraw Hill, 1950.
- Priestley, J.B. «[At Thurston's](#)». *Self-Selected Essays*. London: William Heinemann Ltd., 1932.
- Programme, 1836-1936 Centenary Celebration*. London: Burroughs and Watts Ltd., 1936.
- Pyne, W.H. *The Past of Pastimes*. New York: Archon Books, 1969.
- Quarles, Fra: [ncis]. [*Emblems*](#). London: G.M., 1635 «Rack 'em up Jeeves». *Esquire*. LXXXI:124. June, 1974.
- Richardson, A.E. [*The Old Inns of England*](#). London: B.T.Batsford Ltd., 1934.
- E.J.Riley: Billiard Table Makers*. London: E.J.Riley Ltd., n.d.
- Riley-Burwat News* (December, 1968). London: Riley Burwat Ltd.
- E.J.Riley Catalogue*. London: E.J.Riley Ltd., 1906.
- Rileys Manufacturers for the Billiard Room and Home*. London: E.J.Riley Ltd., 1921.
- [*The Rise and Progress of the Game of Billiards*](#). New York: Phelan and Collender, 1860.

- Robert, Paul. *Dictionnaire, Alphabetique & Analogique de la Langue Francaise*. Paris: Societe du Nouveau Littre, 1967.
- Roberts, Charles. *The Complete Billiard Player*. London: Methuen and Co., Ltd., 1911.
- Robinson, John. *The Delaval Papers*. Newcastle, England: Browne & Browne, [1890?].
- Rogers, John C. *Modern English Furniture*. London: Country Life Ltd., 1930, n.d.
- Rogers, Kenneth. *The Mermaid and Mitre Taverns in Old London*. London: Homeland Association, 1928.
- Rogers, Kenneth. *Signs and Taverns Round About Old London Bridge*. London: Homeland Association, 1937.
- Romain, John. Advertisement in *Louisiana State Gazette*. New Orleans: April 30, 1805, p.3.
- Ross, Frederick. [*Bygone London*](#). London: Hutchinson and Co., 1892.
- Rostang, Jules. «Historical Preface». *Manuel de Jeu de Billard* by Desire Lemaire. Paris: Delarue, 1865.
- Roy, Reuben. *The Science of Billiards*. London: Henry Kent Causton, n.d.
- Scharf, J. Thomas. [*History of St. Louis City and County*](#). Philadelphia: Louis H. Everts, 1883. Vol.II.
- Schmidt, Harold. *Letter*. (Nov. 28, 1973).
- Seymour, Richard. [*The Compleat Gamester*](#). 5th ed. London: E.Curll, 1734.
- Sheldon, Jean R. *Letter*. June 3, 1974.
- Shelley, Percy Bysshe. *Selected Poetry and Prose*. Ed. Kenneth Neill Cameron. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1951.
- Sheraton, T. [*The Cabinet Dictionary*](#). London: W.Smith, 1803.
- Sheridan, Richard B. [*The Rivals, a Comedy*](#). Dublin: R.Moncrieffe, 1775.
- Sherlock, H.T. *The Rising Sun: A Study of Inn Signs*. Oxford: Basil Blackwell, 1937.
- Silverton, John. «How Snooker Started». *World Snooker*. (April, 1971), p.11.
- Smail, Henfry. *The Worthing Pageant: The Worthing Road and Its Coaches*. 2nd. ed. Worthing, Eng.: Aldridge Brothers, 1944.

- Somers, Dale A. *The Rise of Sports in New Orleans 1850-1900*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1972.
- Spenser, Alfred, ed. [*Memoirs of William Hickey*](#). London: Hurst and Blackett Ltd., 1913.
- Sp [enser], Ed [mund]. [*Prosopopoeia: Or Mother Hubbard's Tale*](#). London: William Ponsonbie, 1591.
- Squire, Sir John, «The History of Billiards». *Catalogue of the Exhibition of Billiards Antiquities*. London: Billiards Association and Control Council, 1940, pp.7-15.
- Stapleton, Alan. *London Lanes*. London: Bodley Head, 1930».State of Science in England and France». [*Edinburgh Review*](#), 34 (August-November, 1820), p.417.
- Storehouse of General Information*. London: Cassell and Co., 1891.
- Strachey, Lytton, and Roger Fulford. *The Greville Memoirs 1814-1860*. London: Macmillan, 1938. Vol.VI.
- Strutt, Joseph. [*The Sports and Pastimes of the People of England*](#) (1801), new ed. Ed. Charles Fox. London: Methuen, 1903.
- Summerson, John. *Georgian London*. London: Pleiades, 1947.
- Thackeray, William Makepeace. [*Vanity Fair*](#). Boston: Houghton Mifflin, 1963.
- «That Satisfying 'Click'». *The National Bowlers Journal and Billiard Review* (1972), p.53.
- Theorie Pratique du Billard*. Paris: Edmond Graveleuse, 1881.
- Trevelyan, G.O. [*Cawnpore*](#). London: Macmillan and Co., 1865. «Trail». *Colliers Encyclopedia*. 1971.
- Trainer, Clement F., and Thomas J. Gallagher. *History of the 18.2 Balk-Line Game of Billiards in the United States*. Wynnewood, Pa.: Clement F. Trainer, 1971.
- Tristram, Outram. [*Coaching Days and Coaching Ways*](#). London: Macmillan, 1893.
- U.S. Open Championships Pocket Billiard Publicity*. Chicago: Public Relations Sports Network, 1973.
- Walker, George. [*Haste, Post, Haste! Postmen and Postroads Through the Ages*](#). London: George Harrap, 1938.
- «Warrant to Thos. Hauconbridge, Receiver General of the Revenue» (September, 1643) *Letters and Papers 1602-circa 1711*. British Museum Add. 32476, folio 32.
- Welch, Charles. [*History of the Monument*](#). London: Blades, East, and Blades, 1893.

Wheatley, Henry B., ed. [*The Diary of Samuel Pepys*](#). London: George Bell and Sons, 1895.

White, E. [*A Practical Treatise on the Game of Billiards*](#). London: W.Miller, 1807.

White, Walter. [*A Month in Yorkshire*](#). London: Chapman and Hall, 1858.

Wilson, Violet A. [*The Coaching Era*](#). London: John Hare, 1922.